РЕБЕККА РОАНХОРС

BooktubeSFF Awards

Премия Локус

СЛЕД МОЛНИИ

«Отчаянное путешествие по захватывающему постапокалиптическому ландшафту».
Кейт Эллиот

След молнии
Ребекка Роанхорс

Аннотация
Ребекка Роанхорс. След молнии
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38

Аннотация

Большую часть мира накрыла Большая Вода, но резервация навахо Динета возродилась. На земли навахо вернулись боги и монстры.

Мэгги Хоски – убийца чудовищ, одаренная силой кровожадного клана.

В поисках пропавшей девочки она становится последней надеждой жителей маленького городка. Но охота на монстра открывает ей нечто гораздо более страшное. Мэгги неохотно заручается поддержкой Кая Арвизо, знахаря-целителя, и вместе они отправляются в путь, чтобы разгадать подсказки древних легенд, обменяться одолжениями с обманщиками и сразиться с темным колдовством. Когда Мэгги узнает правду, ей придется противостоять своему прошлому – если она хочет выжить.

Добро пожаловать в Шестой Мир.

Ребекка Роанхорс
След молнии

Моему любимому мужу Майклу.
Без тебя я бы не справилась.

Rebecca Roanhorse
TRAIL OF LIGHTNING

Copyright © Rebecca Roanhorse 2018
Saga Press/Gallery Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© М. Сороченко, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Монстр здесь побывал. Я чую его запах.

Зловоние чудовища — смесь резкого запаха пота и мясистой зрелости немытой плоти хищника, к чему примешивается нечто такое, что я не могу определить. Эта вонь не только портит свежесть вечернего воздуха, но и несет в себе нечто более глубинное, чем простой запах, более низменное. Оно выбивает меня из колеи, заставляя мои собственные инстинкты предостерегающе взвыть. На лбу моем выступает холодный пот. Я вытираю его тыльной стороной руки.

Я также чувствую запах ребенка, которого украло чудовище. Он легче и чище. Невинней. Девочка пахнет жизнью или, по крайней мере, пахла до тех пор, пока ее не утащили отсюда. Но теперь ее запах мог измениться.

Дверь Капитула Лукачикая широко распахивается. Посреди небольшого зала для собраний на старом измятом металлическом складном стуле сидит женщина с непроницаемо-каменным лицом — вероятно, мать пропавшего ребенка. Рядом мужчина среднего возраста в серебристой

ковбойской шляпе и подросток в военной форме — с виду моложе меня на несколько лет. Мальчик держит женщину за руку и что-то шепчет ей на ухо.

Кроме них, в этом зале собралось почти все население городка Лукачикай. Кто знает, что привело их сюда — желание поддержать и оказать поддержку или простое любопытство, вызванное притягательной силой чужого горя. Скучковавшись по двое-трое, они сидят угрюмыми группками на точно таких же потрепанных серых стульях, сгорбившись и вдыхая спертый воздух, который с каждой минутой становится все более ядовитым благодаря запертым наглухо окнам и ощущению чрезмерного числа людей, собравшихся в слишком маленьком помещении. Все они местные жители — навахо, или *дине*, как мы себя называем, чьи предки жили в предгорьях Чускских гор на протяжении многих поколений, пока *билигааны*[1] осваивали этот континент. Они могут рассказать истории о родственниках, искалеченных и убитых во время *«Долгого пути»*[2]

---

[1] Примечания: 1

Белые люди (*навах.*).

[2] Примечания: 2

«Долгий путь» — насильственное переселение индейцев навахо с родины в резервацию Боске-Редондо весной 1864 года.

или в индейских школах-интернатах. Вероятно, никогда в жизни они не покидали пределы своей резервации — даже в те времена, когда она представляла собой всеми забытый захолустный район Соединенных Штатов, а не страну *Динета*[3], в которую превратилась сейчас. Эти *дине* знают старые песни, исполняемые *хатаальи*[4], древние легенды о чудовищах и уничтожавших их героях — еще до того, как эти чудовища опять восстали из мертвых, чтобы вновь начать красть деревенских детей из кроваток. И теперь они хотят, чтобы одним из таких героев стала я.

Но я не герой. Скорее последнее средство — орудие для выжигания земли. Я тот, кого вы нанимаете, когда последний герой возвращается домой в мешке для трупа.

Мокасины не издают ни звука, когда я прохожу по растрескавшемуся кафельному полу и останавливаюсь перед матерью. Тихие разговоры затихают за спиной, все головы оборачиваются в мою сторону. Моя репутация здесь явно известна, поскольку далеко не все взгляды дружелюбны. У дальней стены слоняется взад-вперед группа

---

[3] Примечания: 3
Динета — самоназвание территории проживания индейцев навахо.

[4] Примечания: 4
Шаман (*навах.*).

мальчишек — должно быть, друзей подростка в военной форме. Они громко хихикают, провожая меня глазами, и никто не пытается заставить их утихнуть. Я стараюсь не обращать на них внимания. Говорю себе, что мне все равно. Я здесь, чтобы выполнить работу и взять за нее плату, а то, что будут думать обо мне лукачикайцы, не имеет никакого значения.

Впрочем, мне всегда плохо давалась ложь.

У матери ко мне только один вопрос:

— Вы ее спасете?

Спасу? Хороший вопрос, не правда ли? Что толку в моих навыках и силе кланов, если я не смогу ее спасти?

— Я ее найду, — отвечаю я.

И найду, вне всяких сомнений. Но спасение и поиск — это разные вещи. Кажется, мать это чувствует. Она закрывает глаза и отворачивается.

Мужчина в ковбойской шляпе откашливается и поднимается со стула. На нем старые выцветшие джинсы «Леви'с», которые наверняка были ему впору лет десять назад, но теперь так малы, что живот нависает над пряжкой ремня. Столь же плохо сидящая рубашка прикрывает его дряблый торс, а взгляд налитых кровью глаз, который мужчина бросает на меня, явственно говорит,

что он уже в трауре. Что, возможно, он уже и сам не очень верит в спасение.

Он представляет мне мать, мальчика и, наконец, себя. Имя, фамилия, название кланов — всё как положено. Мужчина — дядя пропавшей девочки, а мальчик — ее брат. Все они Бегеи — фамилия такая же обычная для *дине*, как Смиты для *билигаанов*. Но кланы — то, что делает человека *дине* и определяет его родственные обязательства — мне незнакомы.

Он умолкает, ожидая, что и я, в свою очередь, назову свое имя и кланы — чтобы они могли найти для меня место в их маленьком мире, обозначить наши отношения и ту меру дружелюбия, которую они могут проявить ко мне. И то дружелюбие, которое я могу проявить к ним.

Но я молчу. Мне всегда было плевать на традиции. К тому же всем вокруг будет только лучше, если мы останемся друг другу незнакомцами.

Наконец старший Бегей кивает, понимая, что я не склонна соблюдать этикет *дине*, и жестом указывает на матерчатую сумку у своих ног.

— Это все, что мы можем предложить, — говорит он.

Руки его при этом дрожат, и я понимаю, что лжец из него не лучше, чем из меня. Тем не менее

он гордо поднимает подбородок и вызывающе смотрит на меня широко раскрытыми глазами из-под полей шляпы.

Я делаю шаг вперед, наклоняюсь и заглядываю в сумку, после чего быстро произвожу подсчеты в уме. Серебряные украшения неплохи — бусы, старые штампованные браслеты, несколько маленьких традиционных ожерелий. Правда, бирюза в них полная дрянь — не хватает «паучьих жил», которые бы делали камни по-настоящему ценными. Серебро можно будет обменять на нужные мне вещи на рынках Тсэ-Бонито, но бирюза ничего не стоит. Это не более чем красивые голубые камешки.

— Бирюза — дерьмо, — говорю я вслух.

Раздается недовольное ворчание, и брат с силой отодвигает стул. Металлические ножки протестующе скрежещут по плитке. Мальчик скрещивает руки на груди с гримасой отвращения.

Я не обращаю на него внимания и вновь поворачиваюсь к дяде.

— Возможно, вам следует нанять кого-то другого: «Псов-Законников» или «Жаждущих».

Дядя качает головой. Вся напускная бравада улетучивается под тяжестью ограниченных возможностей.

— Мы пытались. Никто не пришел. Мы бы не стали посылать «бегуна», если бы не были…

В отчаянии. Он не обязан говорить это вслух. Я пойму и так.

Бегун — немного неверный термин, поскольку на самом деле им оказался низкорослый коренастый пацаненок на мотоцикле. Но на ногах у него были древние кроссовки «Найк» — тщательно обмотанные скотчем для укрепления разошедшихся швов на носках и пятках.

Спросите, откуда я это знаю? Дело в том, что он остановился прямо у меня во дворе, громко рыча мотоциклом на холостом ходу и переполошив моих собак. Я выглянула за дверь и крикнула ему, чтобы он убирался ко всем чертям. И что я больше не занимаюсь охотой на монстров. Но он сказал, что Лукачикай нуждается в помощи и что никто больше не придет. У них пропала маленькая девочка, за поиски которой мне заплатят. Я ответила, что это не мои проблемы, но пацаненок настаивал и в конце концов сумел меня заинтересовать. Последние девять месяцев я не занималась ничем — только пялилась на стены своего трейлера, так что же мне еще оставалось делать? К тому же я изрядно поиздержалась и нуждалась в средствах на жизнь. В общем, когда

малыш окончательно отказался уходить, я решила посетить Лукачикай. Но теперь начинаю жалеть об этом. За месяцы добровольного заточения я успела забыть, как сильно ненавижу толпу. И как толпа ненавидит меня.

Дядя горестно разводит руками. Мольба в его взгляде красноречивее всяких слов.

— Я подумал… если вы увидите всё своими глазами…

О да, я вижу всё. В том числе и то, что Бегеи о чем-то умалчивают. Возможно, они не хотят платить нормальную цену только потому, что я женщина.

Возможно, потому, что я — не Он.

— Какая чушь! — громко говорит брат, и от его слов по залу проносится нервное хихиканье. — Что она может сделать такого, на что не способны мы? — Он жестом обводит кучку своих друзей, жмущихся к стене. — Силы клана? Но она даже не говорит нам, к каким кланам принадлежит. Она — ученица *Нейзгани*?[5] Но это только с ее же слов.

При упоминании имени Нейзгани биение моего сердца учащается, к горлу подкатывает

---

[5] Примечания: 5
Убийца (*навах*.).

комок. Но я заставляю себя проглотить знакомую боль от того, что меня бросили. Тихий отголосок былых желаний. Я не имею никакого отношения к Нейзгани уже давным-давно.

— Не только с ее слов, — возражает дядя. — Так все говорят.

— Все? Но все говорят, что она ненормальная. Что не следует обычаям навахо. Об этом говорят абсолютно все — кого ни спроси.

По толпе разносится ропот. Не сомневаюсь, что они обсуждают мои сомнительные моральные качества. Но дядя заставляет их умолкнуть одним взмахом руки.

— Она единственная, кто пришел. Что вы хотите? Чтобы я отослал ее обратно? Чтобы оставил твою сестру на ночь с той тварью, которая ее унесла?

— Пошли меня! — крикнул мальчик.

— Нет! В горах нельзя находиться ночью. Чудовища…

Глаза его быстро оглядывают меня — ту, которую он готов послать в горы ночью. Но на лице его нет ничего похожего на чувство неловкости. В конце концов, он платит мне за риск — хотя и довольно скупо. Но племянник — совсем другое дело. Он родственник.

— Мы уже потеряли одного, — поясняет он ослабевшим голосом.

На мгновение кажется, что мальчик готов бросить дяде вызов, но мать смотрит на него так красноречиво, что он опускает плечи. Он громко выдыхает и откидывается на спинку стула.

— Я бы не испугался, — бормочет он, просто чтобы оставить за собой последнее слово.

Но все понимают, что это неправда. Несмотря на армейские обноски, в которые он одет, мальчик сдался достаточно быстро. Я оглядываю подростков у стены. Они притихли и смотрят куда угодно, но только не на своего друга. Пожалуй, я сильно переоценила его возраст.

Затем я бросаю демонстративный взгляд на закопченное окно, за которым быстро садится солнце. Если бы у меня были часы, я бы сделала вид, что смотрю на них.

— Кажется, я зря теряю время, — говорю я им. — Платите столько, сколько я заслуживаю, и тогда я приступаю к работе. Или не платите, и я иду домой. Мне без разницы. — Я делаю паузу, прежде чем взглянуть на мать. — Но для вашей дочери разница может быть существенной.

Мальчик вздрагивает. Не без удовольствия я смотрю, как краска стыда заливает его лицо, как

вдруг тяжелый воздух прорезывает женский голос:

— У вас есть сила клана?

Это второе, что произнесла мать с тех пор, как спросила, могу ли я найти ее дочь. Кажется, она сама поражена своим внезапным вопросом. Она поднимает руки, будто намереваясь закрыть себе рот, но затем резко останавливается и опускает руки на колени. Пальцы ее сильно сжимают ткань длинной юбки, после чего она тихо добавляет:

— Как у него — у Убийцы Чудовищ. Ходят слухи, что он всему вас обучил. И теперь вы… как он.

О нет, я далеко не Нейзгани. Это он — легендарный Убийца Чудовищ, родившийся от двух представителей Святого Народа. А я — человек, простая девочка с пятипалыми руками. Но меня трудно назвать нормальной — такой же, как этот брат и его друзья. Я бы послала к черту и мальчишку, и его дядю, но не могу отказать скорбящей матери.

— Я — *Хонагаании*[6], рожденная для *К'ааханаании*.

Я упоминаю лишь два своих первых клана,

---

[6] Примечания: 6
Дух-покровитель клана (*íàâàð.*).

но и этого более чем достаточно для того, чтобы угрюмая подозрительность толпы переросла в громкую враждебность. Один из мальчиков рявкает в мою сторону что-то грубое.

Мать встает, выпрямив спину, и жестким взглядом заставляет толпу замолчать. В ее глазах зажигается нечто яростное — такое, что заставляет меня проникнуться к ней симпатией, несмотря на все усилия не обращать на это внимания.

— У нас есть еще… — говорит она. Дядя пытается протестовать, но она обрывает его неожиданно громким и повелительным тоном: — У нас есть еще чем заплатить. И мы заплатим. Только найдите ее. Найдите мою дочь.

Я понимаю, что на этом разговор закончен.

Затем расправляю плечи, ощутив спиной дробовик в кобуре. Многолетняя привычка заставляет пробежаться пальцами по ремню кобуры и охотничьему ножу Böker, висящему на бедре. Кончики пальцев касаются метательных ножей, заткнутых за обвязки мокасин, — справа серебряного, слева обсидианового. Я перекидываю мешок через плечо, бесшумно поворачиваюсь и начинаю пробираться сквозь умолкнувшую толпу к выходу. Голову я держу высоко поднятой, руки свободными, взгляд направлен прямо перед

собой. Я толкаю дверь и выхожу из душного Капитула как раз в тот момент, когда брат кричит:

— А что, если она не вернется?

Я не утруждаю себя ответом. Если я не вернусь, то у Лукачикая возникнут проблемы посерьезнее, чем одна пропавшая девочка.

Глава 2

В течение часа я иду в гору по еле заметным тропинкам, сломанным веткам и блестящей траве, не имея визуального контакта со своей «дичью». Но я все равно уверена в правильности выбранного направления. Погрузившись на мгновение в красоту убывающего дня, я забываюсь в мерном ритме дыхания и забываю о том, что пришла сюда убивать.

Вокруг меня что-то вроде леса. Пондероза[7] и голубые ели раскинулись по высоким горам, став пристанищем для маленьких барсуков, мышей и ночных птиц. Смолистый сосновый запах густо наполняет воздух, опавшие иглы мягко хрустят под ногами. Назойливые насекомые, привлеченные запахом пота, радостно гудят у моих ушей. Я наслаждаюсь красотой и спокойствием. Точно так же, как потом буду наслаждаться кровопролитием. Но это равновесие — между землей, животным миром и самой собой — кажется правильным. Кажется истинным.

Солнце садится, и появляется луна. Вокруг ме-

---

[7] Примечания: 7
Пондероза — карликовое дерево, разновидность лимона.

ня сгущается ночь. Деревья становятся тенями, мелкие зверьки прячутся от ночных хищников, насекомые улетают. Удовольствие гаснет вместе с дневным светом.

Я иду вперед, пока запах гнили не становится настолько сильным, что начинает подавлять. Страх, как темная сторона интуиции, нарастает в моем животе, и я понимаю, что почти добралась до цели. Я сглатываю страх, во рту становится сухо и кисло, но я продолжаю идти. Пальцы безотчетно трогают оружие.

Вспышка света впереди на тропинке привлекает мое внимание. Я пригибаюсь и осторожно подхожу ближе. Там горит костер. Пламя его трепещет и дрожит, отбрасывая беспорядочные отблески на стволы высоких деревьев. Огонь изо всех сил пытается подняться выше, но дрова — кучка сухих палок, сложенных в неглубокую ямку, — сгорают быстро и не дают ему разрастись.

Я обхожу костер по дуге с юга, чтобы зайти к лагерю с восточной, подветренной стороны. По пути заряжаю дробовик патронами, начиненными кукурузной мукой и обсидиановой дробью. То и другое — священные вещества для *дине*. Боеприпасы предназначены для охоты на *йее*

наалдлошии[8], *ч'йидии*[9] или любых других чудовищ, считающих Динету своим домом. Но если я ошибаюсь и этот монстр принадлежит к более распространенной человеческой разновидности, то патроны отлично сработают и на нем. Дыра вместо сердца всегда одинакова — вне зависимости от того, что ее проделывает.

Я нахожу отличное место. Листва хорошо прикрывает меня, но не мешает обзору лагеря. Я прижимаю дробовик к плечу и смотрю вдоль ствола. Но то, что я там вижу, чуть не выворачивает мне желудок.

Чудовище похоже на человека, но я уже знаю, что это не так. Оно лежит, растянувшись на синем спальном мешке под импровизированным навесом из грубого брезента, привязанного серым шпагатом к двум деревцам. Большая часть его тела скрывает девочку из виду, но я ее слышу. Она хнычет мяукающим голосом, когда рот чудовища касается ее шеи, и умоляет его остановиться.

Но оно не останавливается.

Ярость переполняет меня и затуманивает зрение. Я борюсь с волной воспоминаний, проно-

---

[8] Примечания: 8
«Перевёртыш» (*íàâàò.*).

[9] Примечания: 9
Злой дух или демон (*íàâàò.*).

сящихся в голове, — об ощущении веса мужчины, удерживающего мое собственное тело, о густой крови, заливающей горло в тот момент, когда сильные пальцы сжимают мне голову и бьют ею о пол. О вопиющем ощущении несправедливости.

Воспоминания сотрясают меня, заставляют дрожать руки. Я заставляю себя их отряхнуть. Напоминаю себе, что это всего лишь память, которая больше не способна причинить мне боль — ведь чудовища, который проделал со мной такое, больше нет. Я его убила.

До последнего я надеюсь, что Нейзгани бросится на гору с пылающим молниеносным мечом в руках и поможет мне. Я даже жду полсекунды, чтобы увидеть, как это произойдет. Но… ничего не случается. Здесь его нет. Здесь лишь я.

Я снова поднимаю дробовик и прижимаю приклад к плечу. Отодвигаю ногу, не отрывая взгляда от цели. Тяжело наступаю на упавшую ветку. Громкий отчетливый щелчок уносится в тихую ночь.

Я жду, когда он приподнимется и подставится под четкий выстрел. Но… тщетно.

Не сводя глаз со спины чудовища, я наклоняюсь и поднимаю камень. Затем с силой швыряю его

в стоящий вдалеке сумах[10]. Камень врезается в ствол с громким стуком. Я крепче сжимаю дробовик, не отрывая пальца от спускового крючка.

По-прежнему ноль внимания. Крики девочки становятся все громче и безумнее.

Да пошло оно все! Я бью прикладом дробовика по дереву, за которым пряталась, и кричу:

— Эй! Иди сюда!

Чудовище мгновенно встает на дыбы и начинает вертеть головой из стороны в сторону в попытке разглядеть меня в ночи. Близость к костру сделала его слепым.

Я сглатываю желчь. Его рот измазан кровью. Он грыз ей горло. Этот сукин сын ее ел.

Я стреляю. Выстрел разрывает ему грудную клетку. Он начинает пошатываться, но не падает. Кровь сочится, влажно сверкая в свете костра, затем начинает лить потоком. Я начинаю отсчет до десяти. За десять секунд любой человек потеряет столько крови, что ему ничего не останется, кроме как падать мешком на землю. Я понимаю, что он только похож на человека, но надеюсь, что правило останется в силе: если я выживу в течение десяти секунд, то я выиграю.

---

[10] Примечания: 10

Сумах — род, объединяющий около 250 видов кустарников и небольших деревьев семейства сумаховые.

Он большой, широкоплечий и толстый. Неудивительно, что он так легко нес девочку в горы много миль. В мерцающем свете чахлого костра я не могу разглядеть его в деталях. Он человекообразный, с узловатыми шишками, выступающими из спины, плеч и бедер, которые похожи на огромные опухоли. Руки кажутся слишком длинными. Они отходят от туловища и упираются прямо в землю. Кожа такая прозрачная, что почти светится. Вместо груди теперь — кровавая дыра.

Я передергиваю затвор и стреляю снова. В этот раз выстрел отрывает кусок его плеча. Кровавые ошметья плоти и кожистые наросты летят прямо на девочку, которая отшатывается назад на четвереньках. Монстр все еще на ногах. Он рычит на меня как раненый разъяренный кабан.

— Беги! — кричу я девочке и начинаю подходить ближе.

Шесть, пять, четыре. У него огромная дыра вместо сердца и отсутствует часть руки. А он все еще едва шатается. Я понимаю, что у меня неприятности.

— Падай, — шепчу я. — Ну, падай же.

Он засовывает свою тяжелую лапищу под спальный мешок и вытаскивает оттуда длинный зловещий топор, предназначенный для рубки де-

ревьев и вышибания окон в спальнях маленьких девочек. Я не сомневаюсь, что он легко и с удовольствием рассечет мою плоть. Но не собираюсь давать ему ни шанса.

Одним отработанным движением я засовываю дробовик в кобуру за спиной и достаю свой Böker, похожий на мачете. Семь дюймов[11] изогнутой стали с утяжеленным острием. Но прежде чем я успеваю атаковать, он поворачивается к девочке, хватает ее, перекидывает через плечо и бежит.

— Чёрт!

Я бросаюсь за ним в погоню, пряча на ходу охотничий нож и доставая из завязок мокасина маленький нож, предназначенный для метания. Я швыряю обсидиановое лезвие быстро, словно выстреливаю молнию — одним гладким коварным движением из-под руки. Нож летит ровно и точно. С мрачным удовлетворением я наблюдаю, как он вонзается в заднюю часть колена чудовища. Оно рычит и спотыкается, чуть не выронив из рук визжащую от ужаса девочку. Но затем продолжает бежать. Быстрее, чем можно было бы ожидать от существа с ножом в ноге. Быстрее, чем это вообще возможно. Довольно

---

[11] Примечания: 11
17,8 сантиметра.

скоро монстр затеряется в темном лесу. Поэтому я делаю единственное, что мне сейчас доступно: пытаюсь разогнаться.

И *Хонагаании* приходит ко мне, отозвавшись на мою просьбу. Словно поток дикого огня проносится по моим венам. Он наполняет мышцы и превращает меня в нечто большее, чем я была без него. Мое зрение обостряется, легкие расширяются. Я почти лечу, едва касаясь земли легкими ногами. Инстинктивно уворачиваюсь от веток, перепрыгиваю поваленные деревья и густой подлесок. Я приближаюсь к монстру слишком быстро — в течение считаных миллисекунд между двумя вдохами. И вот, запнувшись, я уже падаю на его широкую спину.

Один удар, и все втроем мы падаем на лесную подстилку. Девочка вылетает из его рук, когда он врезается лицом в землю. Большое тело смягчает мое собственное падение и дает мне момент преимущества, которым я немедленно пользуюсь. Я перекатываюсь и вынимаю нож раньше, чем встаю на ноги. Теперь, когда монстр поднимется, я буду уже наготове.

Он переводит взгляд с моего ножа на девочку, которая лежит лицом вниз и молчит. Возможно, уже мертва, но я этого пока не знаю. Глаза чудо-

вища вновь начинают метаться между нами, и в этот раз, когда его взгляд останавливается на девчонке, он облизывает губы.

Я замахиваюсь в попытке полоснуть его по горлу. Несмотря на то что я все еще действую со скоростью *Хонагаании*, он успевает выбросить вперед руку и поставить блок. Я корректирую направление удара, извиваясь с клинком в руке с ловкостью горного кота, и вторгаюсь в самое незащищенное пространство. Клинок глубоко проникает в живот и режет внутренности. Затем еще раз. И еще. Жестко, быстро, безжалостно — как меня учили. Мои руки становятся скользкими от крови. Зловоние, вырывающееся из внутренностей, ошеломляет, глаза начинают слезиться. Я моргаю, но не останавливаюсь. Даже не делаю паузы между ударами, чтобы удостовериться в успехе. Я просто режу и жду, когда его тело упадет на землю.

Но мне опять не везет. Огромные руки обхватывают меня и сжимают. Ствол дробовика больно впивается в позвоночник. Я яростно борюсь за возможность вдохнуть. Плечо вспыхивает огнем, когда он наклоняется и изо всех сил пытается прокусить мою кожаную куртку.

Я кричу — отчаянно и безотчетно — и беспо-

мощно дергаюсь в его тяжелых руках. Паника сотрясает мне кости, и я вижу, как вспыхивают и гаснут звезды на краю поля зрения. Он сжимает сильнее. Грызет мне плечо, как собака кость. В правой руке я всё еще удерживаю свой Böker. В отчаянии я перекладываю нож в левую и высвобождаю руку. После чего изо всех сил замахиваюсь по направлению к его шее. Это неудобно, удар выходит неуклюжим, но он получается. Монстр отпускает меня с ревом боли. Отшвыривает прочь. Я лечу, дико размахивая руками и ногами, и тяжело ударяюсь о землю.

Весь бок горит от боли. Я не могу отдышаться, плечо пульсирует, но я заставляю себя подняться на ноги, одновременно ощупывая землю между нами в поисках ножа.

Но в нем уже нет необходимости. Чудовище пошатывается, рука неуклюже тычется в шею в попытке удержать на месте плоть и сухожилия, и я понимаю, что сумела отрубить ему голову. С трепетом я наблюдаю, как оно оседает на землю.

Всё.

Чудовище мертво.

В изнеможении я падаю на колени. Даже такое ограниченное использование силы клана истощило меня полностью. Потому что всё, что

дает человеку *Хонагаании*, он же потом забирает обратно. Сердце колотится в груди, как большой барабан. В ушах грохочет рев бури, дрожь тела становится совсем неуправляемой. Это тает адреналин в мышцах.

Я возбужденно кричу от непристойной эйфории. Мне уже знаком этот кайф. Это сила клана *К'ааханаании* — жажда крови, заставляющая упиваться убийством. Чувство вины и ужаса переполняет меня, я пытаюсь мысленно оттолкнуть *К'ааханаании* от себя, но это невозможно, пока мое тело с ног до головы покрыто кровью, а у ног валяется тело поверженного врага. Я слышу свой ликующий голос, разбегающийся эхом среди деревьев, и покорно жду, когда меня отпустит извращенная убийственная сила клана.

Некоторое время единственным звуком в ушах остается мое собственное разгоряченное дыхание. Затем я начинаю слышать мягкий шелест крон деревьев.

Грязь и камни прилипают к пропитанным кровью легинсам и больно впиваются в колени, пока я ползаю и собираю свои ножи. Я более-менее очищаю их и убираю в ножны обсидиановый клинок.

Böker остается в моих руках. Дорубив шею чу-

довища до конца, я отделяю голову от туловища. Такого монстра я еще не встречала. Но я знаю, что он слишком долго умирал, поэтому хочу быть уверенной, что он не встанет, когда я отвернусь. Забрать голову с собой — самый надежный способ себя обезопасить.

За спиной раздается шарканье.

Я резко оборачиваюсь. Возможно, слишком резко, поскольку в глазах сразу темнеет. Если тут еще один монстр, я буду не в силах его одолеть.

Но это девочка. Я совсем забыла о девочке.

Она села, прислонившись спиной к голому стволу дерева. Грязная ночная рубашка порвана в клочья. С волос свисают тягучие сгустки крови. Цвет лица ужасный — призрачно-меловой, несмотря на смуглость кожи. Теперь я вижу ее рану — сквозь черную кровь белеют кости и сухожилия в том месте, где плоть разрывали зубы монстра. Он не просто грыз ее. Он пытался вырвать ей горло.

Она пытается заговорить, но лишь беззвучно открывает рот. Рана слишком серьезная. Глаза большие, широко открытые и совершенно остекленевшие. Ей не может быть больше двенадцати лет. И вид раны подсказывает мне, что она вряд ли доживет до тринадцати.

Я подхожу к ней и присаживаюсь на корточки, чтобы посмотреть глаза в глаза. Девочка очень похожа на меня. Такая же смуглая кожа, темные волосы, широкое угловатое лицо.

Я еще не убрала Böker, но держу его прижатым к земле, вне поля ее зрения.

— Тебя утащило чудовище, — говорю я тихо и указываю на ее рану. Девочка закатывает глаза, пытаясь дотянуться взглядом до кровавого месива на своей шее. — Ты понимаешь, что это значит?

Низкое болезненное мычание — это все, на что она способна.

Нейзгани однажды сказал мне, что зло — это болезнь. Он объяснил, что может видеть его в людях, как заразу. Что *билигааны* ошибались и зло — это не какое-то там духовное понятие или деяния плохого человека. Нет, оно вполне реально, существует физически и напоминает инфекционную болезнь. Злом можно заразиться, если что-то злое попадает внутрь. А оказавшись внутри, оно начинает управлять человеком. Заставляет творить ужасные вещи. Уничтожать то, что было дорого. Причинять боль окружающим и в конце концов убивать. Когда такое случается, человек рискует превратиться в еще одного монстра.

Он сказал, что во мне есть часть этого зла, что оно коснулось меня в ту ночь, когда он меня нашел. И что оно проявилось, как *К'ааханаании,* делающее меня и сильнее, когда нужно, и намного порочней. Так получилось, что я иду по очень узкой тропе. Я должна быть очень осторожна — не давать злу расти и не кормить его без надобности. Потому что судьба моя еще не решена. Я могу быть как убийцей чудовищ, так и сама стать чудовищем.

Тогда я только отшутилась. Сказала, что это звучит как суеверие или дурацкая болтовня стариков. И неважно, что я разговаривала с бессмертным. Правда в том, что он меня тогда до смерти напугал. Потому что я поняла, о чем он говорил.

В тот момент мы стояли посреди поля, заваленного трупами. Его глаза смотрели на меня пристально, но были такими же недоступными и непостижимыми, как самые отдаленные уголки Вселенной. Я хладнокровно чистила свой Böker о куртку мертвеца, но изгиб губ Нейзгани и морщины между густых бровей ясно говорили мне, о чем он думает.

На следующее утро он исчез. Трудно сказать, почему он, Убийца Чудовищ, не убил меня тогда,

если думал, что я превращаюсь в монстра. Может, те годы, пока я была его ученицей, что-то для него да значили. Может, просто передумал в последний момент. Но теперь, сидя лицом к лицу с этой девочкой, столь похожей на меня, я чувствовала себя так, словно меня ударили под дых.

Надо рассказать ей то же, что говорил мне Нейзгани. Я не жестокая. Просто честная.

— Это значит, что ты заражена.

Влажное дыхание становится громче.

— Даже если ты выживешь, инфекция будет только усиливаться. Тебе придется бороться с ней всю жизнь. Она проникнет вглубь и подчинит тебя себе. — Я сглатываю, чтобы прочистить горло. — Я познакомилась с твоей семьей. Там, в городе. Они хорошие люди. — Нос вдруг начинает чесаться, и я тру его тыльной стороной ладони.

Она покачивается на месте, не отводя от меня глаз.

— Они будут пытаться говорить правильные вещи. Будут пытаться все исправить. Исправить тебя. Но они не никогда не поймут. То, что случилось с тобой, исправить невозможно.

Это самая длинная речь, которую я произнесла перед другим человеком за несколько последних месяцев. Но теперь я не жалею, что потратила

на нее время. Она должна знать. Должна понять, почему я сделаю то, что собираюсь сделать.

— Инфекция, — продолжаю я, — превратит тебя… в нечто иное. В нечто такое, что начнет причинять зло другим людям. Ты бы точно не захотела стать этим… — *«чудовищем»*, чуть было не сказала я. — Понимаешь?

Она сглатывает, и я вижу, как дергаются мышцы ее горла — гладкие и влажные там, где больше нет кожи.

Я киваю и сжимаю нож покрепче. Мне хочется попросить у нее прощения, но я лишь говорю:

— Закрой глаза.

Веки девочки трепещут и наконец закрываются. Я убираю волосы с ее лица. Обнажаю шею.

И все-таки бормочу «прости». Я уговариваю себя, что она понимает, что я ее спасаю, даже если так не кажется со стороны.

Наконец взмахиваю большим ножом.

Голова отделяется чисто.

Тело обмякает на лесной подстилке.

В животе зарождается твердый комок, от которого я сгибаюсь пополам, ощущая тошноту. Нож вдруг становится тяжелым и неповоротливым в моей руке, но я стараюсь не обращать на это внимания. Знакомая рукоять трет ладонь, как

наждачная бумага. И я не могу не думать о том, что если я все сделала правильно, то почему мне так… херово?

Я отшатываюсь от мертвого тела. Земля усеяна следами резни, которую я учинила всего несколько минут назад. Я заставляю себя принять всё: запахи, кровь, обезглавленные тела. Теперь оно навсегда останется в памяти. Как источник для ночных кошмаров.

Лес вокруг тих. Какое бы суждение он ни составил обо мне, но лес предпочитает держаться особняком. Кусок растопки шипит и потрескивает в далеком костре, прежде чем сдаться огню. Через несколько мгновений последнее пламя гаснет, оставляя мне лишь темноту и пепел.

Глава 3

Я возвращаюсь в Лукачикай сильно за полночь.

Я уничтожаю импровизированный лагерь монстра. Ненадолго восстановив костер, я сжигаю в нем все, что не представляет практической ценности. Две головы я кладу в отдельные холщовые мешки. Затем вскрываю один из своих патронов, высыпаю немного кукурузной пыльцы в ладонь и молюсь над обоими телами. Не то чтобы я умею это делать, но дедушка Тах всегда говорил, что пыльца связывает плоть с землей. Мне кажется, отсечение головы не менее эффективный способ, но кто я такая, чтобы спорить со знахарем?

Отрубленные головы бьют по спине и сочатся жижей. Тащить их в мешках по темному лесу — еще одно кошмарное занятие. Единственный плюс в том, что я одна. Никаких животных, никаких чудовищ. Пару раз я замечаю увязавшегося за мной койота, но он держится на расстоянии, лишь поблескивая парой желтых глаз в темноте.

Дверь в Капитул освещает одинокая голая лампочка. По идее, она должна казаться мне ма-

яком в ночи, несущим надежду, но вместо этого светится угрожающе и бледно. Входная дверь закрыта и заперта на засов от ночных чудовищ. Не знаю, считают ли меня здесь одним из них, но на всякий случай тяжело стучу в дверь в надежде, что кто-нибудь да ждет.

Гремит засов, и дверь слегка приоткрывается внутрь. Из щели выглядывает лицо. Это мой «бегун» — тот самый парнишка, который приехал ко мне сегодня утром предлагать работу в Лукачикае.

— Где все? — спрашиваю я.

Он пристально разглядывает меня, и я понимаю, что выгляжу, должно быть, ужасно. Я убираю волосы с лица, оставляя на лбу кровавые полосы, и слегка ему улыбаюсь.

— Надежно заперлись, — отвечает он. — Боятся чудовищ.

— Даже брат?

Рот его кривится.

— Особенно брат.

Я усмехаюсь. Выходит, не только меня впечатлило поведение младшего Бегея.

— А ты почему не надежно заперт?

— Я вызвался ждать. Меня не пугают монстры.

— Неужели? — Я перекидываю окровавленные

мешки с одного плеча на другое и слышу, как стукаются друг о друга головы. — С чего так?

— Потому что знал, что вы его убьете. Вы знаменитость.

Я фыркаю.

— Знаменитость?

— Подружка Убийцы Чудовищ.

Лицо мое становится жестче.

— Я не его подружка.

Мальчик огорченно смотрит на меня. Он разочарован — *как мною, так и собой.*

— Слушай, — говорю я, — у тебя мое вознаграждение?

— А вы сделали работу?

Какой дельный парнишка. Я скидываю мешки с плеча. Откладываю маленький в сторону и берусь за большой.

— Этот не открывай. — Я показываю на маленький. — Он для семьи. Пусть похоронят как положено.

— Вы не спасли ее?

Я не отвечаю на вопрос. Он очень сложный, а я слишком устала, чтобы суметь как следует объяснить. Я открываю большой мешок и показываю содержимое.

После того как мальчик заглядывает внутрь,

часть его бравады куда-то улетучивается. Он тяжело сглатывает.

— Это…

— Голова чудовища. Отнесу ее знакомому знахарю в Тсэ-Бонито. Может, расскажет, кто это. Или *что*.

Малыш кивает.

— Круто!

Может, и «круто», когда ты в его возрасте, но для меня это совсем не так. Он шарит рукой где-то за дверью и достает уже знакомую мне синюю сумку.

Естественно, я проверяю, что там внутри. Те же серебряные украшения, та же говенная бирюза.

— Да ладно!

— Ой, — восклицает мальчик, делая вид, что забыл. Затем снова шарится за дверью и достает оттуда два одеяла. Одно, похоже, «Пендлтон»[12] — толстое и теплое, но яркий сине-зелено-желтый традиционный стреловидный узор достаточно банален. А вот второе… Я узнаю в нем ковер «Два

[12] Примечания: 12

Pendleton — один из старейших американских производителей шерстяных вещей. Визитная карточка бренда — теплые мягкие пледы с яркими узорами, вдохновленные творчеством и бытом коренных народов Северной Америки.

Серых Холма»[13]. Как рассказывала мне *нали*[14], такие ковры — ужасная редкость и стоят очень дорого. Сейчас их почти уже не делают.

Я впечатлена.

— Это очень дорого.

Он пожимает плечами и начинает ковырять в зубах. Взгляд его блуждает по маленькому окровавленному мешочку. Но он не выглядит испуганным от того, что внутри. Скорее ему любопытно.

Я оставляю себе «Пендлтон», но возвращаю ему «Два Серых Холма».

— Скажи семье, что мы в расчете. Сделка состоялась.

Плата есть плата, и я не собираюсь проявлять мягкость. Но и не могу взять «Два Серых Холма», если голова их дочери лежит в мешке.

Я засовываю яркое одеяло под мышку, затем беру в одну руку сумку с драгоценностями, а в другую мешок с головой монстра и иду к своему грузовичку.

---

[13] Примечания: 13

Ковры, изготовляемые индианками резервации Навахо в районе Two Grey Hills; имеют геометрический узор черного, белого, серого и коричневого тонов. Считаются лучшими из 13 типов индейских ковров.

[14] Примечания: 14

Бабушка со стороны отца (*íàâàõ.*).

— Как вы думаете, здесь еще есть чудовища?

Голос мальчика за моей спиной немного хриплый — но больше от волнения, чем от страха.

— Не могу сказать, пока не расспрошу знахаря.

Я скорее чувствую, чем вижу, как он наклоняется над маленьким мешком.

— Не вздумай!

— Это она, да? — спрашивает он уже в полном волнении. — Атти?

Понятия не имею, как ее звали.

Я швыряю мешок с головой монстра в кузов, но одеяло и украшения бережно кладу на сиденье рядом с собой. Потом заглядываю в зеркало заднего вида. Освещенный одинокой лампочкой парнишка по-прежнему сидит на корточках возле мешка с головой Атти.

Глава 4

Я живу в небольшом трейлере с одной спальней, которым обзавелась несколько месяцев назад. Предыдущий владелец умер во сне прямо в нем, так что вряд ли теперь кто-то будет жить здесь, кроме меня. Но формально это можно назвать кражей, поскольку я за него не платила.

Трейлер я припарковала на заросшем кустарником участке земли примерно в часе езды к югу от Лукачикая — в так называемой Хрустальной Долине. Она находится в полумиле от старой заброшенной школы-интерната, подарившей долине свое прославленное имя, и прямо у входа в Нарбонский перевал, являющийся единственной дорогой через Чускские горы на ближайшие пятьдесят миль[15] в обе стороны. Сам перевал назван в честь злополучного вождя навахо по имени Нарбона, который в далеком 1849 году явился на переговоры о заключении мира с армией Соединенных Штатов и был застрелен из-за хромой лошади и плохого переводчика. Вот и пытайся после такого стать миротворцем…

---

[15] Примечания: 15
Примерно 80 км.

По всей долине длиной в десять миль разбросано около двадцати пяти семей, и большинство из них ютятся у поворота на шоссе, который я проехала четыре мили назад. Это означает, что у меня нет близких соседей, но меня это вполне устраивает. Конечно, отсутствие людей поблизости чревато тем, что если я попаду в беду, то никто не станет меня спасать. Я довольно неплохо умею постоять за себя сама, но иногда даже самые крутые воины *дине* могут нуждаться в помощи. Спросите об этом Нарбону.

Вот почему я держу собак. Троица обычных для резервации дворняжек бегают вокруг дома маленьким стадом, но они довольно неплохо охраняют его от нежелательных посетителей — людей, животных и любых других. Первого щенка я завела, когда осознала, что Нейзгани больше не вернется. Вторая псина пришла ко мне сама и отказалась уходить, ну а третья оказалась последней выжившей из своего помета — прямо как я.

Они радостно приветствуют меня, когда я въезжаю в ворота на своем грузовичке и минуя загон для скота. Никому, кроме меня, не позволено проезжать в эти ворота. Они знают это и неминуемо стали бы облаивать чужую машину. Но для них я

своя, как и мой старенький «шеви» с грохочущим и гудящим двигателем, который я немножко доработала, чтобы можно было заправлять машину самогоном. Ведь бензин по теперешним временам — редкая роскошь. Знаком им и звук шин, особенно задней правой — там ослабла подвеска, и шина бьет теперь в знак протеста протектором о крыло. Я напоминаю себе, что уже давно следует заняться ремонтом — и чем раньше, тем лучше.

Оказавшись внутри, я захожу в душевую и стягиваю с себя окровавленную одежду. Она настолько залита кровью, что я раздумываю некоторое время, не выкинуть ли ее вообще, но в конце концов бросаю в раковину, вытаскиваю из слива пробку и выливаю немного драгоценной воды сверху, чтобы пропитать ею волокна. Я надеялась, что большая часть крови выйдет сама по себе — вместе с водой, но тщетно. С моим везением приходится чистить вещи вручную, чтобы добиться более-менее приемлемого вида. Одежда, которую можно купить на правительственном торговом пункте в Тсэ-Бонито, вполне крепкая, но там это в основном неокрашенная шерсть или чьи-то обноски по чудовищно грабительским ценам.

Я запускаю генератор и даю ему время нагреть

то, что осталось в баке для воды. Знаю, что принимать душ, сидя на жестком водном пайке, довольно неосмотрительно, но что делать. В волосах кровь и сгустки чего-то еще более мерзкого, так что без горячей воды и юккового[16] мыла теперь никак не обойтись. Эта процедура оставит меня без воды до конца месяца, поскольку цистерна с водой приедет не раньше чем через две недели. Но оно того стоит. Я даже позволяю себе немного постоять в пару и не торопясь выковыриваю запекшуюся кровь из-под ногтей. К тому времени, когда я заканчиваю, кутикулы кажутся ободранными, а лицо раскраснелось и покалывает, когда я к нему прикасаюсь. Но теперь я точно чистая.

Я подумываю о том, чтобы немного вздремнуть, но решаю отложить это на потом. Не потому, что я не устала. Я полностью разбита, и тело все еще ноет от боли — особенно плечо, которое пытался сжевать монстр. Но если я хочу добраться до Таха пораньше, чтобы застать его до завтрака, то вре-

---

[16] Примечания: 16

Юкка (Yucca) — съедобное растение, известное также как «мыльное дерево» (soaptree). Представляет собой небольшое дерево с укороченным, слабо разветвленным стволом. Распространено в пустынях Мексики и южных штатов США. Клубневидные корни растения изобилуют натуральными сапонинами, пригодными в качестве ингредиента для производства мыла.

мени на сон у меня точно нет.

Я кладу дробовик обратно на полочку в кабине грузовика, убеждаюсь, что голова монстра по-прежнему валяется в кузове, затем сажусь за руль и еду на юг. Дорога к дому Таха в Тсэ-Бонито занимает не меньше часа. Я включаю радио, чтобы не скучать. После Большой Воды в Динете остался только один надежный источник радиосигнала. Это универсальная АМ-радиостанция, на которой крутят старые музыкальные записи (в основном кантри), а также правительственные отчеты вместо новостей. Время от времени кто-нибудь за пределами Динеты усиливает радиосигнал настолько, что ему удается пробиться сквозь Стену. И тогда в течение недели или двух мы имеем возможность послушать о проектах крупных гидротехнических сооружений, возводимых вдоль недавно сформированного побережья, которое простирается от Сан-Антонио до Су-Фолс, или о продолжающихся гражданских беспорядках в Нью-Денвере. Но в целом Динета осталась такой же уединенной и изолированной, какой была до Большой Воды, и большинство местных жителей, похоже, даже не заметили разницы.

Все это благодаря Стене. Совет Племени одобрил ее еще тогда, когда начались Энергетические

Войны. Большинство *дине* поддержали строительство Стены. Мы все выросли на легендах, которые учат, что наше место — на территории наших предков, на земле в объятиях Четырех Священных Гор. Но были и те, кто называл идею Стены абсурдной, кто говорил, что это параноидальная попытка установить пограничный контроль — такая же бессмысленная, как попытка обреченного американского правительства выстроить стену вдоль их южных границ за несколько лет до Большой Воды.

Но племя все равно ее построило. Глава Совета — его звали Дешен — написал статью в *«Навахо таймс»*, которая испугала людей — особенно после событий, известных как «Бойня на Равнинах». Люди навахо больше не в безопасности, писал Дешен. Он оживил призрак завоевания и явил нам будущую судьбу. И не ошибся. Бойня на Равнинах стала лишь первой ласточкой в череде конфликтов за обладание энергией. Нефтяные компании разрывали священные земли для прокладки трубопроводов, газовые компании скупали целые территории и буквально сотрясали земную твердь своей жадностью. Кроме того, федералы наметили целый план по ликвидации прав резерваций на владение землей, чтобы

открыть индейскую страну для старателей точно так же, как это было во времена политики насильственной ассимиляции. Но теперь в качестве «старателей» выступали транснациональные корпорации с частными армиями, которые в тысячи раз превышали по численности и огневой мощи первоначальных поселенцев-*билигаанов*. Дешен предупредил, что если мы и дальше хотим оставаться *дине* и иметь возможность защищать свои дома, то мы обязательно должны построить эту Стену.

Бюджет утвердили через месяц. Фундаменты, сложенные из камней, взятых с каждой из священных гор, возвели в течение года. Люди смеялись и говорили, что никогда племенное правительство не действовало так шустро. Шесть месяцев спустя случилось землетрясение в Нью-Мадриде, разрушившее Средний Запад. Потом начались ураганы. И к стене прозорливого Дешена стали относиться уже совсем по-другому.

Я помню, как впервые увидела Стену. До этого момента я ожидала чего-то скучного и невыразительного — пятидесятифутовый вал из серого бетона с колючей проволокой наверху, как в каком-нибудь апокалиптическом фильме. Но я забыла, что *дине* уже пережили свой апокалипсис

более ста лет назад. Стена стала не концом для нас, а наоборот — возрождением.

Говорят, *хатаальи* работали рука об руку со строительными бригадами, и над каждым закладываемым кирпичом исполнялась ритуальная песня. Каждый элемент Стены, вплоть до штукатурной сетки, получил от них священное благословение. И Стена начала жить своей собственной жизнью. Когда рабочие вернулись на следующее утро, она была уже в пятьдесят футов высотой. На востоке она прирастала белой ракушкой, на юге — бирюзой, на западе — перламутровыми изгибами морских ушек, а на севере — чернейшими струями. Она была прекрасна. Она была наша. И за ней мы были в безопасности. Хотя бы от угроз внешнего мира. Но иногда самые страшные чудовища появляются изнутри…

Я въезжаю в Тсэ-Бонито в тот момент, когда восходящее над скалами солнце начинает шпарить в полную силу, заливая пустынный город сухим теплом. Тсэ-Бонито имеет свойство нагреваться особенно жарко. Может, потому, что он сосредоточен вокруг Т-образного асфальтового перекрестка, на котором пересекаются две главные магистрали Динеты. Или потому, что окружен белыми столовыми горами, перенаправ-

ляющими тепло прямо в каньон Тсэ-Бонито. Или же оттого, что весь город в основном состоит из лачуг с жестяными крышами и старых металлических трейлеров, чье главное предназначение, кажется, состоит в том, чтобы нагреваться на жаре. А может, причина и в том, и в другом, и в третьем. Как бы то ни было, трущобный городок из трейлеров, лачуг и редких хоганов[17] разросся под неумолимым небом пустыни аж на две квадратные мили. По меркам Динеты — бурно развивающийся мегаполис.

Но жизнь здесь довольно опасная. Постоянно царит беззаконие, изредка прерываемое рейдами Охраны Гражданского Правопорядка. Она патрулирует улицы, но без особого толку. Тсэ-Бонито — это городок в духе Дикого Запада, одичавшего до предела. Есть даже свои ковбои и индейцы, причем и те и другие — *дине*. В прошлый раз, когда я искала здесь плохого человека, я случайно вляпалась в перестрелку — больше напоминавшую Корраль О-Кей[18], чем охоту на монстров.

---

[17] Примечания: 17

Хо́ган — основное традиционное жилище народа навахо. Традиционные хоганы имеют круглое сечение и коническую форму, однако сейчас все чаще встречаются квадратные.

[18] Примечания: 18

Перестрелка у кораля (загона для скота) О-Кей — легендарная перестрелка в истории Дикого Запада, произошедшая 26 октября 1881 года.

Не могу сказать, что рада сюда вернуться, даже если это всего лишь визит к дедушке Таху.

Тах живет в самом центре города. Его дом — один из полудюжины хоганов, разбросанных по оживленному рынку, и я знаю, что если не успею застать его дома, то он начнет слоняться без дела, навещать соседей, покупать что-то повседневное или разглядывать товары в магазине «Мокасин-леди», словом, всячески надоедать окружающим. При этом не обращать внимания на случайные перестрелки и беспокоиться больше о ежедневных сплетнях, чем о собственной безопасности. Впрочем, никто в этом городе не причинит ему зла. Он здесь почти святой. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом: зачем такой известный и всеми любимый человек, как он, общается с людьми сомнительной репутации вроде меня? Иногда мне кажется, для него это что-то вроде благотворительности — учитывая события прошлого года. Обычно проявленная ко мне жалость заставляет держаться от ее источника подальше — я ведь гордая и все такое. Но Тах — хороший человек, и я стараюсь вести себя с ним правильно, насколько могу. К тому же он главный эксперт по монстрам в наших краях, и мне действительно нужна его помощь.

Я останавливаю грузовичок рядом с единственной дверью хогана, прижавшись как можно ближе к стене, поскольку знаю, что уже через час грязная улица будет битком набита людьми и пылью. Затем вытаскиваю из грузовичка все, что оттуда может быть украдено, и иду к двери. В одной руке липкий мешок с головой монстра, в другой — дробовик.

Сама дверь — в традиционном стиле. Такую ожидаешь увидеть где-нибудь за городом, но только не в таком оживленном месте, как рынок Тсэ-Бонито. Ни замков, ни засовов, ничего даже отдаленно напоминающего растяжку или сигнализацию. Единственный вход прикрывает пыльное черно-серое одеяло — из тех, что можно купить по дешевке на правительственном торговом пункте. Но я знаю, что вид его обманчив, и стараюсь не прикасаться к поверхности, когда кричу через порог:

— Тах!

Я беру мешок поудобнее, закидываю дробовик за плечо и собираюсь крикнуть еще раз, но тут появляется узловатая коричневая рука и откидывает одеяло в сторону. Толстая ткань метет иссохшую землю, заставляя красную пыль взмывать вверх фонтанчиками.

— Входи, Мэгги, — раздается скрипучий старческий голос, под стать коричневой руке. — Входи, дочь моя.

– *Ахехээ*[19], дедушка. Спасибо.

Дедушка Тах выглядит как всегда: безупречные джинсы ярко-синего цвета кажутся немного великоватыми на его костлявой фигуре. То же самое касается кроссовок, которые хоть и вышли из моды лет двадцать назад — еще до Большой Воды, но при этом выглядят так, будто их только что достали из коробки. Узкие плечи закрывает черно-красная клетчатая ковбойская рубашка с сияющими белыми пуговицами. На голове щегольски остриженная шапочка серебристых волос, на изможденном лице — лучистые морщинки. Больше всего мне нравятся его глаза. Они всегда живые и полные озорства — словно в голове его постоянно вертится что-то очень веселое.

Люблю я Таха, правда. Он ближе для меня, чем любой из моих живых родственников. И хотя он не один из них — мы даже не из одного клана, — но он называет меня дочерью. Наверное, это что-то да значит.

Я ныряю под одеяло и расплываюсь в улыбке.

---

[19] Примечания: 19
Благодарю (*îàâàð.*).

Ничего не могу с собой поделать. Мой трейлер — мое убежище. Он служит своей цели не хуже другого помещения, но *хоган* Таха — это настоящий дом, то есть такой, о каких рассказывают детям в сказках на ночь. Это традиционный *хоган* — одна большая комната внутри восьмигранного строения. Стены сложены из длинных полубревен, крепко связанных между собой и обмазанных бетоном. В дровяной печи, установленной посреди комнаты, уже горит огонь. Запах пиньона[20] настолько приятно-острый, что я словно ощущаю его на кончике языка. Теплые тканые ковры красных, оранжевых и коричневых расцветок свисают со стен между старыми рамками от картин, заполненными потрепанными фотографиями улыбающихся членов семьи, которых я не знаю, но которым завидую. На южной стороне *хогана с*тоит дешевый диван, а на западной — прямо напротив выходящей на восток двери — импровизированная кухня с раковиной, несколькими шкафчиками и

[20] Примечания: 20

Piñon — сосна съедобная. Широко распространена на западе США и в Мексике.

старым облупленным столом от «Формики»[21]. Пол — плотно утрамбованный грунт, покрытый сверху мешаниной из разрозненных обрезков ковров самых разных расцветок. Очевидно, отходы чьего-то тканного производства, но каждый кусочек безупречен сам по себе. У южной стены стоит свежезастеленная кровать Таха. Все как обычно, за исключением стопки одеял, аккуратно сложенных на краю старого дивана.

— У тебя кто-то живет? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от одеял, и в моей голове вспыхивает воспоминание о том, как я сама падала на диван Таха.

— Хмм? — Он замечает, куда я смотрю. — *Эуу*.

Это означает *да*.

Я жду продолжения, но он больше ничего не говорит.

— И…

— Хмм…

Я качаю головой.

— Забудь. — Он расскажет только тогда, когда будет готов. Кстати, возможно, это не мое дело. — Я принесла тебе кое-что.

---

[21] Примечания: 21

Formica Group — крупнейший в мире производитель изделий из бумажно-слоистого пластика высокого давления (HPL), в том числе и мебели.

Он хмыкает.

— Я уже почуял запах.

— Прости.

— Охотилась на монстра?

— Ага. Куда положить?

Он кривит губы и указывает на кухонный стол:

— Туда.

— Ты точно не захочешь, чтобы это лежало на твоем столе. Поверь мне.

Он озирается.

— Ну тогда у входа. И *уошдии…*[22] проходи уже, проходи. У меня есть кое-что особенное. Угощение!

Я бросаю мешок с головой у входа и подпираю его дробовиком.

— Ну и что же это за угощение? — спрашиваю я, обходя хоган по часовой стрелке.

– *Гоувээ!*[23] — отвечает он с озорной улыбкой.

Темное лицо его светится, когда он приподнимает банку с самым красивым веществом на земле. Кофе.

— Откуда это у тебя? — спрашиваю я с благого-

---

[22] Примечания: 22
Добро пожаловать! (*íàâàõ.*)

[23] Примечания: 23
Кофе (*навах.*).

вейным трепетом.

Кофе стоит дорого, и его чрезвычайно трудно достать. Но, к счастью, он растет на больших высотах. Плантации на высоте более четырех с половиной тысяч футов[24] пережили Большую Воду практически без потерь, но это не значит, что инфраструктура, необходимая для обработки драгоценных зерен, осталась нетронутой. Я слышала рассказы о сладком эфиопском кофе или индонезийском с землистым привкусом. Когда-то их подавали в специальных заведениях, служивших только для того, чтобы пить в них кофе, но все это давно осталось в прошлом — вместе с доступом к экзотическим странам, где выращивали эти сорта. Кофе теперь привозят только с горных перевалов *Ацтлана*[25], и то — далеко не для всех.

Несколько минут спустя закипает вода в кастрюльке на плите. Тах сыплет туда пару ложек своего драгоценного порошка. Это щедрая порция — на нас двоих. Аромат немедленно захватывает

---

[24] Примечания: 24

Примерно 1370 м.

[25] Примечания: 25

Ацтлан, или Астлан (Aztlān) — мифическая прародина ацтеков, одной из основных культурных групп Месоамерики. На языке науатль слово azteca означает «люди из Ацтлана».

все мои чувства, и я чуть ли не падаю в обморок. Даже не помню, когда я в последний раз пила кофе. По правде сказать, чаще всего я обхожусь *чаем навахо*[26], который растет сам по себе у меня во дворе. Тах подает мне жестяную кружку, наполненную густым черным варевом, и я немедленно делаю глоток, не дожидаясь, пока оно остынет. Напиток немного обжигает, но это именно то, что сейчас нужно.

На плите у Таха стоит еще одна кастрюля. Он зачерпывает из нее две большие порции *тошчиина*[27] и раскладывает ее по мискам. Каша густая и студенистая. Он втыкает в нее ложку, и та остается стоять вертикально. Я тянусь к ложке, но он останавливает мою руку.

— Ну-ка, погоди!

Хихикая и пританцовывая нелепую джигу, он лезет в кухонный шкаф и преподносит мне еще один сюрприз. Сахар. Я не видела сахар уже много лет. Конечно, я употребляю шалфейный мед, но старый добрый тростниковый сахар — как во времена, предшествовавшие приходу Большой

---

[26] Примечания: 26

Чай навахо (также известен как «навахо-чай», «чай прерий» или «трава койотов») — целебное растение, употребляемое в виде чая или настоя.

[27] Примечания: 27

Каша (*навах.*).

Воды? Сказать, что я удивлена, — это ничего не сказать. Я так и замираю с открытым ртом.

Он смеется.

— Муха в рот залетит, — шутит он со счастливой улыбкой. — Ты тоже любишь кофе с сахарком?

Люблю ли я? Да я даже не знаю, что это такое. Вообще не могу вспомнить, каков кофе с сахаром на вкус.

— Только кашу, — решаю я подстраховаться. Кофе такой вкусный, что я расстроюсь, если сахар его испортит.

Он сыплет столовую ложку сахара в синюю кукурузную кашу[28]. Я немедленно размешиваю ее и ем. Сахар тает на моем языке так сладко, что даже начинают ныть зубы. Идеальное дополнение к слегка ореховому вкусу кукурузы. Просто чудесно.

— Где ты все это достал?

— Мне подарили.

— Подарок что надо! И кто этот друг?

— Не друг. Родственник. Мой внук.

---

[28] Примечания: 28

Синяя кукуруза, или, как еще ее называют, кукуруза хопи (выведена индейским племенем хопи, проживающим в резервации на северо-востоке Аризоны), представляет собой разновидность кукурузы, выращиваемой на севере Мексики и юго-западе США. Растение имеет долгую историю использования: не только в качестве еды, но и как краситель пищевых продуктов и напитков, а также как сырье для ферментированного алкогольного напитка чича морада.

Понятно. Вот, значит, кто его таинственный гость.

— Он приехал из *Бурке.*

Он произносит это слово как «Буур-ке», с длинным раскатистым «у». Я знаю это место. Город в ста милях к востоку от Стены. Когда-то его называли Альбукерке, но после беспорядков от него мало что осталось. Частично сохранившийся город, частичное название. Вполне справедливо. Я слышала, что это очень плохое место. Дикая страна, сотрясаемая межрасовыми войнами и страдающая от гнета водных баронов. Нерешаемые проблемы с беженцами.

Я съедаю еще одну ложку каши. Делаю еще один глоток кофе, и наконец мы оба начинаем завтракать. Раздается только стук ложек о борта мисок да прихлебывание из кружек. Впервые за долгое время я чувствую расслабление в теле. Знакомый уютный *хоган,* теплый кофе с землистым привкусом. На минуту я забываю о чудовищах, о мертвых маленьких девочках, об одиноких трейлерах, и жизнь становится почти идеальной.

— Ну что, ты общаешься с *Нейзгани?* — спрашивает Тах.

Идеальное разбивается вдребезги. Аппетит вдруг пропадает, и я откладываю ложку в сто-

рону.

— *Нейзгани* ушел. Ты забыл?

Тах фыркает.

— Такие упрямые. Вы оба. Я думал, он уже вернулся.

Наверное, сахар и кофеин попали в мою кровь слишком быстро, поскольку руки вдруг начинают дрожать. Я покрепче обхватываю ладонями кружку и делаю вид, будто внимательно изучаю поверхность стола, за которым мы сидим. Но на самом деле я смотрю на дешевую «Формику», облупившуюся по краям, и пытаюсь сообразить, что ему ответить. Но в голову ничего умного не лезет, и я решаю просто следовать фактам.

— Прошел почти год, Тах. Я не думаю, что он вернется.

— Не вернется? — Он издает горлом звук, вероятно, означающий недоверие. — А вот я так думать не могу. Тем более сказать. *Нейзгани* — легенда. Герой. Он спас тебе жизнь, когда… — Тах вдруг резко замолкает.

Я трогаю большими пальцами края кружки.

— Мне очень жаль, дочь моя. — Голос старика становится мягким и слегка обиженным. — Я знаю, что ты не любишь вспоминать о той ночи. — Он вздыхает и отхлебывает кофе. — Я хочу,

чтобы ты позволила мне помолиться за тебя.

— Нет.

— Очень нехорошо, когда прилипает смерть. Правильная церемония может помочь…

— Тах, пожалуйста…

Он сдается.

— Возможно, с *Нейзгани* что-то случилось.

— С легендарным Убийцей Чудовищ? Это вряд ли.

— Но он не сказал, почему…

— Мы уже обсуждали это!

Я ни за что не расскажу Таху о тех словах, которые произнес *Нейзгани* на Черном Плато. Старик все еще видит во мне только хорошее, и такая вера для меня драгоценна. Несмотря на то что учитель разглядел кое-что иное…

— Да, но…

— Давай не будем.

— Мэгги…

— Тах!

Обычно мы не ссоримся, но теперь я нервничаю. Я еще не отошла от убийства и даже не успела отдохнуть. Несмотря на терпеливое гостеприимство Таха, сейчас я, наверное, произвожу впечатление ужасного собеседника. Я начинаю думать, что приезжать сюда было плохой идеей.

Особенно если он настроен поговорить о *Нейзгани.*

Он молчит с минуту, прежде чем начинает говорить снова:

— Не забывай, что *Нейзгани* — не человек. Он думает не так, как мы.

Я фыркаю. Не так, как мы, — это еще мягко сказано.

Голос Таха становится мягким:

— Ты когда-нибудь расскажешь мне, что случилось на Черном Плато?

Кружка с кофе начинает дрожать в моих руках. Я придавливаю ее к столу. Крупинки сахара, задержавшиеся на языке, становятся горькими. Я откидываюсь на спинку стула и резко дергаю головой. Все. Этот разговор окончен.

Тах наблюдает за мной с явным любопытством. Но больше ни о чем не спрашивает, только ворчит:

— Как много секретов. Ни семьи, ни друзей, и теперь ты даже не общаешься с *Нейзгани?* У тебя никого нет, Мэгги.

Дело не в том, что мне не нужны друзья или семья. Нужны. Я такой же человек, как все. Просто… все сложно. С *Нейзгани* было как-то иначе. Словно я обрела бессмертие. Рядом с ним я никогда не

волновалась. Но быть после этого с кем-то другим? Из крови, плоти и человечности? Не думаю, что захочу взять на себя такую ответственность.

— Все у меня в порядке, — с трудом выговариваю я. — У меня есть ты и мои собаки.

— Я всего лишь старик, с которым можно поговорить. К тому же я долго не протяну. И что ты тогда будешь делать? Нехорошо так жить. В одиночку, ни с кем не связанной. Путь *дине* — обрести связь между собой и близкими, между собой и всем миром. Образ жизни *дине* — это *к'е*, то есть родство, вот так. — Сведя руки вместе, он переплетает пальцы, затем раскрывает ладони, оставляя пальцы переплетенными. — Но ты, твоя жизнь — все отдельно. — Разомкнув руки, он разводит их в стороны и шевелит пальцами. — Это неправильно. — Он делает паузу и красноречиво смотрит на меня. — Даже если живешь с собаками.

Это старый спор между нами, но сегодня — не спавши, находясь в дерьмовом настроении и под непривычной дозой кофеина — я к нему не готова.

— Ты поможешь мне со штукой, которую я принесла, или продолжим обсуждать сплетни о Нейзгани?

Сорвавшиеся с языка слова звучат грубее, чем мне бы хотелось, и я запоздало улыбаюсь, чтобы хоть как-то их смягчить. Но улыбка выходит кривая, больше похожая на усмешку.

Он пристально смотрит на меня. Я продолжаю выдерживать эту глупую приклеенную ухмылку на своем лице. Наконец он вздыхает и опускает плечи.

— Давай показывай, что принесла.

— Где ты это взяла?!

Мы стоим напротив друг друга у кухонного стола, держим по кружке свежесваренного кофе и смотрим на лежащую перед нами голову. Он накрыл стол старой пластиковой скатертью, после чего я все-таки вывалила голову туда, куда он хотел. Я впервые вижу ее на свету. Черты лица чудовища угловатые и грубые. Два разреза для глаз и один для рта. Вид у головы такой, будто ее слепили из глины, после чего ребенок проковырял отверстия палочкой. Нос почти полностью плоский. Голову будто приложили лицом к гранитному утесу и сильно надавили. Под полупрозрачной мясистой кожей, свисающей с черепа, видны прожилки. У головы большой широкий лоб и массивная квадратная челюсть, и это придает ей не менее брутальный вид, чем

когда она была живой. Я тихо присвистываю от восхищения. Ну и урод!

— К востоку от Лукачикая, в горах, — поясняю я. — Он украл маленькую девочку. Я нашла их в импровизированном лагере примерно через час пути вверх по горе. Он уже жевал малышку, словно это его ужин.

Тах отрывается от изучения головы и смотрит на меня орлиным взглядом — острым и умным.

— Жевал?

— Ага. Точнее, грыз ей горло. Зубами.

Тах берет специальную палочку и раздвигает ею зубы. Челюсти расходятся с удивительной легкостью.

— Странно, — говорю я. — Никакого трупного окоченения. Разве челюсть не должна была стать жесткой?

— Смотри сюда, Мэгги. — Он придвигает меня поближе, указывая палочкой на зубы монстра. Я наклоняюсь. Зубы все одинаковые — тупые и прямые, как старые деревянные протезы. — Ни резцов, ни клыков. Полный рот жевательных зубов.

— Очень странно. Он явно был плотоядным. Разве у хищника не должно быть острых зубов?

Впрочем, это объясняло, почему он так долго

грыз девочку и почему не сумел прорвать мою кожаную куртку.

— Кстати, кариеса тоже нет.

— И о чем это говорит?

— Чтобы взрослое животное и без кариеса? — Он качает головой. — Такого не бывает.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пока ничего. — Он закрывает чудовищу рот и оборачивается к полке позади себя, откуда достает ручную пилу и пару длинных плоскогубцев. — Пора взглянуть, что там внутри.

Я отхожу подальше, пока он трудится над черепом. Не то чтобы я брезглива… Впрочем, ладно — немного брезглива. Я хочу сказать, что когда отрезала голову этой твари, я делала это в пылу момента. Потягивать редкий ацтланский кофе и одновременно слушать, как при свете дня пилят череп, почему-то значительно сложнее.

— Иди посмотри, — говорит наконец Тах.

Я возвращаюсь к столу.

— И что мне здесь разглядывать?

— Усадку. Аномалии. Болезни.

Я начинаю приглядываться, чувствуя себя немного глупо. Я ничего не знаю о мозгах. Обычно я их вижу уже разбросанными по земле или в виде брызг на стенах, выщербленных моими

собственными пулями. Мозг как мозг. Насколько я могу судить, похож на содержимое головы любого другого существа.

— Не понимаю, что с ним не так, — наконец сдаюсь я.

— И немудрено. Здесь не на что смотреть. Мозг абсолютно нормален.

— Но существо не выглядело нормальным.

— Верю.

— И ты сам видел, какие у него странные зубы.

— Да, да, — соглашается Тах и шаркает к раковине. Затем открывает воду и моет руки с небольшим количеством мыльного корня. — Тебе нет необходимости меня убеждать.

— Я не пытаюсь тебя убедить.

Он приподнимает брови, но ничего не говорит. Вместо этого оборачивается обратно к раковине и наливает себе стакан воды. Я раздраженно фыркаю. Иногда общаться со стариком — все равно что разговаривать со священником. Вроде не сделала ничего дурного, а уже чувствуешь себя виноватой.

Он жестом предлагает мне сесть, затем отодвигает стул напротив и осторожно опускается на него. Делает паузу, прежде чем заговорить.

— Расскажи, что ты видела. Там, в лесу. Расска-

жи, чем это существо занималось.

— Я уже сказала. Оно пыталось сожрать девчонку. Я выстрелила ему в сердце. Чистое попадание, которое убило бы кого угодно. Потом я выстрелила еще раз и попала в плечо, но он все равно продолжал наступать. Драка переросла в поножовщину. Я победила.

— Оно разговаривало с тобой?

— Разговаривало со мной? Было не до бесед, знаешь ли…

— Я имею в виду — издавало ли оно звуки, похожие на слова?

Я мысленно прокручиваю в голове наш бой, но ничего подобного не припоминаю.

— Не могу вспомнить. Нет. Точно нет.

Тах пьет воду, задумчиво глядя вдаль.

— Скажи что-нибудь, Тах.

— Я думаю, это… очень плохо.

— Ага. Я тоже. Но отчего плохо, ты мне можешь сказать?

— Почему именно горло девочки, Мэгги? Почему не сердце? Или мягкий живот?

— Разве это важно?

— Да, если у него была на это какая-то особая причина.

— Какая, например?

Тах тяжело вздыхает.

— Не знаю. Но ни в одной из известных мне историй нет монстра, который ест горло.

— Думаешь, могут быть и другие?

— Другие монстры? — Он пожимает худыми плечами. Поднимается, упираясь руками в стол. Стоит несколько секунд. Затем снова садится. — Я не уверен, что это существо… Мне кажется, оно не родилось естественным путем. Оно создано. Кем-то очень могущественным.

— Создано?

Стены вокруг словно начинают мерцать. Становятся иллюзорно-туманными. Было бы соблазнительно обвинить во всем кофеин, но я понимаю, что голова закружилась от внезапного приступа страха.

Он смотрит на меня своими добрыми глазами. Одна рука старика покоится на столе. Другая обхватывает старую синюю жестяную кружку. Огромное серебряное кольцо на среднем пальце слабо поблескивает в искусственном свете.

— Тебе не понравится, что я скажу.

— Мне уже не нравится, а ты к тому же заставляешь меня нервничать.

— Об этом монстре я понял немногое, но могу сказать точно, что он жаждет человеческой пло-

ти. Причем не в качестве еды. Я думаю, он что-то ищет. Чего-то такого, что ему не хватает. И это возможно только в одном случае: если тот, кто создавал его, использовал плохие снадобья для придания формы.

— Колдовство, — говорю я мягко и с придыханием. — Я так и поняла. Еще там я почувствовала его запах.

Колдуны *дине* могущественны. Это мужчины и женщины, обменявшие свои души на темную магию. Они принимают облик ночных существ, чтобы путешествовать под покровом тьмы, или носят на себе драгоценности, похищенные из свежевырытых могил. Один из таких колдунов натравил на меня стаю чудовищ в ту ночь, когда я встретила Нейзгани. И его жестокость до сих пор не дает мне покоя. Я что, в самом деле готова пойти искать нечто подобное? Похоже, доброта в глазах старика имела особый смысл.

— Это не моя проблема, ты же знаешь, — бормочу я себе под нос. — Я выполнила работу и получила за нее плату. Если я побегу сейчас искать этого колдуна, или кто там он вообще, то мне никто за это не заплатит.

— Но ты же пришла ко мне не просто так, Мэгги, — тихо говорит Тах. — Я знаю, что все эти

месяцы ты сидела одна в своем трейлере и ждала Нейзгани. Возможно, пришла пора двигаться дальше без него?

— Не знаю, Тах. Разумеется, у меня есть силы кланов, но я не Нейзгани. Я не бессмертная. Если колдун доберется до меня, то я умру, как любой другой человек. А я не хочу умирать. — Тах молчит, поэтому я «выплевываю» из себя то, что меня действительно беспокоит: — Людоедство. Колдовство. Очень знакомо, правда?

Я не хочу говорить о той ночи, когда я встретила Нейзгани, но он и так знает о ней в общих чертах.

— Ты боишься?

— Черт, да! — Я откидываюсь на спинку стула. — Я была бы полной дурой, если бы ввязалась в эту авантюру в одиночку.

— Тебе не придется ввязываться в одиночку, — весело говорит он. — Я знаю кое-кого, кто сможет составить тебе отличную компанию.

Глава 5

— Ты про внука? — Я стараюсь, чтобы мой голос не звучал слишком недоверчиво.

Тах уверенно кивает.

— Он живет у меня с конца лета. Изучает Медицинский Путь. Он очень хорошо разбирается в молитвенных песнях, очень хорошо их помнит. И защитные молитвы тоже. Исцеляющие…

С лета? Теперь уже ноябрь. Неужели я так давно не навещала Таха? Наверное, это говорит обо мне нечто такое, что я сама не замечала.

— Твой внук когда-нибудь охотился на чудовищ?

Он отрицательно качает головой:

— Нет. Но его молитвы сильны, у него хорошая память. И он умный. Очень умный.

— Он из Бурке?

— Из Бурке, — подтверждает Тах.

— А почему он сейчас здесь, в Динете?

— Он учится, я же тебе сказал. — Тах наклоняется вперед, будто хочет что-то сказать по секрету. — Он собирается вернуться к старым обычаям. Мечтает о Погодном Пути. Чтобы помочь нам.

Помочь *дине*. А может, и всему человечеству.

— Погодный Путь?

— Умение вызывать дождь, прекращать засуху. А возможно, даже исцелить землю от Большой Воды.

Это трудная задача — справиться с великой шуткой Большой Воды: весь мир может утонуть напрочь, но Динета так и останется страдать под гнетом рекордной засухи.

— Ты реально думаешь, что твой внук сможет это сделать?

Никогда не слышала ни о чем подобном. Ну разве что о стереотипно-индейском «танце дождя». Но Тах явно не имеет в виду дурацкие представления, устраиваемые для туристов, он говорит о настоящем могуществе. О создании и поддержании жизни. Об управлении силами природы. Волосы мои шевелятся, и я рефлекторно чешу затылок.

— Здорово, Тах, но как все это поможет мне выследить создателя чудовищ?

— Мой внук твоего возраста. Он очень хороший молодой человек.

— Хороший человек… — эхом отвечаю я, и вдруг картина наконец складывается. Вот к чему он клонил, осторожно беседуя со мной об одино-

честве и задавая вопросы о Нейзгани.

— Ты что, пытаешься меня с ним свести?

Я думала, старик предлагает мне напарника, который поможет выслеживать монстров, а он, похоже, решил взять на себя роль свахи.

От моего вопроса он даже не смутился.

— Вы прекрасно друг другу подходите.

Я хохочу — немного громче, чем хотелось бы, но ничего не могу с собой поделать. Пока я распиналась здесь о битве с чудовищами, Тах всего лишь хлопотал о моей личной жизни. Даже сама мысль об этом смехотворна.

Тах хмуро смотрит на меня. Наверное, он думает, что я смеюсь над ним, но это вовсе не так. Наверное, надо попробовать зайти с другой стороны.

— Так ты говоришь, он целитель, да?

— Очень хороший. Великий целитель!

— Отлично. Великий целитель. Ну тогда ты сам не захочешь, чтобы он оказался возле меня. Я могу научить его только смерти.

Тах хмыкает.

— Если ты пойдешь охотиться на этого колдуна, то никакое оружие тебе не поможет. Тебе понадобится сильное снадобье, а у моего внука оно как раз есть.

Ну ладно, возможно, он толкует не только о моей личной жизни. И в чем-то он, конечно, прав. Меня тревожит перспектива сражения с колдуном достаточно могущественным, чтобы создавать монстров, если у меня не будет собственных снадобий.

— Может, мне вообще не стоит с этим связываться?

— Просто познакомься с моим внуком, Мэгги.

— Ну хорошо. — Я поднимаю руки в знак капитуляции. — Я встречусь с ним. Где он?

Мы оба смотрим на пустой диван с собранной постелью. Я развожу руками, показывая, что сделала все, что могла.

— Вряд ли я его дождусь…

— Кого дождешься? — раздается голос за спиной. В открытом проеме входа появляется фигура человека, контрастно очерченная утренним солнцем.

Незнакомец прислоняется к дверному косяку и небрежно засовывает руки в карманы. Зеркальные синие очки скрывают его глаза, резкие тени мешают как следует рассмотреть лицо. Он стройный, среднего роста. На дюйм или два[29] ниже

---

[29] Примечания: 29
Примерно 4–5 см.

моих шести футов[30]. Примерно моего возраста, плюс-минус год.

— Ты кто? — спрашиваю я и машинально опускаю руку к Böker'у на поясе, щурясь от света.

Тах встает с места.

— Это мой внук, — торжественно объявляет он. — Великий целитель!

[30] Примечания: 30
Около 1,83 м.

Глава 6

Оказывается, внука Таха на самом деле зовут Кай, а не Великий целитель, и довольно скоро выясняется, что мы с Каем вряд ли станем парой, на что так напрасно надеялся Тах.

Возможно, причина в его одежде. На нем темно-фиолетовая рубашка на пуговицах, заправленная в бирюзовые брюки с безупречно острыми складками, и галстук в серебряную полоску. На ногах серебристые туфли, выглядящие для резервации невероятно — как хрустальные туфельки. При этом они безупречно сияют, несмотря на вездесущую красную пыль. А эти синие зеркальные «авиаторы», вероятно, стоят, как мой грузовик… вернее, стоили — в те времена, когда и очки, и грузовик были новыми.

Возможно, причина в его внешности. Он красивый. Нет, даже не так… Он был бы прекрасен, как кинозвезда или мальчик из бойз-бэнда, если бы кинозвезды или бойз-бэнды еще существовали. Густые и черные с голубоватым отливом волосы, уложенные в искусном беспорядке, идеально сочетаются с дизайнерскими солнцезащитными

очками и модной одеждой. Безупречно гладкая смуглая кожа заставляет меня комплексовать по поводу собственных шрамов от выдавленных прыщей на щеках.

Или, может, дело не столько в симпатичной внешности или в модном костюме, а в том факте, что он зашел к Таху без четверти восемь утра, явно вернувшись с ночной гулянки, которая только недавно закончилась. И хотя он не выглядит так, будто был на вечеринке — руки совсем не дрожат, когда он наливает в кружку с кофе овечье молоко, — тем не менее от него пахнет дымом, алкоголем и по́том. Не то чтобы мне это было неприятно, но я готова поставить доллар против пончиков, что в то время, пока я охотилась на чудовище, Кай веселился с друзьями и пытался подцепить какую-нибудь местную девицу.

Я очень уважаю Таха, это даже не обсуждается. Но при всем уважении Кай совсем не тот человек, который мог бы мне помогать.

— Так ты говоришь, тебя зовут Мэгги? — спрашивает Кай, помешивая молоко в своем кофе. По меньшей мере на трех его пальцах сверкают перстни. Я не вижу его взгляда за очками, но чувствую, что он смотрит на меня. Оценивает и делает выводы.

Что ж, справедливо. Я занимаюсь тем же самым.

— Совершенно верно.

— Она твоя? — Он переводит взгляд в сторону головы монстра и слегка хмурится, но в его взгляде больше любопытства, чем отвращения. Я ожидала несколько более эмоциональной реакции. Ведь не каждый же день вы находите отрубленную голову на столе рядом с завтраком, но, к чести Кая, он воспринимает ее совершенно спокойно.

— Ну не совсем моя, — отвечаю я, — но принесла я.

— Мэгги — убийца чудовищ! — щебечет Тах с нескрываемой гордостью. — Ее учил сам *Наайее Нейзгани*[31]. Я рассказал ей о тебе. И о том, что ты можешь помочь ей в охоте на монстров.

Громко скрежетнув ложкой по дну кружки, Кай вдруг замирает. Затем хмурится еще сильнее, мелкие морщинки портят его безупречное лицо.

— Ты сказал, убийца чудовищ?

– *Эуу!*[32]— восклицает Тах. Его неистребимый энтузиазм заставляет меня покраснеть. Тем бо-

---

[31] Примечания: 31
Убийца монстров (*íàâàà.*).

[32] Примечания: 32
Да (*íàâàà.*).

лее что прямо сейчас я собираюсь сделать нечто такое, от чего он меня возненавидит.

— Можно с тобой поговорить? — тихо спрашиваю я у Таха. Затем бросаю взгляд на Кая. Молодой человек вертит ложечку между длинными пальцами и разглядывает меня. — Наедине.

— Хмм… Конечно, конечно.

Мы встаем, я натянуто улыбаюсь Каю вместо извинения и мягко веду Таха за локоть к противоположной стене хогана.

— В чем дело? — спрашивает он.

— Прости, Тах, но мне он не нужен.

Мы стоим в углу, но не настолько далеко, чтобы Кай не мог нас расслышать. Но этого расстояния вполне достаточно, чтобы я не чувствовала себя так, будто бью парня по лицу.

— Но почему?

Я густо краснею, ощущая неловкость. Снова бросаю взгляд на Кая. Тот уже стоит, склонившись над отрезанной головой и тыкает в нее ложечкой, перекинув галстук через плечо.

— Ты говорил, он Великий целитель, — понижаю я голос до предела, — но только взгляни на него. Прическа, одежда… Ну что это такое?

Тах качает головой:

— Ты неверно поняла меня, Мэгги.

Кай откашливается, и мы оба оборачиваемся.

— Не знаю, что именно вы там обсуждаете, но я был бы более чем рад помочь.

— Спасибо, не надо, — отвечаю я.

Тах глубоко вздыхает.

— Хотя бы расскажи ему, что мы уже выяснили о монстре. Мой внук умный. Возможно, подскажет еще что-нибудь.

— Уверена, что ты прав, Тах, но, думаю, я справлюсь сама.

— Не будь такой упрямой. Он может тебе помочь, — опять начинает давить Тах.

Чувствую, мы снова стали ходить кругами, и ясно, что Тах не примет «нет» в качестве ответа. Я ничего не имею против Кая — правда не имею, но придется стать более жесткой, если я хочу достучаться до Таха.

— Послушай, он может быть твоим внуком и наверняка учит какие-то целительные песни или типа того, но он *буркеньо*[33], Тах. Ты действительно считаешь, что он пойдет сражаться с монстрами в таком прикиде? Без обид, но он сможет хотя бы заметить монстра раньше, чем тот укусит его в?..

---

[33] Примечания: 33

Оскорбительный термин для обозначения жителей Альбукерке (штат Нью-Мексико) и его окрестностей.

— Ты говоришь об этих *тсэ наайее?*[34]

Я застываю на полуслове. Затем оборачиваюсь, открыв рот.

— Что?

— *Тсэ наайее*. Ну или что-то похожее. — Кай снимает солнцезащитные очки. Складывает их и аккуратно кладет на стол. — Существо, созданное из смеси плоти и природных материалов: дерева, камня, даже кукурузы. Но без способности к речи. Для того чтобы его оживить, наверняка понадобился довольно мощный сакральный предмет. Их немного, все они наперечет. Можно начать поиски с библиотеки в Краун-Пойнте. В тамошнем аудиоархиве хранится множество рассказов старейшин. Я довольно неплохо умею их расшифровывать. В смысле, неплохо для *буркеньо*.

Он задумчиво трогает жесткие волосы чудовища — те самые, которые Тах срезал со скальпа, когда проводил аутопсию[35] на кухонном столе. Затем Кай поднимает кофе с молоком, спокойно смотрит на меня и делает глоток своим идеальным ртом.

Я оборачиваюсь к Таху. Старик сияет. Если бы

---

[34] Примечания: 34
Каменный зверь (*ìàâàð.*).

[35] Примечания: 35
Аутопсия — вскрытие трупа.

я плохо его знала, то подумала бы, что он меня разыграл.

Глава 7

Мы взяли с собой голову чудовища, полфунта сахара, пару банок кофе, бутылку виски (особое пожелание Кая) и провизию, которой нам хватит на неделю. Все это упаковано и сложено в кузов моего грузовичка. Кай внутри дома говорит что-то Таху о том, что он клянется соблюдать личное пространство, а я стою снаружи, прислонившись к водительской двери, и наблюдаю за толпами жителей Тсэ-Бонито, бродящими туда-сюда по пыльным улицам. Жара уже зашкаливает, тесные кварталы и металлические здания аккумулируют тепло и заставляют подниматься температуру окружающего воздуха еще градусов на десять. Кожаная куртка отлично нагревается на солнце, и я чувствую, как пот течет по спине.

Краем глаза я замечаю движение: ко мне приближаются двое мужчин в форме цвета хаки и солнцезащитных очках. Я отворачиваюсь как бы невзначай, наклоняю голову и открываю дверь грузовичка. А ведь так хотелось ускользнуть отсюда незамеченной!

— Так-так-так, Мэгги Хоски. Посмотрите-ка, кто

соизволил посетить нашу маленькую сраную дыру!

Захваченная врасплох, я вздыхаю и отступаю от машины. Захлопываю дверь. Медленно поворачиваюсь, держа руки по швам, и вообще стараюсь выглядеть как можно более безобидно.

— Длиннорукий, — приветствую я Пса-Законника с обветренной рожей и крепко сжатыми челюстями. — Я как раз собираюсь уезжать.

— В прошлый раз ты ведь так назвала наш славный Тсэ-Бонито? Сраной дырой?

Он усмехается, но в голосе его нет даже намека на юмор. Я не вижу его глаз за этими чертовыми очками, но знаю, что они маленькие и злые.

Настоящее его имя — Крис Цоси, но каждый, кто сталкивался с темной стороной его личности, предпочитает звать его Длинноруким. Он возглавляет Охрану Гражданского Правопорядка, или, если кратко, — ОГПП, но чаще их называют проще: Псами-Законниками. Длиннорукий — доминантный пес в этой стае гопников со значками, но, к счастью для меня, я далеко не на первом месте в его черном списке. Длиннорукий, наверное, последний человек в Тсэ-Бонито, с которым мне бы хотелось столкнуться.

— Справедливости ради: когда я это сказала, в

меня стреляли, — напоминаю я ему.

Он хмыкает.

— По-моему, каждый раз, когда ты сюда приезжаешь, кто-то пытается тебя убить.

— Но только не сегодня, — с надеждой замечаю я.

— День только начался, — шутит он и развязной походочкой подкатывает ко мне.

Я бросаю взгляд на пистолет у него на поясе. Его рука лежит на рукоятке. Свой дробовик я уже положила в кабину грузовика, и теперь до него никак не добраться. Но при мне еще имеются метательные ножи, спрятанные в обувных обвязках, и Böker на бедре. Может быть, Длиннорукий пришел сюда только поговорить. А может, и нет.

Его напарник прислоняется к кузову грузовика и принимается наблюдать за нами. Несколько любопытных прохожих оглядываются, но не останавливаются, а только ускоряют шаг. Никто не хочет стать свидетелем неминуемо надвигающейся полицейской расправы. По крайней мере, пока.

— Что ты здесь забыла, Хоски? — говорит он, растягивая слова. — Кажется, я доступно объяснил, что в Тсэ-Бонито тебе не рады.

— Просто заехала навестить друга. И, как уже

сказала, скоро сваливаю.

Он смотрит на кучу вещей, сложенных в кузове. Затем подает знак напарнику:

— Проверь, что там.

— Эй, да ладно тебе! — протестую я.

Он щелкает пальцами в нескольких дюймах от моего лица.

— Закрой пасть, или я арестую тебя за неподобающее поведение!

Хочется громко обматерить этого мелочного засранца, но я заставляю себя молчать. Он будет только рад, если появится повод затащить меня в тюрьму и продержать там несколько дней. А я буду круглой дурой, если предоставлю ему такую возможность. Поэтому я мысленно закрываю рот на замок. Но подавить вызов в своем взгляде просто так не получится.

Ладонь Длиннорукого взмывает и сильно хлопает меня по плечу. Как раз по тому самому плечу, которое пытался откусить монстр. Я вздрагиваю от боли, и Длиннорукий ухмыляется, сообразив, что только что нашел мое уязвимое место, которым грех не воспользоваться. Он придвигается еще ближе, бесцеремонно вторгаясь в личное пространство. Немая демонстрация угрозы.

Я чувствую, как тело мое замирает. Чувствую,

как *К'ааханаании* поднимается на поверхность. Ощущения обостряются до предела, и я начинаю видеть его — самый быстрый способ убийства Псов-Законников.

Дело будет так: я ударю в горло, и когда он начнет задыхаться и инстинктивно потянется к шее, я выхвачу у него пистолет. Затем разверну его, используя как щит, подниму оружие и уложу его напарника, чья реакция настолько замедленна, что он даже не успеет увидеть дуло пистолета, направленное ему в лоб. Бум, бум, потом пистолет к виску Длиннорукого и еще один «бум». Максимум четыре секунды, и они мертвы. Эта мысль мгновенно улучшает мне настроение. Я даже начинаю улыбаться.

Длиннорукий, должно быть, понял что-то по моему лицу. Загоревшийся свет в моих глазах подсказал ему, что он ступил на чрезвычайно тонкий лед. В какой-то момент я вижу, как над его верхней губой выступает пот, который он нервно слизывает, внезапно заколебавшись.

Но тут его напарник кричит:

— Ни хера себе! Здесь отрубленная человеческая голова!

Длиннорукий смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Затем ухмыляется. Любой страх

мгновенно испаряется под приливом добродетельного рвения, и он поспешно отступает от меня на два шага.

— Повтори.

— Голова!

Не спуская с меня глаз, он отступает к мешку, который его напарник держит открытым, и заглядывает внутрь. Проходит секунда, прежде чем он снова поворачивается ко мне — уже с прежней развязностью.

— Советую во всем сознаться, Хоски.

— Голова не человеческая.

— Да хрена с два! — усмехается он.

Длиннорукий в курсе, чем я зарабатываю на жизнь. Почему именно сегодня он решил притвориться, что не знает, — выше моего понимания. Тем не менее, взяв голову в качестве доказательства предполагаемого преступления, он снова встает передо мной. Дыхание у него неприятное — горячее и воняет тухлыми яйцами.

— Кого ты убила на этот раз, а? Какого-то бедолагу, у которого хватило ума угостить тебя выпивкой? Черт, а вдруг именно это случилось с твоим героическим напарником? Однажды ночью ты с ним поцапалась, отрубила голову и теперь таскаешь ее с собой в мешке?

«Поцапалась». Кто бы говорил!

— Я охочусь на монстров, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Спасаю людей там, где от твоих Псов-Законников помощи ждать бесполезно.

Он презрительно фыркает, но я прекрасно вижу, что задела его за живое.

— Продолжай убеждать себя, Хоски, и, возможно, однажды ты сама в это поверишь. Все знают, что с тобой не все ладно. Что ты какая-то уродка. — Он наклоняется ближе и понижает голос до интимного шепота: — Может, не тебе следует охотиться на чудовищ, а наоборот — кто-то должен охотиться на тебя? Чем скорее ты признаешься в этом самой себе, тем скорее я смогу уложить тебя и тем самым избавить от неприятностей сразу всех.

Я знаю, что лучше не давать ему себя провоцировать, но сила *К'ааханаании* уже пришла в возбуждение, и рука моя медленно и небрежно тянется к ножу. Я чувствую, что улыбаюсь, и шепчу в ответ. Мое дыхание у его уха — как любовная ласка.

— Зачем ждать, Крис? Почему бы не попробовать уже сегодня?

Я слышу, как заколотилось сердце в его груди.

Чувствую кислый запах его страха. Наслаждаюсь ощущением себя в роли хищника, а его — моей жертвы. Закрываю глаза и вдыхаю этот запах — опьяняющий и манящий.

Справа раздается громкий кашель, и напряжение моментально спадает. Длиннорукий моргает, затем вновь обретает дыхание и отодвигается от меня и моей немой угрозы подальше.

В легком раздражении я поворачиваю голову и вижу наблюдающего за нами Кая. Рот его растянут в дружелюбной улыбке, но глаза настороженные и внимательные, будто присматривающиеся к дикому животному. Даже не знаю, кого он имеет в виду — меня или Длиннорукого.

— Пора ехать, Мэгги, — говорит он. — А то не успеем добраться до Краун-Пойнта.

Я выдыхаю *К'ааханаании*, внезапно возвращаясь в свою собственную кожу и собственную голову. Это было очень близко. И очень глупо. Если бы я натворила что-то непоправимое, то навсегда оказалась бы по ту сторону закона. И тогда стало бы неважно — охочусь я на чудовищ или нет.

— А ты еще кто такой? — усмехается Длиннорукий. — Новая подружка Хоски?

Кай хмурится, смутившись.

— Длиннорукий считает, что ты красивый, — объясняю я.

Несмотря на попытку Пса-Законника задеть его гордость, лицо Кая светлеет. Для такого человека, как Длиннорукий, нет оскорбления хуже, чем позволить кому-то назвать себя женоподобным, но Каю, кажется, все нипочем. Он ухмыляется и протягивает Длиннорукому ладонь:

— Меня зовут…

— Назад! — орет вдруг Длиннорукий и выхватывает пистолет. И наставляет его на Кая.

Вот так, на ровном месте, ситуация скатывается от «хуже некуда» до «полный звездец».

Настает момент хаоса, когда время будто замедляется и ускоряется одновременно.

Моя рука ложится на рукоять ножа.

Я слышу, как напарник Длиннорукого, все еще стоящий в кузове моего грузовичка, пытается выхватить оружие.

Похоже, и сегодня я не выберусь из Тсэ-Бонито без того, чтобы кто-нибудь не попытался меня убить.

— Я не… — начинает говорить Кай.

— Я сказал, руки вверх и шаг назад! — орет Длиннорукий. Сейчас, с выпученными глазами, он выглядит немного сумасшедшим.

С нарочитой медлительностью Кай поднимает руки и делает большой шаг назад — чтобы оказаться поближе к хогану и подальше от Длиннорукого.

— Ты совершаешь ош… — пытаюсь я сказать, но Длиннорукий обрывает на полуслове, наставляя пистолет на меня.

— Кто-то из вас, уродов, должен рассказать мне о мертвом теле в грузовике, и как можно скорее. Или я потащу вас в тюрьму, где начну весело избивать, как две пиньяты, пока из ваших ртов не посыплются чертовы конфетки правды.

Умеет он обращаться со словами, надо признать. Но теперь голова — это полноценное тело. И я понимаю, что мы уже не сможем выбраться отсюда без того, чтобы кто-нибудь не пострадал.

Кай отвечает первым:

— Если бы вы убрали пистолет, офицер, мы могли бы поговорить. Я был бы рад объясниться.

Я оглядываюсь, и Кай одаривает меня тысячеваттной улыбкой. Более того — подмигивает.

Длиннорукий продолжает держать пистолет, но не пытается сместить его в сторону Кая. Надо же, кажется, он решил послушать.

— Длиннорукий, да? — продолжает Кай. — Вы действительно *тот самый* Длиннорукий? В Бур-

ке вы довольно знамениты.

— Ты что такое несешь? — спрашивает Длиннорукий с подозрением.

— Длинная рука Закона. Оплот законности и порядка в Динете. *Кацик*[36] семейства Уриосте очень высоко о вас отзывался.

Длиннорукий несколько раз моргает. Он удивлен, но явно польщен.

— Семейство Уриосте?

Я сомневаюсь, что Длиннорукий вообще знает, кто это такие. Черт, даже я не слышала ни про какое семейство Уриосте, но в устах Кая это звучит впечатляюще. Как что-то важное. Длиннорукий слегка приосанивается и выпячивает грудь, от чего становится похож на степного цыпленка.

Кай кивает. Голос у него ровный и течет спокойно, как горячий жир. Можно подумать, что они с Длинноруким сидят на званом обеде и никто ни в кого не целится из пистолета.

— Мой отец — его зовут Хуан Круз — работает на кацика в Бурке. От него я слышал разные истории о вас.

---

[36] Примечания: 36

Кацик (или касик) — индейский вождь. Первоначально так назывались вожди на языке таино, коренного населения Антильских островов аравакской группы, которые первыми из индейцев вступили в контакт с европейцами. Позднее испанские колонизаторы стали использовать данное слово для всех индейских правителей.

Понятия не имею, о чем говорит Кай, и никогда не слышала, чтобы Тах вспоминал о каком-то важном зяте в Бурке, но эти приятные слова, кажется, расслабляют Длиннорукого. Да нет, это Кай, похоже, умеет оказывать успокаивающее действие на Псов-Законников. Длиннорукий окидывает внука Таха долгим оценивающим взглядом. Тот стоит с самым бесхитростным видом. При галстучке. В сияющих туфлях. Само очарование. И представьте себе, Длиннорукий опускает пистолет. Я не оглядываюсь, но чувствую, что его напарник тоже расслабился.

Опустив руки, Кай продолжает говорить:

— Как я рад, что мы вас встретили! Обязательно расскажу всем своим родным.

Он протягивает руку с раскрытой ладонью.

Длиннорукий хрюкает от неожиданности. Я уже вижу, как вертятся шестеренки в его ограниченном мозгу, пока он пытается сообразить, какими связями обладает Кай с внешним миром и как это можно использовать. Стена обеспечивает нам безопасность внутри Динеты, но это не значит, что нельзя извлекать пользу из контактов на другой стороне. Хорошие связи — это сахар, кофе. Солнцезащитные очки.

Наконец Пес-Законник отрывисто кивает, уби-

рает пистолет в кобуру и протягивает руку Каю.

Хитрожопый сукин сын.

— Убирайтесь ко всем чертям из моего города, Хоски, — бормочет он и отступает, чтобы пропустить Кая. — Оба. Увижу вас снова — и вы сто процентов окажетесь в тюрьме.

Меня это вполне устраивает.

Напарник Длиннорукого выпрыгивает из кузова.

— А что будем делать с головой?

Длиннорукий отмахивается от него, как от назойливой мухи, и что-то бормочет — для меня неразборчивое.

Кай беспрерывно благодарит, а я стараюсь не терять времени даром. Открываю водительскую дверь и забираюсь внутрь. Вставляю ключ в замок зажигания. Двигатель с ревом оживает, и Кай проскальзывает на пассажирское сиденье. Я включаю передачу, и мы трогаемся с места.

Улица забита пешеходами, но я освобождаю путь, щедро воя клаксоном, и постепенно продвигаюсь сквозь толпу. Машина переваливается с боку на бок на грязной изрытой дороге, и нас мотает по всей кабине. Кай держится рукой за крышу, пока я не выезжаю на шоссе. Но как только дорога становится ровнее, я тут же увеличиваю

скорость. И не дышу, пока Тсэ-Бонито не исчезает из зеркал заднего вида.

Сузив глаза, Кай задумчиво наблюдает за мной.

— Что? — зло спрашиваю я.

Я все еще на нервах, взбудораженная охотой на монстра, противостоянием с Длинноруким и вот этим всем. Пальцы сильно сжимают руль, и я заставляю их чуть-чуть расслабиться. Я нервничаю и злюсь, но Кай-то ни в чем не виноват. Наоборот — это он вытащил мою задницу из-под огня, и теперь я перед ним в долгу. Причем он проделал это так, что никого не арестовали, не застрелили и не зарезали. Это далеко не мелочи, так что самое лучшее, что я могу сейчас сделать, — это обуздать свое неприятие и постараться вести себя мило.

— Это было нечто, — говорю я и бросаю на него взгляд.

Он продолжает смотреть. С выжидательным выражением. Похоже, легко не будет. Я делаю еще одну попытку:

— Думаю, это хорошо, что твой отец — кацик или типа того. Это нам неплохо помогло. С Длинноруким.

Вот. Считай это предложением мира.

Но он отворачивается от меня и начинает смот-

реть в окно. Наблюдает, как мимо проносится скудный пейзаж с редкими кустиками чамисы и белые скалы плато постепенно сменяются красными.

— Мой отец не общается с кациком Уриосте, — говорит он рассеянно. — Он профессор в колледже. В смысле, был им до Большой Воды.

Я хмурюсь, пытаясь вспомнить, что он еще говорил Длиннорукому.

— А мне показалось, ты сказал, что он работает на семейство Уриосте.

— Так и есть. Роет канавы или выполняет еще какую-нибудь поденную работу. Профессоры колледжей в наше время не очень высоко ценятся.

— Значит, нет никакого Хуана Круза — друга высокопоставленного человека?

— Почему? Хуан Круз существует, и он действительно работает на кацика, но он не мой отец. Моя фамилия Арвизо.

— Арвизо? Выходит… ты врал?

Повернувшись ко мне, он коротко улыбается.

— Разумеется. Этот Пес-Законник не хотел правды. Он хотел услышать хорошую историю, и я ее ему подарил. «Оплот законности и порядка в Динете…» Ты что, правда думаешь, что кто-то может ляпнуть такое всерьез? Я все это выдумал.

Ну я даже не знаю… Не знаю, то ли восхищаться крепостью его яиц, то ли разозлиться от того, что он подверг себя такому риску.

— У Хуана есть сын, — продолжает рассказывать Кай. — Хороший парень. Альваро Круз. Мы вместе тусовались, устраивали шикарные вечеринки с Уриосте в горах. Ели их икру и пили их шампанское. — Он ухмыляется, на мгновение отдавшись воспоминаниям. Потом хлопает меня по плечу — тому самому, которое жевал монстр. Я вздрагиваю, но он, кажется, этого не замечает.

— Нет ничего страшного в том, чтобы сказать «спасибо», — говорит он. — Мне было даже приятно помочь. Тот парень показался мне настоящим придурком, и я решил, что неплохо бы вмешаться, прежде чем ты не выдержишь и воткнешь в него нож.

Я хмыкаю, и он начинает смеяться. Это приятный смех — чистый и искренний, но я все еще не могу смириться с его ложью.

— Кстати, — говорит он, вытаскивая из кармана рубашки и надевая свои «авиаторы», — у тебя же есть виски в кузове, верно? Не возражаешь, если мы остановимся на минутку? Очень хочется выпить.

Глава 8

Проехав несколько миль после форта Дефайанс, я резко жму на тормоза.

Впереди, не далее десяти футов от нас, дорогу пересекает койот. Он останавливается и поворачивает голову в нашу сторону. Коричневая морда наклоняется над худыми и длинными серыми лапами. Пару секунд он смотрит на нас горящими желтыми глазами, потом трусит дальше в кусты и исчезает в арройо[37].

— Это нехорошо, — говорю я.

— Что нехорошо? — спрашивает Кай.

— Койот перебежал дорогу. Это дурная примета. Иногда предвещает что-нибудь очень плохое.

Кай рассеянно кивает, словно обдумывая мои слова. Он городской парень и вряд ли верит в приметы. Наверняка воспринимает это как суеверие — несмотря на свою медицинскую подготовку. Но потом он говорит:

— Может, нам развернуться? Отъехать назад и найти другой путь?

Я выглядываю в окно и смотрю на солнце. Пере-

---

[37] Примечания: 37

Высохшее русло реки или дно оврага (от *èñï.* arroyo — «ручей»).

сечь путь койота — это не шутки. Но… я не вижу другого выбора.

— Не стоит. Потеряем слишком много времени, если станем сейчас возвращаться. Но… — Я съезжаю на обочину и глушу двигатель. — Сейчас самый подходящий момент, чтобы выпить виски.

Кай смотрит, как я вылезаю и иду к заднему борту. Откидываю его и забираюсь в кузов. Там я нахожу бутылку виски, бережно завернутую в старые одеяла, вытаскиваю ее и иду к переднему краю кузова. Затем отвинчиваю крышку и салютую бутылкой. После чего подношу виски к губам и делаю один большой глоток. Янтарная жидкость обжигает горло. Проглотив, я протягиваю бутылку Каю.

Он уже вылез из грузовика и стоит теперь возле борта, не сводя с меня глаз. Предполуденное солнце играет в мягких прядях его волос, отбрасывая полосы голубого пламени на лицо и заставляя вспыхивать серебряные полоски на галстуке. Он долго смотрит на меня, словно пытаясь понять, о чем я думаю, затем протягивает руку и берет бутылку. Поднимает и делает долгий медленный глоток. А потом еще один.

— Ты часто посещаешь вечеринки? — спра-

шиваю я.

Он опускает бутылку и склоняет голову набок, подняв руку, чтобы закрыть лицо от солнца.

— Ты ведь не собираешься читать мне лекции о вреде алкоголя для индейцев? Или рассказывать, что я следую устаревшим стереотипам?

— Просто подумала, что шампанское ближе к твоему стилю.

Моргнув, он издает легкий смешок.

— Ты вообще слушаешь, о чем я говорю?

— Конечно. Даже когда ты несешь полную хрень.

Он смеется, а я спрыгиваю с кузова грузовичка и закрываю задний борт. Затем подхожу и забираю у него бутылку.

— Никогда не пробовала ничего подобного. В резервации нет спроса на шампанское. Когда пришла Большая Вода, мне было пятнадцать. Думаю, к тому времени я уже успела сделать глоток «Курз»[38]. Насколько я знаю, «Курз» среди пива — как шампанское среди вин, верно? Поэтому наверняка это что-то да значило!

Я усмехаюсь собственной шутке, затем откидываю крышку бензобака, вставляю сито и лью туда

---

[38] Примечания: 38

Coors — популярная в США марка пива, принадлежащая пивоваренной компании Molson Coors Brewing Company.

виски. Мы оба смотрим, как медленно пустеет бутылка.

Кай драматически вздыхает.

— Ничего, переживешь.

— С трудом. — Он трет губы, словно пытаясь запомнить вкус. — Значит, твой грузовик ездит на самогоне…

— На любом топливе, какое получается достать.

— Я думал, в Динете полно ископаемого топлива.

— Так говорят. Но Совет Племени полностью контролирует производство бензина и предпочитает продавать его в Нью-Денвер или ПМЦ. То есть в регионы, наиболее пострадавшие от Энергетических Войн. Там бензин стоит дороже. Поэтому они отправляют его тем, кто готов платить.

— Что такое ПМЦ?

— Прославленное Мормонское Царство. Никогда не слышал? Почти вся территория к западу от Нью-Денвера и большая часть того, что осталось от Аризоны, за исключением Динеты. Говорят, там есть на что посмотреть.

— В ПМЦ?

— Ну хм… я имею в виду озеро Пауэлл, где находятся нефтеперерабатывающие заводы.

Всего в двухстах милях западнее Западного края Стены. Говорят, заводы работают день и ночь, и официальные представители племен живут в тех местах как короли. Хотелось надеяться, что после Энергетических Войн ресурсами начнут распоряжаться как-то иначе. В смысле, распределять среди людей по справедливости или хотя бы помогать строить чертовы солнечные панели. Да хрена с два.

— Жадность никто не отменял, — замечает Кай. Лицо у него задумчивое, взгляд немного отстраненный. — У нас в Бурке есть водные бароны, которые ведут себя точно так же. Контролируют буквально все: глубокие колодцы, водосборы, испарители в горах и другие гидротехнические сооружения, какие ты никогда не видела. Вода делает их богатыми, как принцы эпохи Возрождения. — Он сдвигает с лица «авиаторы» и щурится на солнце. — Кажется, везде, где есть природные ресурсы, находится кто-то, кто готов забрать себе все. Чтобы накопить денег больше, чем он в силах потратить.

Я вспоминаю о Защитниках — тех, кто сражался во время Энергетических Войн с транснациональными корпорациями и проиграл. А потом вмешалась сама Земля и утопила сразу всех, не

разбирая, кто прав, кто виноват.

— Вода — это жизнь, — говорю я.

— А нефть пить нельзя, — отвечает он старым лозунгом Защитников, который мы все слышали в детстве. Но что-то в его голосе звучит не так. На секунду лицо его затуманивается, и глаза вспыхивают ярким, почти металлическим блеском. Это поражает и заставляет обостриться мои инстинкты охотника на чудовищ. Но прежде чем я успеваю понять, что происходит, он хлопает ладонью по борту грузовичка. От неожиданности я вздрагиваю. — Удивлен, что эта штука еще на ходу. Сколько ей лет?

Я стряхиваю с себя это странное наваждение и откладываю все вопросы на потом.

— Будешь бить мой грузовик — пойдешь отсюда пешком. Это классика автопрома.

Все так. Полноприводный пикап «шеви» 1972 года выпуска. Вишнево-красный и хромированный, как королева красоты. Я не раз возвращала его из мертвых, и он никогда меня не подводил. Я ласково похлопываю его по борту и кладу опустевшую бутылку в кузов.

— Своего рода реликвия, не так ли? — спрашивает он.

— Настоящая сталь из Детройта. Он пережи-

вет любую машину, сделанную за последние пятьдесят лет. Всю эту дрянь из стекловолокна и пластика.

Он ухмыляется и смотрит на меня оценивающе.

— А ты шаришь в механизмах!

— Понимаю кое-что, — соглашаюсь я. — Обычное дело для резервации: не умеешь починить машину, значит, будешь перемещаться ножками.

— Да ладно, я не хотел тебя обидеть. — Он примирительно поднимает руки. — Просто сделал наблюдение.

— Ага. Вот и наблюдай с пассажирского сиденья. Пора ехать дальше. — Я прикидываю положение солнца, смотрю на съеживающиеся тени. — У нас еще час, потом придется делать остановку.

— Остановку? Еще даже не полдень.

— Вот именно. «Козлиная тропа», по которой мы едем, проходит через местечко Твин Лейкс. Можно остановиться там. Как раз будет полдень, а около трех часов дня поедем дальше. Иначе машина перегреется. А если она перегреется, нам придется бросать ее и возвращаться пешком.

— Мне показалось или ты говорила, что твой грузовичок — это какая-то супермашина?

— Нет, я сказала, что это классика, к которой следует относиться с уважением. После Твин Лейкс дорога превратится в полный *находишгиш*[39]. Перегрев — это очень плохо. Одна большая выбоина, и мосту конец. А ты можешь представить, как сложно заменить мост «Шевроле» 1972 года в наше время?

— Я уже начинаю переживать.

— Не волнуйся. Верну тебя Таху в целости. — Я открываю водительскую дверь и забираюсь в машину. Кай садится на пассажирское сиденье. — Если, конечно, ничего не случится.

— Мы останавливаемся, когда жарко. Мы не едем по плохим дорогам в темноте. Что может случиться плохого?

Я завожу двигатель и широко улыбаюсь, но мой взгляд невольно устремляется туда, где мы видели койота.

— Ну всегда есть риск нарваться на монстров.

Мы останавливаемся чуть позже полудня, как я и сказала — сразу за Твин Лейкс. Озер здесь, конечно, никаких нет[40]. Любая вода, которая

---

[39] Примечания: 39
Место, которое лучше обходить стороной (*íàâàð.*).

[40] Примечания: 40
Твин Лейкс (Twin Lakes) — «озера-близнецы» (*àíãë.*).

была здесь когда-то, давно высохла.

Кай сидит, скрестив ноги, на пыльном клочке земли — в условной тени, отбрасываемой скалой. Галстук перекинут через плечо, но очки будто приросли к носу. Он жует кусок вяленого мяса, которым нас щедро снабдил в дорогу Тах. Мы отпиваем из одной фляжки, делая размеренные глотки — ровно столько, чтобы не пересыхало во рту. Если раньше было жарко, то теперь как в печке. Проведите на солнце несколько минут, и вы почувствуете, как начнет гореть ваша кожа. Вы ощутите себя тушкой, засунутой в микроволновку. На таком свирепом солнце не спасает даже наша естественная смуглость. Но как в любой пустыне — это сухая жара. Если под прямыми солнечными лучами невыносимо, то в тени на добрых двадцать градусов прохладнее. Поэтому я припарковала грузовичок как можно ближе к тенистой скале, накинула одеяло с подветренной стороны, чтобы закрыться от порывов пыльного воздуха, после чего мы с Каем разделили обед.

— А почему этот Пес-Законник назвал тебя уродкой?

— Потому что он идиот, — отвечаю я с полным ртом мяса.

— Это понятно. Но это не ответ на мой вопрос.

Я глотаю мясо. Не торопясь выбираю жареный пиньон из маленькой холщовой сумки на шнурке. Потом смотрю на медика-стажера и кладу пиньон в рот. Он стал прогорклым, и я с отвращением его выплевываю.

— Тах рассказывал тебе что-нибудь о силах кланов?

Обливаясь потом, он расслабляет галстук и оттягивает рубашку от груди.

— Ну что это дары *дийин*[41]*дине*. Что они бывают только от двух первых кланов — сначала от матери, потом от отца. И что проявляются они только во время большой нужды, да и то не у всех, а только у благословленных.

— Тах назвал это благословением? Дарами Святого Народа?

Кай откусывает еще кусочек.

— А это не так?

— Твой *аччей*[42] постоянно хочет как лучше, но чаще только портит.

Я прислоняюсь спиной к колесу своего грузовичка и подтягиваю колено к груди, потому что очень хочется почесать икру. Кай сидит напро-

---

[41] Примечания: 41
Святой, священный (*íàâàõ.*).

[42] Примечания: 42
Дедушка (*íàâàõ.*).

тив меня.

— Думаю, все зависит от точки зрения, — говорит он. — Один видит плохое, происходящее с ним, как несчастье, другой — как потенциал для роста.

Я громко фыркаю.

— Бывают и просто плохие вещи. В страдании нет никакой искупительной ценности. Вся эта благородная чушь придумана для лохов. Чтобы не пугать их первобытной дикостью.

Кая мои слова не смутили.

— Пока я ждал оформления документов на границе в Рок-Спрингс, я познакомился с одной девушкой. Не помню, как назывался клан ее матери, но она была рождена для *Тхажии Дине*.

– *Тхажии*? Не знаю такого.

— Индейка. Ее родили для клана *Людей Индейки*.

— Хм…

Даже не представляю, как индейка может проявиться в качестве силы клана.

— У нее природное чутье на индеек. Она чувствует диких индеек в радиусе мили. И они идут к ней. Она может позвать — а у нее есть эта способность Людей Индейки, — и птицы будут ее. Возможно, это не та супермощь, о которой мы

все мечтали в детстве, но когда умираешь с голоду и срочно нуждаешься в пище, то умение приманить индейку может оказаться чертовски полезным. Плюс — можно торговать перьями. — Он поднимает руку открытой ладонью вверх. — Типа, держите, вот вам дар.

— То, что сила одного из кланов доброжелательна, не означает, что таковы все.

— Ты сказала, что страдание никогда не приносит ничего хорошего. А я говорю, что бывает по-разному. — Он откусывает еще один кусочек мяса, и мы делаем из фляги по глотку. — Расскажи, почему так разволновался твой друг из правоохранительных органов?

Мой рот непроизвольно кривится.

— Зачем тебе это знать, Кай? Ты боишься, что тебя со мной увидели?

— Вовсе нет, — отвечает он с обезоруживающей улыбкой. — Я здесь новичок, не забыла? Я подумал, если ты и Длиннорукий — естественные враги, то, вероятно, это признак того, что мы с тобой должны подружиться. Он вел себя как полный псих. И я, кстати, разделяю точку зрения своего *аччея.* Если *дийин дине* благословили тебя в трудную минуту, то это едва ли превращает тебя в уродку.

Я впиваюсь ногтями в зудящее место на ноге и давлю до тех пор, пока не лопается кожа под тканью.

— А ты умеешь красиво говорить.

Кай опускает подбородок в легком поклоне, изображая признательность.

— А ты умеешь ловко уходить от ответа.

Да какого черта!

— Я *Хонагаании*, рожденная для *К'ааханаании*.

Он задумчиво кивает:

– *Хонагаании* я знаю. Это что-то вроде «кружить» или «ходить вокруг». А это значит, ты…

— Быстрая… По-настоящему быстрая.

— Ты хочешь сказать…

— Быстрее людей, скажем так.

Он низко присвистнул в знак уважения.

— Вот это я понимаю — суперспособность. Хотел бы я увидеть…

— Лучше не надо, — отвечаю я. — Если придет *Хонагаании*, значит, у нас большие неприятности.

— Ну хорошо, — говорит он. — Забудем пока об этом. А что за второй клан? Что означает *К'ааханаании*?

— «Живая стрела».

— Выходит, ты хорошо стреляешь из лука или

типа того?

— Нет, Кай.

Я встаю и потягиваюсь. Смахиваю пыль со спины и бедер. Чувствую, как по икре стекает струйка крови из того места, где я вонзила ногти слишком глубоко. Я смотрю на Кая, по-прежнему сидящего с галстуком на плече. В глазах у него такое любопытство, словно разговоры о силе кланов — какое-то увлекательное интеллектуальное упражнение. Можно подумать, крутые суперспособности не заставят людей относиться к вам с недоверием. Или вообще — как к больному или как к человеку, находящемуся в шаге от того, чтобы самому стать монстром. Когда даже твой наставник отворачивается от тебя с отвращением — настолько ужасна твоя жажда крови. Когда даже он — легендарный воин — не может понять, что тобой движет. Только Тах может считать это благословением. Или Кай. Но мне-то виднее.

— «Живая стрела» означает то, что я действительно хорошо умею убивать людей.

Кай поднимает «авиаторы» на лоб, будто хочет хорошенько меня рассмотреть. Потом моргает — медленно, с тяжелыми веками, после чего роняет очки обратно на переносицу. Затем поправляет галстук и широко зевает, вытянув руки над го-

ловой. Откидывается назад, упершись локтями в одеяло Пендлтон, и говорит:

— Ну что ж, Мэгз. По крайней мере, ты знаешь, в чем состоит твой талант, верно?

Я таращу на него глаза. Я была готова ко всему: к отвращению, к ужасу. Даже к недоверию. Но невозмутимость? Я вспоминаю, как Кай подошел к Таху, нежно поглаживая отрубленную голову, словно это домашняя кошка, а не… кхм… отрубленная голова чудовища.

— Я хочу сказать, — продолжает он, — когда тебе дается дар, ты вроде как обязана им пользоваться, верно? Верно. — Он поднимает руку, не давая мне ответить. — Конечно, твой талант слегка нетрадиционен, и большинству людей я бы не советовал руководствоваться им при выборе профессии, но если он приносит тебе пользу, то…

Я снова начинаю ковырять ногу.

— Тебя что, это действительно не беспокоит? Ты готов торчать здесь наедине с хладнокровным убийцей?

— Пока мы пытаемся найти кого-то… или что-то, способное создавать монстров, одного из которых я видел у *аччея*? В таком случае твое присутствие — это последнее, что может меня беспокоить. — Он колеблется, затем одаривает

меня своей мегаваттной улыбкой. — По крайней мере, пока ты не занесла меня в свой черный список. — Он сдвигается в сторону, опершись на один локоть. — Не пойми меня неправильно. Я знаю, что мне предстоит пройти долгий путь в своей подготовке, но я — человек мира.

— Любовник, а не боец?

Он усмехается.

— Бинго! В жизни должен быть баланс, не так ли? Я считаю, если есть кто-то вроде меня, то обязательно должен существовать и кто-то вроде тебя… до тех пор, пока мы на одной стороне и ты не поддашься искушению… — Он делает рубящее движение ладонью по своей шее.

Я смеюсь.

— Поспи немного, Кай. Если проснешься, то я все еще на твоей стороне.

Он теребит большими пальцами край одеяла. Засомневался, значит…

— Я пошутила, — говорю я.

— Да нет, дело не в этом.

— А в чем? Слушай, я не спала всю ночь, и было бы неплохо…

— Я вижу сны.

Мне становится интересно. *Дине* относятся к снам всерьез, особенно к тем, которые видят зна-

хари. Даже такие начинающие, как Кай.

— Что за сны?

— Ничего особенного. Просто… — Он опять теребит край одеяла. — Просто разбуди меня, если я начну разговаривать во сне или что-то в этом духе. Хорошо?

— Конечно.

Он прикасается к своим губам явно бессознательным жестом. Готова поспорить на «Два Серых Холма», которые я оставила в Лукачикае, что в этот момент он думает о вылитом виски.

— Серьезно. Не позволяй мне…

— Я уже пообещала. Если будешь болтать или вертеться во сне, я тебя разбужу. Будь уверен.

Но не только Кай способен видеть сны.

Вначале меня поражает запах дурного снадобья. Небо окрашено в клубящиеся тошнотворные оттенки зеленого цвета. Вдалеке бьет бледно-желтая молния, раздается глухой раскат грома. На раздутую красную луну набегают черные тучи. Земля стонет низко и болезненно в своей агонии, сдвигает горы с океанами и захлестывает города мира кроваво-пенным цунами.

Это Большая Вода моих кошмаров, но я не задерживаюсь здесь надолго. Время меняется, и я оказываюсь посреди лунного пейзажа высохшей

земли и плоского пустого небытия.

Я помню это место. Я снова вернулась на Черное Плато.

Кто-то здесь есть. Просто он стоит так, что я его не вижу. Я пытаюсь повернуть голову, но все мое тело сделано из дерева. Стало твердым и неподвижным. Я скашиваю глаза в глазницах что есть силы, но могу лишь мельком заметить незваного гостя. Длинные, вороньего цвета волосы взметаются, как крылья. Это Нейзгани.

Я открываю рот, но не могу издать ни звука. Пытаюсь поднять руку, но она остается прижатой к телу. Моя челюсть шевелится с влажным сосущим звуком. Кровь заливает рот изнутри, и я захлебываюсь ею — густой, теплой, со вкусом сырого мяса. Нейзгани слышит меня, и наши глаза встречаются. Глаза у него серые — похожие на мертвые выцветшие вещи, слишком долго пролежавшие на солнце. Зубы желтые, покрытые жиром, выгрызенным из человеческой плоти. Отдельные сгустки этого жира прилипли к деснам. На голове у него шкура койота мехом наружу, покрывающая шею до плеч. На шее галстук в серебряную полоску. Я чувствую, что все это неправильно. Глаза настоящего Нейзгани как оникс, а зубы — как бриллианты. И только *йее*

наалдлошии носят на себе шкуры животных. Я кричу, захлебываясь собственной кровью, жилы на моей шее напрягаются, но их прокусывает монстр без души, носящий огненную корону на покрытой пеплом голове. Его грубые пальцы ласкают мою щеку, почти любовно пробегают по волосам. На плечо навалилась тяжесть, тупые зубы чудовища терзают мои кости. Моя кожа рвется, и из гнилостного месива вываливаются личинки. Длиннорукий смеется, берет их двумя пальцами и кладет в рот. «На вкус как курица», — говорит он Каю. Кай улыбается — ярко и очаровательно. Пара массивных насекомьих крыльев распахивается за его спиной. Густая паутина наползает на глаза, и он слепнет. «Убей их», — шепчет он. Это не просто слова, это мольба любовника. На длинные пальцы изящных рук нанизаны сверкающие кольца. Прикосновения к моей коже нежны, как весенний дождь. Он наклоняется, целует мой залитый кровью рот и снова шепчет: «Убей их всех!»

Я просыпаюсь — озябшая и дрожащая в тени навеса. Кай лежит напротив меня и крепко спит. В воздухе пахнет пылью и жарой, а не дурными снадобьями. И я здесь — единственный монстр на многие мили вокруг.

К тому времени, когда мы снова выезжаем на дорогу, солнце теряет свою свирепость. Мягким золотым пятном оно клонится к горизонту. Несколько раз Кай пытается разговорить меня, но я никак не могу отойти от своего сна — от болезненного цвета неба над Черным Плато, от запаха колдовства. От Нейзгани, выглядевшего как колдун *йее наалдлошии*, убивший мою *нали*, — вплоть до мутных глаз и желтых зубов. Однако шкура койота — это ошибка. Колдун, напавший на нас, был одет в волчью шкуру. Но все равно было очень похоже, и в совокупности с остальной частью сон серьезно выбил меня из колеи. Поэтому, когда Кай спрашивает о семье, я говорю: «Все мертвы». А когда он интересуется, кто меня воспитал, я отвечаю: «Наверное, он тоже мертв».

На этом наша беседа заканчивается.

Я рассеянно тру плечо и думаю о чудовище. Думаю о зле. Гадаю, стоит ли считать то, что я увидела во сне, простым совпадением. Или это что-то значит?

— Расскажи, что ты о нем знаешь… как ты там его назвал?

Он сидит, прислонившись к пассажирской двери, и рассеянно смотрит в окно.

— Хмм?

— Ну ты сказал, что узнал монстра, когда мы были в доме у Таха. Назвал его *тсэ наайее*.

Он делает вид, будто не хочет со мной разговаривать, вероятно, раздраженный моим дерьмовым к нему отношением. Но я уже поняла, что молчать не в его стиле, поэтому спокойно жду.

Наконец он не выдерживает.

— Ну *тсэ наайее* не совсем подходящее слово, — признается он, — но что-то в этом роде. Я уже слышал о них раньше. Как я рассказывал, мой отец когда-то был профессором, изучал обычаи навахо. Иногда приносил домой записи — устные рассказы старейшин о былых временах. История сотворения, легенды, рассказы о чудовищах. — Он усмехается. — Помню, у него была большая коробка с видеокассетами. Ты помнишь, что это такое? Нет? Неважно. В общем, он получил грант от племени на их оцифровку. Я часто сидел в его кабинете и наблюдал, как он работает.

— Цифровые записи? Думаешь, мы их найдем в библиотеке Краун-Пойнта?

— Именно на это я надеюсь, Мэгз.

Я хмурюсь, второй раз услышав это незнакомое имя.

— Почему ты меня так зовешь?

— Мэгз? Это вроде прозвища. Тебе нравится?

Кто-то сказал мне, что надо давать девочкам прозвища. Это помогает с ними сблизиться.

— Кто-то тебе наврал.

— Может, и так… — Он откидывается назад, упирается ногой в переднюю панель и одаривает меня улыбкой кинозвезды. — Когда это сработает, дай мне знать, напарник.

— Слушай, — говорю я, — не жди ничего особенного от нашего временного сотрудничества, хорошо? Ничего личного. Просто я предпочитаю работать без напарников.

— А я слышал, у тебя был напарник.

Нейзгани. Но как ему объяснить? Нейзгани был больше, чем напарник, и больше, чем учитель.

— Он ушел, — просто отвечаю я, — и какое-то время я была сама по себе.

— Охотилась на чудовищ?

— Нет, — признаюсь я. — Этот *тсэ наайее* стал моим первым самостоятельным заказом. Я была… ну я несколько раз пыталась поработать с местными командами, но из этого ничего не вышло. Поэтому в основном отдыхала.

Обитая в таком трейлере, как у меня, можно позволить себе сделать перерыв.

— Ну вот. Видишь, как идеально все сложилось? Только ты вышла на работу, и… — Он разводит

руками. — Вот он я!

Этот человек неумолим. Я чувствую, что вот-вот улыбнусь, несмотря на то что изо всех сил стараюсь казаться хмурой. Вот ведь гад!

— У меня есть собаки, — бормочу я.

— Да ладно!

— Я в том смысле, что… блин!

Мы взбираемся на последний холм, и внизу перед нами расстилается Краун-Пойнт.

Городок Краун-Пойнт — это несколько миль пространства, заставленного трейлерами и сборными домиками вплоть до скромного кампуса технического колледжа. Я помню, что главная дорога, по которой мы едем, огибает восточную окраину города. Если продолжать двигаться по ней дальше, то можно добраться до гастронома «Башас»[43] и небольшого ресторанчика, в котором раз в месяц подают тушеную баранину. По крайней мере, так было раньше. Теперь Краун-Пойнт напоминает заброшенное поле битвы.

Почерневшее, сожженное и усеянное телами убитых.

---

[43] Примечания: 43

«Башас» (Bashas') — семейная сеть продуктовых магазинов, распространенная в основном в Аризоне.

Глава 9

Мы молча едем по девятому шоссе в самое сердце Краун-Пойнта. На моих коленях лежит дробовик, а Кай что-то высматривает за окном. Возможно, признаки жизни. Но ему не везет. Мертвецы, усеивающие землю вокруг нас, явно не живые.

— Так много призраков, — шепчет он.

— В каком смысле?

– *Ч'йидии.* Кругом. Ты их не видишь?

Я вздрагиваю. Такое ощущение, что по моему позвоночнику поползли миллионы крошечных муравьев.

— Нет.

Он кивает. Ни слова не говоря.

На языке навахо духи умерших — это *ч'йидии.* Это остаток, злые дела, которые каждый мужчина и каждая женщина оставляют после себя в момент смерти. Они могут овладевать живыми, вызывая болезнь «утопление». «Утопление» — это медленная смерть, погружение в меланхолию и депрессию до тех пор, пока вы не забудете встать с постели, не забудете поесть и в конце концов не

разучитесь дышать. Болезнь «утопление» может проходить и скоротечно, в виде приступа, когда вы внезапно почувствуете, что задыхаетесь, и вас начнет затягивать в могилу. Но, быстро или медленно, *ч'йидии* убивают в любом случае. К счастью, они, как правило, остаются рядом с телом или заражают жилище, в котором умерший встретил свой конец, так что, пока мы держимся от них подальше, они держатся подальше от нас.

— Однажды я заразилась болезнью призраков, — говорю я, в основном только для того, чтобы услышать свой голос. — Мы охотились. На человека, а не монстра, но зло превратило его в чудовище. Он убил всю свою семью недалеко от Ганадо. Жену, детей, кузенов и даже лошадей. Мой прежний напарник был со мной, но в какой-то момент мы разошлись, решив взять его в клещи. Я наткнулась на него, когда была одна. Загнала в угол в старом заброшенном хогане и застрелила. Но я не отрезала ему голову. Это была ошибка. Его *ч'йидии* оказался очень сильным. Все накопленное в нем зло, которое только и ждало возможности подняться и принять форму, и я, глупо застрявшая внутри хогана, поскольку там было тесно и не было возможности выскочить вовремя. Мой наставник нашел меня через

несколько часов. Я билась в лихорадке, бредила и что-то кричала об «утоплении». Он отвез меня к твоему дедушке. Четыре дня и три ночи он пытался спасти меня, и в итоге ему это удалось. — Я бросаю взгляд на Кая. Он по-прежнему смотрит в окно, но слушает. — Так я и познакомилась с твоим *аччеем*. Он спас мне жизнь.

— Они будто… парят.

— Выжидают?

Он сглатывает так сильно, что я вижу, как дергается его кадык.

— Не знаю.

— Под твоим сиденьем есть специальные патроны. Начиненные мукой и обсидианом. Это их не остановит, но замедлит. Привяжет на какое-то время к тому месту, где они находятся.

Он лезет под сиденье и вытаскивает коробку с самодельными патронами.

— Как увидишь, что кто-то приближается, рви гильзу и рассыпай заряд навстречу.

— А что потом?

— Потом мы помчимся как можно быстрей.

Он кладет в карман несколько патронов с сосредоточенным лицом.

Это довольно слабый план, но если их действительно так много, как говорит Кай, то ничего,

кроме этого, мы сделать не сможем.

К счастью, дело до такого не доходит. Несмотря на окружающие нас следы резни, Краун-Пойнт остается до жути пустым, и мертвые сущности предпочитают держаться на расстоянии. Я хорошо помню дорогу к колледжу, поэтому веду грузовичок прямо через город с привидениями, поворачиваю направо на Лауэр-Пойнт, затем налево на Хоган-Трейл, после чего огибаю пустую сторожку у входа в кампус.

Старая библиотека располагается в почтенном здании, состоящем из двух корпусов, обшитых коричневым металлическим сайдингом и покрытых зеленой крышей. Кто-то приделал к нему пандус для инвалидов и большой, высотой в два этажа, подъезд посередине — с четырьмя бетонными колоннами, разделяющими ряд двойных дверей. Крыша задней части здания приподнята вверх, чтобы добавить дополнительных окон и пространства, которое предполагает атриум на втором этаже. Довольно неплохое здание, если не обращать внимания на обугленный по всему периметру фундамент. Похоже, кто-то пытался сжечь его недавно, но без фанатизма. Кажется, просто зажгли кусты и желтую траву вокруг здания, но не остались следить за тем, чтобы

пламя как следует разгорелось. Один — ноль в нашу пользу.

— Думаешь, это безопасно? — спрашивает Кай тихим голосом.

Я ставлю грузовик на стоянку и выключаю двигатель.

— Нет. Но ведь там находится нужная нам информация, не так ли?

Он кивает.

— Тогда пошли.

Я лезу под водительское сиденье и вытаскиваю металлическую коробку. Выбираю маленький ключ на своей связке и вставляю его в замочную скважину. Замок поворачивается и открывается. Внутри «Глок-22» сорокового калибра со стандартным магазином на пятнадцать патронов. Я достаю пистолет и протягиваю его Каю.

— Что это значит?

— Это пистолет.

— Я знаю. Я имею в виду, зачем ты отдаешь его мне?

— Он тебе пригодится, если там окажется что-нибудь большое и плохое.

— Полагаю, что большое и плохое как пришло сюда, так и ушло.

Я настойчиво протягиваю оружие:

— Все равно бери.

— Мне это не нужно. Я не могу… Дело в том, что убийство способно… — Он качает головой.

Я молчу несколько секунд, чувствуя, как непроизвольно сжимается рука вокруг холодного металла.

— Ты что, никогда не пользовался оружием?

— Я же сказал. Я целитель, а не убийца.

— Но ты же говорил, что способен постоять за себя! — кричу я громче, чем мне бы хотелось. Но мне и в голову не могло прийти, что Кай откажется брать в руки оружие.

Он вздрагивает от моего крика и делает успокаивающий жест обеими руками.

— Я могу о себе позаботиться, — говорит он спокойным голосом, — для этого мне не нужен пистолет.

Я проглатываю следующий крик, который был уже готов из меня вырваться.

— Тах доверил мне твою жизнь. Если ты сделаешь так, что мне придется вернуться и рассказать милому старику, что ты умер у меня на глазах, то я сама тебя придушу.

Его губы дергаются.

— Ничего со мной не случится.

Я кладу пистолет обратно и запихиваю коробку

под сиденье.

— Смотри у меня.

Выйдя из кабины, я сильно хлопаю дверью для пущей убедительности. Он выскальзывает из-за пассажирской двери и идет за мной по бетонным ступенькам. Нарядные туфли звонко стучат по твердой поверхности. Я смотрю на его «косячные» ноги.

— При первом удобном случае обзаведись нормальной обувью. Эти штуки такие громкие, что монстры услышат нас за милю.

После того шума, который я наделала своими воплями, пенять Каю на обувь довольно глупо, но у него хватает ума не спорить. Я останавливаюсь у двери. Опаленный фундамент совсем рядом, и я наклоняюсь, чтобы его потрогать. Скребу почерневшую землю, подношу руку к носу и принюхиваюсь. Запах слегка сладковатый, почти металлический — словно остатки сгоревшей проводки.

— В чем дело?

— Ни в чем. Просто проверила. — Я выпрямляюсь и стряхиваю пепел с рук. — Давай сначала посмотрим библиотеку.

Кай следует за мной до самого входа. У двойных дверей я останавливаюсь и прикладываю дробо-

вик к плечу.

— Открывай двери, — говорю я.

— Я?

— Разумеется. Только у меня есть оружие. Поэтому ты открываешь двери.

Он недовольно молчит, но делает шаг вперед — причем достаточно умно, избегая линии моего огня. Возле дверей он берется за ручку и дергает одну из створок на себя. Дверь распахивается. Я жду, готовая стрелять во все, что оттуда выпрыгнет. Но ничего не происходит, и я захожу внутрь.

В библиотеке никого нет. Такое впечатление, что она стоит пустой уже давным-давно. Широко распахнутый вход оформлен в фирменных коричнево-серых тонах. Генератор, разумеется, не работает. Единственное имеющееся освещение просачивается через окна и световой люк на потолке с тускло-водянистым стеклом. Пыль, занесенная из пустыни, покрывает верхние полки стеллажей высотой до плеч. Еще больше пыли осело на переплетах книг. У входа стоят подшивки периодических изданий: журнал «Коренные народы», «Вестник Смитсоновского института», а также старинные сборники специальных докладов «Индейские земли» — все с датами публикации до прихода Большой Воды.

По спине ползут мурашки от неприятного предчувствия. Я никогда не проводила в библиотеках много времени — даже когда была ребенком, — а теперь это место напоминает больше гробницу, чем что-либо другое.

— Куда нам надо? — спрашиваю я, и мой голос отражается от потолка эхом, как от свода пещеры.

Взгляд Кая блуждает по пыльным рядам стеллажей и длинным пустым столам.

— В архив, — отвечает он. — Кто знает, может, мы найдем там даже материалы, над которыми работал мой отец.

— Легенды о чудовищах?

— Ну не только их. Это устные истории. Воспоминания стариков о жизни, о времени, проведенном в школах-интернатах, рассказы их родителей, переживших «Долгий Путь». На самом деле там собрано все, чем они готовы были поделиться. Ученые навахо боялись, что мы навсегда потеряем наши исконные знания, когда старики уйдут. Возможно, если бы они знали, что Соединенные Штаты потерпят крах и сгорят, а Динета станет одним из последних обитаемых мест на континенте, они бы не стали так переживать. Но никто не может предвидеть все.

— Многие предвидели. Большую Воду, я имею в виду.

— Разумеется. Но не в таком масштабе. — Он ведет нас по длинному коридору, стены которого через равные промежутки увешаны плакатами: «Ходьба для диабетиков, 2030 г.», «Краун-Пойнтская ярмарка ‘29» и так далее. — Говорили о наводнении во Флориде или о засухе в Калифорнии. Но никто не ожидал, что две трети континента окажется под водой.

Перед тем как повернуть за угол, я поднимаю дробовик. Никого. Мы заходим в читальный зал библиотеки, в котором полно огромных атласов с картами Земли. С картами, которые теперь устарели. Рядом с атласами старые энциклопедии, повествующие об истории уже исчезнувшей Земли — по крайней мере, в том виде, в каком она изображена на иллюстрациях. Это довольно жутко. Против воли я начинаю думать о тех местах, которые находятся за пределами Динеты, чем не занималась уже очень давно. Возможно, всему виной Кай. Интересно, остались ли в мире другие территории, подобные нашей — где восстали древние боги, где чудовища угрожают пятипалым, где смерть преследует тех немногих, кто остался жить на земле своих предков?

— К тому же никто не предвидел землетрясение в Нью-Мадриде, — продолжил Кай, — Хаос и бунты во время Энергетических Войн. Сложи все это вместе, добавь сюда некомпетентное правительство, и через пару лет все развалилось бы само собой… Даже без прихода Большой Воды.

— Моя *нали* говорила, что это совсем другое.

Он останавливается, и я почти натыкаюсь на него, поскольку мои мысли все еще бродят по далеким затонувшим землям.

— В каком смысле? — спрашивает он с любопытством.

— Просто многие традиционные легенды *дине* повествуют о первом потопе. О том, как Койот выкрал детей Водяного Монстра, и тот затопил весь мир только для того, чтобы вернуть их обратно. Некоторые считают, что Большая Вода — это повторение тех событий.

Кай хмурится.

— Значит, все это устроил Койот?

— Эй, я же не спорю. — Я жестом делаю знак, чтобы он продолжал движение. Чем меньше времени мы проведем здесь, тем лучше. — Я просто хочу сказать, что, возможно, все не так просто, как кажется. И ты должен знать об этом лучше всех.

— Почему я? — спрашивает он. Я не вижу его лица, поскольку он повернут ко мне спиной, но в голосе его звучит легкая обида.

— Ну ты же цели…

— Кажется, это здесь, — перебивает он и снова резко останавливается.

«Это» представляет собой длинный ряд горизонтальных картотечных шкафов — таких же, как за конторкой, но разделенных на отдельные секции для хранения аудиокассет. Шкаф, на который указывает Кай, помечен надписью «устные предания». На его ящиках написаны года и первые буквы фамилий. Прочие шкафы для хранения аудиодокументов тянутся вдоль всей стены, по меньшей мере в четыре ряда.

— Это нереально, — произношу я растерянно.

— Да, здесь больше, чем я думал, — признается Кай, — но, может, есть способ сузить круг подозреваемых? Давай посмотрим.

Я прислоняю дробовик к одному из стеллажей, дергаю ручку первого ящичка с надписью «1971 A — C», но он не поддается. Я дергаю второй, но он тоже крепко заперт.

— Кажется, нам здесь не рады.

Я поднимаю дробовик, удерживая его за ствол. Если крепко ударить прикладом, замок наверня-

ка сломается.

Кай откашливается. Я замираю и оглядываюсь на него. Он стоит и смотрит на меня, идеально изогнув бровь.

— Я понимаю, это выглядит слишком грубо, но я ведь должна закончить то, ради чего мы сюда пришли.

— Или… — Кай указывает рукой на Böker, висящий в ножнах у меня на бедре, — ты можешь доверить это дело мне.

— Ты хочешь открыть ящики моим ножом?

— У меня талант к отпиранию замков.

Я неодобрительно цыкаю.

— Лжешь авторитетным людям, взламываешь замки, прячешь контрабандный виски… А я еще думала, откуда у тебя столько интересных познаний?

Он смотрит на меня с притворным возмущением:

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— А твой дедушка знает? — спрашиваю я, но протягиваю ему нож.

— Мой *аччей* и сам когда-то пользовался дурной славой.

— Тах? — удивленно спрашиваю я.

— Красивое лицо иногда обманчиво.

Я прислоняюсь к картотечному шкафу. Меня душит смех.

— Знаешь, раз уж ты об этом заговорил, я всегда считала, что дедушка Тах в юности слыл красавчиком. У него еще сохранился этот огонек в глазах.

Он преувеличенно тяжко вздыхает.

— Вообще-то я имел в виду себя. Это у меня красивое лицо.

Кай наклоняется и начинает изучать замок. Рука с длинными пальцами упирается в дверцу шкафа, профиль юноши обращен ко мне.

— С таким лицом, наверное, многое сходит с рук, — говорю я.

Кай просовывает кончик моего ножа между замком и шкафом. Немного двигает механизм.

— Что ты имеешь в виду?

— Не что, а кого. Красавчика вроде тебя.

Он ухмыляется. Я закатываю глаза.

— Забудь. Если скажу еще что-нибудь, то ты раздуешься от гордости так, что не сможешь пролезть через двойные двери на выходе.

Он решительно толкает ящик, и тот открывается. Затем возвращает мне нож замысловатым жестом. Я убираю нож в ножны и выдвигаю ящик.

Внутри стоит ряд из по меньшей мере сотни пластиковых футляров, в каждом из которых лежит диск диаметром с мою ладонь. Кай берет один футляр наугад и вертит его в руках.

— Давненько такие не видел. Хорошо, что финансирование племени закончилось до того, как они успели слить содержимое на внешние сайты. Тогда и диски им бы стали не нужны.

Я беру один из дисков и смотрю через него на тусклый свет, проникающий сквозь высокие окна.

— Как думаешь, у них есть проигрыватель для CD-дисков?

— Уверен, в библиотеке где-то должен быть. Просто надо его найти.

— Еще бы понимать, где искать…

— Не волнуйся, я найду. — Он рассеянно чешет за ухом. — Но сначала хочу их каталогизировать.

— Что, прямо все?

— Нет, только этот ящик. Но даже на него придется убить какое-то время.

— Хорошо. Работай на здоровье. А я пока разведаю окрестности.

— Конечно, — отвечает Кай. Он уже сосредоточился на записанных дисках, проговаривая имена на этикетках — Аткитти, Бэхе, Бегей, Бит-

сью — и сортируя их по алфавиту.

— Эй! — Я стучу костяшками пальцев по стенке шкафа. — Если что-нибудь увидишь, кричи погромче.

Он поднимает голову, словно удивляясь, что я еще здесь и разговариваю с ним.

— Со мной все будет в порядке, Мэгз. Серьезно.

Я бросаю на него последний взгляд. Лоб Кая сосредоточенно нахмурен, пальцы порхают среди дисков, губы произносят имена навахо. Одна часть меня хочет остаться и посмотреть, как он работает. Другая жаждет выбраться из мертвой коробки библиотеки и посмотреть, что, черт возьми, случилось в Краун-Пойнте. Я беру дробовик и иду к выходу.

Я выхожу из библиотеки и после тусклого сумрака помещения какое-то время привыкаю к ярко-голубому небу пустыни. Через парковку библиотеки дует ветер, и я улавливаю запах озона. Чувствую прежний металлический запах от остатков пожара. И прямо здесь, на пороге, меня осеняет догадка: никто не пытался сжечь библиотеку, по крайней мере, вручную. В нее просто ударила молния.

Единственная проблема в том, что в Динете не было дождя по меньшей мере полгода. Я знаю,

что в этом нет ничего невозможного: бывали случаи, когда удары «сухих» молний становились причиной случайных пожаров. Но есть и другое, более вероятное объяснение.

Нейзгани.

Что бы ни случилось здесь, но убийство такого огромного числа людей не могло не привлечь его внимания. Он исчез из моей жизни на девять месяцев, но это не значит, что он прекратил охотиться на чудовищ. Возможно, он занимался этим без меня.

Я давлю в себе внезапный приступ паники. Я не готова пока встретиться с ним лицом к лицу. И, возможно, никогда не буду готова. Но, с другой стороны, ничего на свете я не хочу больше, чем встречи с ним. Я вытираю внезапно вспотевшие руки о штаны и говорю себе, что все будет хорошо. Хотя и понимаю, что это ложь.

Наш последний день, проведенный вместе, выдался ярким и холодным. Январь на Черном Плато. Мы разбили лагерь в мрачной тени Дзилижиин — самой Черной Горы — характерного насыпного холма из черного шлама от заброшенной угольной шахты, расположенной всего в нескольких милях к северу.

Старая шахта терзает Черное Плато, как всякий

призрак. Когда-то эта часть резервации процветала. Здесь были рабочие места, сюда шли арендные платежи и лицензионные отчисления. Но вместе с большими деньгами появились жуликоватые адвокаты, двурушничество, насильственное перемещение жителей, загрязнение воды, рак.

Знание об этом беспокоит меня, подталкивает мои чудовищные инстинкты, заставляет поднять силу кланов на поверхность, будто жизнь моя в опасности только оттого, что я нахожусь здесь. По спине пробегает дрожь, не имеющая никакого отношения к минусовой температуре. Уродство, болезни, потери, несчастья — все это по-прежнему живет тут, несмотря на то что люди уже сбежали. Они окрашивают черные пласты земли в нечто более темное и смертоносное, чем просто необработанный уголь.

Нейзгани чувствует то же самое. Он беспокойно расхаживает вокруг маленького костра, который я развела, чтобы немного разогнать зимний холод. Его кремниевые доспехи ярко блестят в зимнем свете. Его прекрасные мокасины оставляют небольшие трещинки на сковавшей землю корке льда. Этот тонкий серебристый ледяной слой мог показаться даже красивым, если бы к теперешнему моменту я уже не отморозила

себе всю задницу. Я сутулюсь и жмусь поближе к огню. Мы сидим здесь почти час, а он все ходит и смотрит в сторону заброшенной шахты. А я все жду, когда он заговорит.

В его молчании нет ничего необычного. Мы часто молчим целыми днями. Но обычно это знакомая тишина — общий умиротворяющий покой. Но сегодня утром я почувствовала между нами некоторое отчуждение. Так бывает между мужчиной и женщиной. Между бессмертным и пятипалой. Между героем легенд и мною — непонятно кем. Не знаю, клянет ли он меня как человека за то, что стало с Черным Плато, или думает о чем-то своем — не имеющем ко мне никакого отношения. Но сейчас я чувствую себя абсолютно одинокой — несмотря на то что он стоит в нескольких футах.

— Что будем делать? — спрашиваю я уже не в первый раз. Голос мой дрожит, но не от холода и даже не от беспокойства, вызванного его странной сдержанностью.

Это от волнения. Мне не терпится поохотиться.

Он проигнорировал четыре моих первых вопроса, но в этот раз оглянулся со слегка потемневшим лицом. Его явно обуревают какие-то эмоции.

— Это место как болезнь, — говорит он.

— Мне тут тоже не особо нравится, — отвечаю я, плотнее закутываясь в пальто и протягивая руки к огню. — Но ведь это ты сказал, что мы должны сюда прийти. Что были сообщения о монстрах возле шахты.

— О Плохих Людях, — поправляет он меня, и лицо его суровеет еще больше.

«Плохие Люди» — это юридический термин. Он употребляется со времен договора, который дает нам право охотиться на монстров, людей и прочих существ так, чтобы в случае чьей-то внезапной смерти не стало припекать между булками у представителей закона. Мне не совсем ясно, зачем эти юридические заморочки нужны теперь — когда не стало уже самих Соединенных Штатов. Тем более что и тогда федералы не особо соблюдали свою часть договора. Но термин тем не менее прижился — несмотря на то что кажется немного глупым беспокоиться, как называть того, кого собираешься убить.

— Они еще люди, — поясняет он голосом, гремящим как раскат грома, — все еще пятипалые. Называть их монстрами — неправильно.

— Не понимаю, какое имеет значение то, как мы их назовем. Мертвый есть мертвый.

По-моему, требование не называть их монстра-

ми — это уже придирки. В конце концов, бывает и множество вполне человеческих монстров — извращенных и злых, как сверхъестественные существа.

Он поворачивается передо мной, полностью загородив широкими плечами вид на гору и заполнив все пространство между нами.

— Слова имеют значение, — говорит он внятно. — Имя, которое ты даешь вещам, формирует их в момент произнесения. Со словами следует обращаться очень аккуратно. — Он пристально смотрит на меня темными глазами, и я вдруг начинаю беспокоиться, не зашла ли слишком далеко.

— Не следовало мне это говорить, — раскаиваюсь я.

Он бормочет что-то невнятное. Упрек обжигает, и я съеживаюсь от его осуждения. Я знаю, что он хочет меня научить быть хорошей *дине*, но мне кажется, это пустая трата времени. Мы оба знаем, зачем Нейзгани держит меня при себе. Я прирожденная убийца, и, несмотря на то что он постоянно пытается наставить меня на путь истинный, Нейзгани ни в коем случае не возражает против моей кровожадности, когда она ему нужна. Может, я и ужасная ученица, но он не

может не согласиться, что я прекрасно выполняю свою работу.

Наконец он чувствует какое-то изменение то ли в наклоне солнца, то ли в запахе воздуха. Что-то такое, что подсказывает ему: пора двигаться. Я торопливо тушу огонь и, наклонившись, начинаю собирать наши припасы.

— Не надо, — кратко говорит он.

Это несколько отличается от нашей обычной походной рутины, но я не спорю. Для меня это не имеет никакого значения. Честно говоря, чем скорее мы отправимся, тем лучше. С удовольствием оставлю лагерь так, как есть.

Мы быстро пробегаем по открытой местности к шахте. Они сидят там, где и ожидалось. Судя по бледности кожи, я полагаю, что это беженцы, пробравшиеся через Стену с целью покражи всего, что подойдет для их подлых целей. Я бросаюсь вперед, желая напомнить Нейзгани, для чего он меня спасал. Один из этих людей поднимает пистолет и направляет его на меня. Я смеюсь, и *К'ааханаании* выводит песню смерти, усиливающуюся до полноголосой панихиды. Я бью по пистолету в его руке, и он отлетает в сторону, вращаясь, как бумеранг. Человек хрипит и пытается ударить меня кулаком. За такой нехороший

поступок Böker отсекает ему руку начисто. Крутнувшись на месте, я рассекаю его горло так же неумолимо, как поток воды, прорезающий скальное основание плато. Капли крови взметаются в воздух подобно дождю, и там, где они падают, черные угольные пятна становятся еще чернее.

Второй человек бросается на меня, замахнувшись штыковой лопатой. Я пригибаюсь, легко просачиваюсь ему под руку и вонзаю нож в живот, после чего распарываю и вываливаю к своим ногам его внутренности. Должно быть, это ужасно, но я не могу стереть с лица улыбку. Мне хочется смеяться.

Один за другим они подбегают ко мне с оружием, и одного за другим я их кладу на землю. Атакующие наконец заканчиваются, и теперь можно передохнуть. Голова кружится, я задыхаюсь, стоя в окружении мертвецов.

Я наклоняюсь и упираюсь руками в колени, чтобы отдышаться. Берусь за край куртки одного из мертвых и стираю кровь с лезвия ножа.

— Видишь… — говорю я Нейзгани немного высоким взволнованным голосом. Я прочищаю горло, пытаясь сдержать рвущуюся из меня ужасную радость. — Видишь, неважно, как их называть. Все равно умирают они одинаково.

Он стоит и смотрит на меня. Ему вообще не довелось поучаствовать в битве. Молниеносный меч висит нетронутым в ножнах за спиной, броня безупречно чистая. Пустые руки висят свободно по бокам.

Смешавшись под его взглядом, я забываю про те слова, которые хотела произнести дальше. Пульс ускоряется — начинает биться быстрее, чем это можно было бы объяснить адреналином. Пропасть между нами увеличивается. Я сглатываю, внезапно осознав, что стою на краю бездны, которую раньше по глупости не замечала.

— Зло — это болезнь, — говорит он мне.

На следующее утро он ушел. Я ждала в нашем лагере на Черном Плато. Неделю. Две. Я боялась, что если уйду, то он не сможет меня найти. Или, если оставлю лагерь, это станет плохим предзнаменованием, означающим, что я не смогу больше вернуться. Но я всего лишь пятипалая, в конце концов, и моему телу нужна пища. А также вода. И тепло.

Я продержалась месяц, спала на каменистой земле, ела то, что осталось от пайков Плохих Людей, и собирала утреннюю росу, чтобы напиться, прежде чем решилась признаться себе, что он не вернется. Через неделю я доковыляла

до Тсэ-Бонито — в изношенных мокасинах, с ногами, стертыми до крови, и почти полностью обезвоженная. Там я попросила дедушку Таха о помощи. *«Мне некуда больше идти»*, — прошептала я потрескавшимися губами, и Тах стал уверять, что я желанный гость. Но я не знала, как справиться со стыдом и смятением, поэтому, как бы ни был знахарь добр ко мне, ушла от него сразу, как только восстановились силы.

Я нашла трейлер и грузовик. Пыталась работать с местными наемниками, но они предпочитали ловить живых людей и немедленно отказывались иметь со мной дело, как только узнавали, кто я. Так что я стала сидеть в своем трейлере и смотреть на стены — день за днем. Месяц за месяцем. До тех пор, пока ко мне не нагрянул с визитом мальчик из Лукачикая.

А теперь я в Краун-Пойнте. Я смотрю на камни, обожженные молнией, и не понимаю ничего, кроме того, что очень хочу вернуться назад и исправить то, что заставило Нейзгани со мной порвать.

Глава 10

— Нашел что-нибудь? — спросила я, вернувшись в библиотеку.

Кай удобно расположился за одним из длинных деревянных столов. Перед ним была разложена дюжина дисков, и к каждому приклеены маленькие белые этикетки. Кай делает пометки на полях вырванной из журнала страницы и слушает CD-плеер. Из динамика доносится пронзительный женский голос, говорящий в основном на языке навахо с редкими вкраплениями английских фраз. Я присаживаюсь на ближайший стул и наклоняюсь, чтобы послушать.

— О, я знаю эту историю, — говорю я.

Кай отрывается от своих записей. Я удивлена не меньше его, но эта легенда мне знакома, я уже слышала ее раньше. Она повествует о Койоте и Черном Боге *Хаащ'еешжини*. Когда-то оба этих плута были лучшими друзьями и однажды получили задание расставить звезды в небе по местам. *Хаащ'еешжини*, Хранитель Огня, разработал подробный план того, где и какая должна располагаться звезда, и собрался действовать ме-

тодично и по порядку. Но Койоту план показался скучным, и он одним небрежным взмахом одеяла разбросал звезды по небу.

Женский голос замолкает как раз в тот момент, когда Койот уходит за одеялом, и на проигрывателе начинает яростно моргать маленькая красная лампочка. Кай нажимает кнопку «стоп».

— Аккумуляторы, — говорит он, качая головой. — Впрочем, я даже удивлен, что из этой штуки удалось выжать столько полезного. Сколько лет он тут стоял?

— Зарядника нет?

— В коробке нет. Но даже если бы нашелся — здесь нет электричества.

Я начинаю размышлять, кусая себя за внутреннюю сторону щеки.

— Эта легенда тебе что-нибудь подсказывает?

— Ты услышала часть про огонь?

— Ту, в которой *Хаащ'еешжини* поделился огнем с пятипалыми? Или когда он зажег звезды?

— Это просто мысль, но… — Кай замолкает, постукивая кончиком карандаша по столу.

— Какая мысль? — подбадриваю я его.

— Не знаю. Я вспомнил про тот пожар. Может, оно как-то связано. А может, и нет. Хотелось бы послушать остальное. — Он проводит рукой по

дискам на столе. — Поискать, не найдется ли что-нибудь еще.

Я втягиваю в себя воздух, но колеблюсь с тем, что хочу сказать. Кай смотрит на меня в ожидании.

— Мой трейлер недалеко отсюда, — говорю я ему, — за перевалом. На пару часов ближе, чем Тах. Почему бы нам не поехать туда? Кажется, у меня завалялись батарейки где-то, а если нет, то вернемся в Тсэ-Бонито утром. Наверняка где-нибудь на рынке можно купить зарядник, который подойдет к этой штуке.

Он кивает:

— Вполне толковый план, Мэгз.

— Жаль, что Краун-Пойнт оказался бесполезен.

— Ну не совсем. Теперь мы знаем кое-что о существовании объекта, способного зажечь звезды. А если он может зажечь звезды, то, возможно, как-то связан с тем, что мы ищем. Здесь может находиться ключ к разгадке. А ты нашла что-нибудь?

— Ничего, — отвечаю я, еще не готовая делиться своей гипотезой о Нейзгани.

— Нет догадок, от чего могли образоваться те следы огня на стенах библиотеки?

На мгновение мне кажется, что он сейчас дога-

дается о том, что я кое-что скрываю, но на лице его одно дружелюбие и ни грамма подозрительности.

— Нет.

— Что ж, еще есть шанс найти информацию на CD, — говорит он и начинает складывать диски и проигрыватель в просторную сумку, украшенную логотипом технического колледжа.

— Хорошая штука, — замечаю я.

Он поднимает парусиновую сумку и осматривает со всех сторон.

— Там за стойкой целая гора таких. Хочешь?

— Спасибо, воздержусь.

— А я подумываю, не прихватить ли еще одну для *аччея*.

— Непременно. Мы приехали в Краун-Пойнт, увидели кучу мертвых тел, узнали о поджигателе звезд, но все, что сумели раздобыть, — только паршивые сумки.

Он смеется. Обычно над моими плоскими шутками не смеется никто и никогда, поэтому против воли я краснею от удовольствия. Перекинув ручки сумки через плечо, он направляется к выходу. Я иду следом. Гляжу, как он бросает последний скорбный взгляд на заброшенную библиотеку и распахивает двойную дверь.

В следующую секунду он замирает. Судорожно втягивает воздух и хватается за дверь пальцами с побелевшими костяшками.

— В чем дело? — спрашиваю я, мгновенно насторожившись. Быстро достаю дробовик из заплечной кобуры и быстро подхожу к нему, используя стену в качестве укрытия. Он стоит не двигаясь, и я опускаюсь на одно колено, чтобы заглянуть за угол, но все, что вижу, — только пандус для инвалидных колясок и пустую парковку с моим одиноко стоящим грузовичком. — Кай?

Он поворачивает ко мне совершенно посеревшее лицо. Шепчет слово, которое я не в силах расслышать. Я придвигаюсь к нему поближе, и он повторяет:

— Призраки.

— Много? — спрашиваю я кратко.

— Десятки, — отвечает Кай. — Или больше. Они обступили весь грузовик.

— Ладно, — говорю я и принимаюсь думать. Пытаюсь вспомнить, что говорил Нейзгани о борьбе с *ч'йидии*. Изо всех сил стараюсь забыть о фатальности «призрачной» болезни. Потому что если я буду думать об этом слишком много, то рискую полностью потерять контроль. Драться с плотью и кровью — это одно, но бороться с болез-

нью, которая убивает тебя изнутри, — в этом я не очень сильна.

— У тебя с собой патроны, которые я тебе дала?

Кай медленно отлепляется от двери. Затем лезет в карман и вытаскивает из него два патрона. Рука его дрожит. Он делает глубокий вдох, пытаясь себя успокоить. У меня два патрона в дробовике и еще четыре в патронташе на ремне. Восьми зарядов должно хватить, чтобы прорваться к машине.

Я вынимаю обсидиановый метательный нож из мокасинных ножен, забираю у Кая патроны и ковыряю острием ножа край одной из гильз, пока не вытаскиваю из нее картонный пыж.

— Руки. — Кай протягивает руки, и я высыпаю обсидиановую дробь ему на ладонь. Следом вываливается слегка слежавшаяся кукурузная пыльца и оседает на его коже.

Я повторяю процедуру с остальными патронами, пока в руках у Кая не образуется кучка из обсидиана и муки. Половину кучки я забираю себе.

— Ладно, слушай меня внимательно, — говорю я. — Сейчас мы пойдем к грузовику. Я их не вижу, поэтому вести придется тебе. Я буду идти следом, так что держи путь свободным. Твоя

задача — продвигаться вперед. Если кто-то подберется слишком близко, бросай заряд прямо в них. Пыльца должна пригвождать их к месту, а обсидиан — причинять боль. Если нам повезет — они уйдут.

— А если не повезет? — спрашивает он.

Мой голос немного дрожит, и я понимаю, что нахожусь во взвинченном состоянии. Адреналин уже потек по венам. Я уже готова к драке — даже с невидимым противником.

— Если кто-то из нас подойдет к ним слишком близко, то «призрачной» болезни не миновать. Поэтому про невезение я даже думать не хочу.

Кай моргает, и я замечаю, что насыщенный карий цвет его глаз побледнел по краям, а темные круги вокруг радужек стали ртутного цвета. По плечам пробегает дрожь, не имеющая никакого отношения к *ч'йидии*. Но сейчас не время об этом думать. Нужно выбираться отсюда. И Кай, в конце концов, на моей стороне.

— Ну ладно, ты готов? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Сделаю все возможное, чтобы призраки тебя не тронули.

Я толкаю дверь, и мы выходим наружу.

Может, я не вижу *ч'йидии*, но чувствую нутром

нарастающую печаль. От нее хочется выть и оплакивать всех и все, что я когда-либо теряла: *нали*, родителей, Нейзгани. Даже куклу-лошадку, которая была у меня в десять лет. Чувства наваливаются быстро и яростно, угрожая полностью поглотить. В горле поднимаются рыдания, но я проглатываю их прежде, чем им удается вырваться наружу. Кай низко и печально стонет, и я понимаю, что его, должно быть, мучают его собственные воспоминания о потерях. Я вздрагиваю и заставляю себя двигаться вперед.

Кай уверенно направляется к грузовичку, разбрасывая по широкой дуге заряды, вынутые из патронов. Я осторожно иду по его следам, раскидывая смесь обсидиана и пыльцы сбоку и позади себя. Когда он резко останавливается, приготовившись бросить очередную горсть в пустое пространство перед собой, я вскрикиваю от неожиданности. Он оглядывается, но я киваю ему и толкаю вперед. Мы продолжаем идти, пока не упираемся в пассажирскую дверь.

Я распахиваю дверь, готовая кинуть внутрь горсть заряда, если понадобится.

— В грузовике никого, верно? — спрашиваю я у Кая, уже зная ответ. Я больше не чувствую их. Калечащая печаль исчезла, словно ее никогда

не было.

Он морщит лоб, будто я сказала что-то смешное.

— Все чисто. Большинство разлетелось уже после первой горсти.

— А ты не мог сказать раньше? — ворчу я, переползая с пассажирского сиденья на водительское.

Он садится рядом и снимает сумку с плеча — осторожно, чтобы не рассыпать смесь. Я лезу в карман и вытаскиваю одну из пустых гильз. Кай складывает ладони лодочкой и высыпает остатки обратно в патрон.

— Неплохо получилось, — говорит он, и уголок его рта слегка приподнимается. — На самом деле это было даже забавно.

Я вздрагиваю. «Забавно» — последнее слово, которое я бы использовала для описания пережитых чувств. Я завожу двигатель, не утруждая себя комментариями.

— Ну что, хороший я напарник? — спрашивает Кай.

Я вывожу грузовичок со стоянки на дорогу. Направившись к западным горам, выезжаю из Краун-Пойнта. Хорошее настроение Кая улетучивается, как только он видит заброшенные

дома и тела вдоль дороги — всю ту печальную реальность, заставившую *ч'йидии* заглянуть нам в лицо. Ощущение глубокой неизбывной тоски не покидает нас, даже несмотря на то, что мы находимся в полной безопасности внутри машины. Лицо Нейзгани непроизвольно выплывает из глубин моей памяти, и я включаю радио в надежде отвлечься. Но по всей Дините играет единственная песня Пэтси Клайн[44] — да и та разваливается на куски.

На полпути через Нарбонский перевал я поворачиваюсь к Каю:

— Что с твоими глазами?

Он моргает, будто не расслышав. Но я знаю, что он прекрасно все слышал. Просто тянет время, чтобы придумать ответ.

— В каком смысле? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Когда ты сказал, что увидел *ч'йидии*, твои глаза стали серебряными. То же самое случилось, когда мы остановились перед следами койота.

— Не понимаю, о чем ты.

— Все ты, черт побери, понимаешь!

---

[44] Примечания: 44

Пэтси Клайн (1932–1963) — американская певица, одна из величайших вокалисток в истории музыки кантри.

Он театрально округляет глаза и поворачивает ко мне свое красивое лицо.

— Я всегда был уверен, что глаза у меня карие. — Он прав. Глаза снова стали карими с красновато-золотым оттенком — до смешного привлекательными, но совершенно обыкновенными. Кай ободряюще улыбается. — Просто игра света, отразившегося от журналов. Думаю, я бы заметил, если бы мои глаза становились серебряными.

Может, и так. Скорее всего, именно так. По крайней мере, это гораздо вероятней, чем изменение цвета зрачков Кая, но… ведь он в самом деле видит *ч'йидии*, в то время как я на это не способна. Сначала я решила, что это связано с его обучением медицине, но теперь задаюсь вопросом: нет ли в этом чего-то большего? Такого, о чем я обязательно должна знать?

— У тебя не должно быть секретов от меня, Кай. Напарники ничего друг от друга не скрывают.

Он оживляется:

— Ага! Значит, мы теперь напарники?

— Я не то име… — начинаю я и вдруг резко обрываюсь на полуслове.

Вечернее небо пронзает вспышка молнии. Мы наблюдаем, как она ударяет в землю где-то на

западе. Как раз там, куда мы едем. Вскоре до нас докатывается гром. Мы оба моргаем от легкого ослепления.

— Ого, довольно близко… — замечает Кай.

Я бы сказала, в дюжине миль от нас. Не могу удержаться от глупого порыва: смотрю в небо и ищу там грозовую тучу, свидетельствующую о том, что дождь неизбежен и увиденная молния была естественным явлением. Но тучи, понятно, нет, как нет и каких-либо намеков на дождь, и мое сердце начинает колотиться от страха. О глазах Кая я уже не думаю.

— Молния посреди ясного неба, — изрекает Кай, — странно.

— Ага, очень странно, — соглашаюсь я, но на самом деле думаю иное.

Молния без облака, попавшая в поле зрения, может означать только одно: туда пожаловали гости.

Глава 11

— Заходим внутрь? — спрашивает Кай.

— Хмм?

Я не отрываю взгляда от своего трейлера, ожидая непонятно чего — какого-нибудь знака, который подскажет мне, в чем тут дело. Мы подъехали добрых десять минут назад, но я все еще сижу на водительском сиденье и не решаюсь выйти.

— Внутрь. Это же твой дом, верно?

— Да, но туда кто-то проник.

Он поворачивает голову и оглядывает пустую подъездную дорогу.

— Откуда ты знаешь?

— Молния… Ты сейчас что-нибудь слышишь?

— Абсолютно ничего.

— Вот именно. — Я вытираю руки о штаны, пытаясь успокоиться. — У меня есть собаки. Три. Дворняжки, которые ничего не боятся. И сейчас я их не вижу, а главное — не слышу…

И вот он, знак! Отдернулась занавеска. На краткий миг в окне мелькает лицо, затем занавеска падает.

Я выдыхаю, испытывая нечто среднее между облегчением и разочарованием. Я узнала это лицо. На какой-то миг я подумала, что вернулся Нейзгани, и стала переживать о том, как будет выглядеть воссоединение, но теперь причин для беспокойства нет. В окне мелькнул не Нейзгани.

— Подожди здесь, — говорю я Каю. — Достань пока дробовик из кузова. Если я не выйду через пятнадцать минут, заходи внутрь с оружием. Я не прошу ни в кого стрелять, просто постарайся выглядеть грозно. Со мной, скорее всего, ничего не случится.

— Скорее всего?

— Ага. Вероятно, он пришел поговорить, но мне не хотелось бы оставаться с ним наедине.

Кай смотрит на окна моего односпального трейлера. Лицо его сделалось задумчивым и нервным. Мой гость больше не подходит к окну, но я чувствую, как вокруг нас сгущается воздух. Страх становится таким тяжелым, что я начинаю нервничать.

— Если он не причинит тебе вреда, зачем мне врываться, размахивая дробовиком? — шепчет Кай, несмотря на то что в грузовичке мы одни.

Я киваю и шепчу в ответ:

— Иногда важно произвести хорошее первое

впечатление.

Он недоверчиво смотрит на меня:

— С дробовиком? Кто он такой, черт возьми?

Я уверена, что первый вопрос риторический, поэтому, как могу, отвечаю на второй:

— Старый «заклятый друг». Его навахское имя — Ма'йи[45]. Возможно, ты знаешь его как Койота.

Я открываю дверь грузовичка и выхожу. С приближением вечера горная пустыня наконец начала остывать. В воздухе витает слабый запах озона, оставшийся от молнии, с помощью которой мой гость осуществил транспортацию. Сверхъестественное приводит мои чувства в состояние крайнего возбуждения. Животные инстинкты криком кричат о том, что мне не следует входить в дом. Что внутри находится нечто, способное нанести вред. Но эти инстинкты работают не совсем правильно. Они не раз спасали меня во время общения с *бикъэайе'йи*, но в этот раз я их не слушаю. Койот пришел с визитом, и я хочу знать почему.

Я давлю в себе желание убежать и делаю несколько шагов по грязной дорожке к входной

---

[45] Примечания: 45
Койот (*íàâàō.*).

лестнице. Затем преодолеваю ее одним прыжком и распахиваю дверь.

Глава 12

Впервые Койот появился еще до Большой Воды, когда мне было четырнадцать лет. Тогда еще работали телевизоры, и в них постоянно рассуждали о таянии полярных льдов, порождающем шторма, свирепствующие от Флориды до штата Мэн. Но те прежние наводнения на Восточном побережье и даже ураган Сэнди теперь казались не более чем небольшими летними ливнями. В первый раз Койот пришел в мой сон. Понадобился еще год, в течение которого я потеряла не только всю семью, но и место в жизни и даже саму себя, прежде чем он появился физически.

Но крепче всего запомнился именно тот первый раз, когда Койот-во-сне посетил меня — до того, как я проснулась в кошмарном мире Большой Воды.

Он носил элегантный «джентльменский» костюм времен Старого Запада. Белая рубашка со стоячим воротником была заправлена в брюки вызывающего цвета — в малиново-оливково-золотистую полоску. Поверх рубашки надет двубортный жилет из темно-красного бархата.

Под воротником — золотая полоска шелкового галстука, расшитая нежно-розовой нитью. На цепочке в жилетном кармане висели золотые часы, а на плечи было наброшено пальто верблюжьего цвета с толстым серым меховым воротником. Когда он шел, пальто развевалось вокруг него, как мантия короля-разбойника. В руках он держал гравированную трость красного дерева с золотой рукоятью и приветствовал меня широкой насмешливой улыбкой и легким прикосновением к верху шляпы-цилиндра. Вылитый джентльмен-негодяй из какого-нибудь древнего голливудского фильма.

Теперь я думаю, что он находил в этом некое извращенное удовольствие. Существо, способное менять облик так же легко, как люди меняют одежду, не случайно оделось в белокожего денди с фронтира, навещая девочку навахо. Выбранный образ, конечно, был великолепен, но и неуловимо жесток. Я знала истории о «Долгом Пути», о двуличных земельных агентах и франтоватых аферистах. Одевшись так, он явно намеренно напоминал мне о них.

Мы сидели вместе в стране снов и потягивали виски из китайских фарфоровых чашечек. Щекочущей горло жидкости детское воображение

придавало карамельный вкус, но тепло в животе и слегка расплывчатое ощущение происходящего были достаточно реальны. Вытянув ноги перед весело трещавшим костром, он рассказывал мне страшные истории.

О том, как давным-давно, в мире, в котором я еще не родилась, птицы выклевали и сожрали его глаза. О том, как бобры били его тело своими длинными плоскими хвостами до тех пор, пока оно целиком не превратилось в линялый кожаный мешок с раздробленными костями и раздавленными внутренностями. О том, что он чувствовал, когда пальцы на руках и ногах — которые теперь превратились в крючковатые сияющие когти — дробились один за другим, потом отрастали и снова дробились.

Я дрожала в своей пижаме — напуганная так, как может быть напуган только тот, кто спит и не может проснуться. От страха я не могла ни говорить, ни двигаться. Я пыталась его не слушать, даже закрывала уши руками, но он, казалось, ничего не замечал. А если и замечал, то ему было все равно.

Наконец, когда на далеком горизонте появились первые намеки на восход солнца, он, кажется, устал от своих рассказов.

— Пора идти, — сказал он, бросив взгляд на карманные часы, после чего водрузил на голову шляпу-цилиндр. Затем встал и, театрально зевнув, потянулся всем своим тощим телом. — Мне очень понравилась наша беседа, Магдалена. А тебе?

Мои глаза были круглыми от ужаса. Я одновременно боялась, что он оставит меня одну в темноте и что никогда не уйдет.

— Мы станем друзьями, — успокаивающе сказал он, одарив меня тончайшей улыбкой. — Ты согласна?

Он пристально смотрел на меня, взглядом требуя ответа, и мне пришлось кивнуть. Казалось, его это обрадовало. Он даже похлопал меня по колену, случайно распоров кожу когтем до крови. Затем перевел на мое лицо взгляд тусклых медных глаз и сквозь вой, заставивший меня снова зажать уши руками, оставил последнее предупреждение. Или угрозу, я до сих пор не знаю:

— Приготовься, Магдалена. Монстры идут.

То же самое существо, напоминающее в основном человека и одетое в тот же диковинный костюм эпохи Дикого Запада, теперь сидит в моем любимом кресле в гостиной и пьет чай.

— Магдалена, дорогая, неужели это все, что у

тебя есть? Только чай?

— Здравствуй, Ма'йи, — приветствую я его. Он единственный человек (или нечеловек?), который зовет меня этим именем. Но я уже знаю, что поправлять его бессмысленно.

— Да, *я'ат'ээх*[46], доброе утро или, вернее, вечер. А ты не могла бы… — Он проводит рукой вокруг чашки, затем машет ею мне. Длинные серые когти сверкают лунным светом.

Я вздыхаю и прислоняюсь к стене.

— У меня в машине есть кофе и сахар.

Ма'йи оживляется, поводит плечами и расправляет пальто.

— Великолепно! Я не слишком обременю? Когда пойдешь туда, заодно пригласи к нам красивого мужчину, сидящего в твоей моторной повозке. Пусть зайдет в дом.

Я морщусь. Он заметил Кая. Ну конечно, заметил. Но я не собираюсь звать его, пока не пойму, что задумал Койот.

Я возвращаюсь к грузовичку, чтобы забрать банку кофе и сахар. Кай смотрит на меня через окно двери широко раскрытыми от любопытства глазами. Я качаю головой и говорю:

---

[46] Примечания: 46
Привет (*íàâàõ.*).

— Пятнадцать минут.

Затем бросаю взгляд на заходящее солнце. Не уверена, что это хорошая идея — оставлять Кая снаружи одного в темноте, но и заводить в дом, где сидит великий пройдоха, — тоже ничего хорошего. Опасность известная и опасность неизвестная. Непонятно, что из них легче. Надеюсь, до плохого не дойдет. А еще я знаю, как можно разговорить Койота.

Я вхожу в дверь и иду через маленькую гостиную, мимо маленькой ванной в такую же маленькую кухню. Койот остается на месте. Только ставит чашку на стол возле локтя и обхватывает длинными пальцами рукоять трости. И начинает раздраженно постукивать гротескными когтями по дереву.

— Почему ты не привела своего друга? — спрашивает он за моей спиной.

— Он мне не друг, — отвечаю я из кухни. — Он гость на одну ночь, и чем меньше ты будешь общаться с ним, тем лучше.

— Ты могла бы, по крайней мере, представить нас друг другу. Что в этом плохого?

— И не подумаю, пока не узнаю, что ты задумал, Ма'йи.

— Ого! После стольких лет, Магдалена, ты все

еще не доверяешь мне?

Кажется, он не обиделся. Во всяком случае, голос у него веселый.

Койот уже вскипятил воду в моей единственной кастрюле, так что приготовление кофе не вызывает затруднений. Я кидаю молотые зерна в кипяток и даю кофе настояться, прежде чем разливаю по чашкам. Медлю мгновение, но все-таки бросаю добрую чайную ложку сахара в чашку Ма'йи. После этого присоединяюсь к нему в гостиной.

Комната меньше пятнадцати футов[47] по диагонали, и все, что я сумела вместить в это пространство, — только продавленный диванчик и два кресла из разных наборов, расставленные вокруг импровизированного фанерного кофейного столика, застеленного куском тонкой узорчатой ткани. По задумке яркий рисунок должен создавать веселое настроение, но даже мне приходится признать, что ему это удается плохо. Но, по крайней мере, скатерть сочетается по цвету с самодельными занавесками, которые я повесила на окна — как свидетельство моей единственной попытки создания домашнего

[47] Примечания: 47
Примерно 4,5 метра.

уюта за те несколько месяцев, в течение которых я скрывалась в своем трейлере. По правде говоря, мне больше нравится находиться в дороге, чем проводить время у себя дома. Пребывание здесь напоминает мне о дезертирстве Нейзгани. Лучше уж постоянно оставаться занятой где-нибудь в других местах.

Я сажусь напротив Койота во второе кресло, спиной ко входу, ни на секунду не забывая о том, что скоро сюда ворвется Кай с дробовиком. В этот момент я хочу оказаться к нему как можно ближе.

Сделав глоток, Койот расплывается в улыбке.

— Кофе великолепен, Магдалена. Надеюсь, ты сварила достаточно, чтобы выпить вторую чашку.

— У тебя не хватит времени на вторую чашку.

Его улыбка тускнеет, и на мгновение мне кажется, что я вижу встряхивание длинного волчьего уха за его человеческим фасадом.

— Как грубо!

— Зачем ты пришел, Ма'йи?

— Расскажи о красавце, которого ты прячешь в грузовике. Кто он такой? Это твой новый любовник? — Он многозначительно округляет глаза и проводит языком с толстыми венами по тонким

губам.

— Нет.

— Слишком юн для тебя? — спрашивает он. — Но ведь это неплохо, не так ли? Молодой и горячий. Возможно, молодым любовникам не хватает мастерства, но они компенсируют этот недостаток энтузиазмом.

— Ма'йи, — прерываю я его с неодобрением.

— Когда-то у меня была молодая любовница, — продолжает разглагольствовать он, игнорируя мое замечание. — Девочка в звенящем платье[48] из Мэни-Фармз[49]. Правда, она больше напоминала плещущуюся рыбку, чем женщину, но была полна восхитительной пылкости.

Я потираю виски. Не люблю выслушивать истории Койота о его сексуальных похождениях.

— Впрочем, нет. Мальчиков своего возраста ты не любишь. Ты предпочитаешь… О, я неплохо разбираюсь в твоих предпочтениях: ты любишь больших, крепких мускулистых воинов. Бес-

---

[48] Примечания: 48

Jingledress (*àíãë.*) — национальный костюм индейских женщин для исполнения ритуального танца. Украшается сложным орнаментом, который включает в себя несколько рядов металлических конусов, создающих звенящий звук.

[49] Примечания: 49

Many Farms (*àíãë.,* букв. «Многие фермы») — поселок в восточной Аризоне, населенный индейцами навахо.

смертных. Да, они тебе больше по вкусу. — Он с чувством произносит последние слова и бросает на меня хитрый взгляд, пытаясь уловить реакцию. Я спокойно смотрю на него, не дрогнув ни единым мускулом.

— Наайее Нейзгани, — говорит он, не отрывая от меня взгляда, — Убийца Чудовищ! Великолепный мужчина! Воистину герой, сотканный из палящего солнца и редкой красоты. Какое счастье — стать его любовницей. Рядом с таким человеком загрустил бы даже твой красивый друг.

— Мы с Нейзгани не были любовниками.

— Никогда? За все эти годы ни разу? Ни поцелуя? Ни случайного прикосновения? Ни одной холодной ночи на охоте, проведенной под одним одеялом? О, Магдалена! Это ужасно — лгать мне, но еще хуже лгать самой себе.

— Я понимаю, чего ты хочешь добиться.

— Но и ты хотела бы того же. Такая сломленная, такая одинокая после той неприятности, которая убила твою бабушку и оставила тебя совершенно… хм… выеденной, не так ли?

— Перестань, Ма'йи, — прошу я. Голос мой низкий и тихий, но я не могу до конца скрыть дрожь.

— Вполне естественно, что ты влюбилась в спа-

сителя, который стал потом твоим наставником. Вполне естественно, что он нашел нечто достойное там, где другие увидели бы только жалкую сломленную маленькую девочку. — Он наклоняется вперед, не сводя с меня глаз. — Если вы в самом деле не были любовниками, то до чего, должно быть, тебя сводила с ума похоть! Сколько ночей ты провела в постели, робко прикасаясь к себе и думая о нем? Смущенная влажностью под пальцами и тесной податливостью своей…

— Хватит! — Угроза в моем голосе вполне осязаема. Еще немного, и я потеряю контроль. Он слишком близко подобрался к запретной черте. И почти ее пересек.

Ма'йи смотрит на меня, взвешивая мой гнев, затем расслабленно откидывается назад.

— Ну в самом деле, Магдалена, — продолжает он, стряхивая с бархатного жилета воображаемую пылинку, — неужели ты ожидала, что от общения с ним что-нибудь останется? Любовь? Законный брак, может быть? Маленькие монстрики-спиногрызы?

Мои щеки пылают под его безжалостным взглядом. Я знаю, что он просто ищет мое слабое место в надежде, что я сломаюсь. Койоту свойственно быть безжалостным, и я стараюсь не принимать

это на свой счет. Но мне уже очень трудно сдерживаться, чтобы не разбить его рот своим кулаком.

Я медленно выдыхаю, заставляя себя расслабиться. Напоминаю себе, что его слова ничего не значат. Койот может копать сколько угодно, но сейчас меня с Нейзгани не объединяет вообще ничего.

Тем не менее мое терпение к небрежной жестокости Ма'йи начинает иссякать.

— Что тебе нужно, Ма'йи? — спрашиваю я бесстрастным голосом. — Что тебе нужно? Что тебе нужно? Что тебе нужно?

Он выпрямляется с оскорбленным видом. Четырехкратный вопрос принуждает пройдоху к ответу.

— Как грубо! Неужели это было так необходимо? Нам и без того есть о чем поговорить.

— Только не о Нейзгани!

Он хмуро смотрит на меня.

Я жду.

Койот пытается хранить молчание, но его челюсть протестующе дергается под влиянием моего приказа, и он наконец сдается.

— Розыск! — рычит он, явно взбешенный. — Мне нужно, чтобы ты мне кое-что принесла. Ты же занимаешься розыском всякого? — Он спле-

вывает. — Мертвых девочек? Отрезанных голов?

По моей спине словно пробегают холодные пальцы.

— Откуда ты знаешь…

— Я знаю все. Я Койот, — отвечает он. — Так ты сделаешь это для меня? Да?

— Ты еще не сказал мне, о чем идет речь.

— Возможно, просить тебя — это ошибка. Ты не поймешь. Ты смертная. — Он пренебрежительно цикает, словно быть смертной — это что-то позорное. — Неудивительно, что Нейзгани уш…

— Что искать?! — рявкаю я, раздраженная его позерством. Внезапно наваливается вся усталость, накопленная за эти бесконечные сутки. Сначала Лукачикай, потом Длиннорукий, мертвецы в Краун-Пойнте, а теперь еще и непрекращающаяся болтовня о Нейзгани. Что-то во мне лопается, и я кричу: — Что искать, что искать, что?!

— Магдалена! — Койот вскакивает с кресла.

Я вздрагиваю от взрыва ярости, вырывающейся из его тела. На мгновение претенциозность западного джентльмена слабеет, и я вижу под фасадом его истинный облик: косматую серо-коричневую морду, тусклые желтые глаза, рот, полный зубов, предназначенных для раздирания

падали. Его сущность — пугающая и неестественная — начинает заполнять всю мою комнату, и я снова чувствую себя, как та четырнадцатилетняя девочка у костра, впервые столкнувшаяся с *бикъэайе'йи.*

Впрочем, он быстро приходит в себя, уменьшаясь до человеческих размеров и укрепляя нацепленную на себя иллюзию. С вымученным достоинством снова усаживается в мое кресло.

Одной ногой, обутой в сапог, он толкает мне по полу сумку. Она старомодная — в форме пятигранного мешка из ковровой ткани с латунными застежками и прочими атрибутами старины, но материал, из которого она сшита, — не совсем обычный. Он темно-дымчатый и, кажется, двигается в сгущающейся темноте комнаты. До этого момента я не замечала сумки, вполне возможно, ее вообще там не было. Как бы то ни было, я включаю настольную лампу рядом с собой и заглядываю внутрь.

— Что это?

Я вытаскиваю пять колец с перьями, каждое около фута[50] шириной. Они не тяжелые и не то чтобы легкие, но идеально подходят по весу

---

[50] Примечания: 50
Примерно 30 см.

моей руке. Каждое покрыто пухом — словно их валяли сначала в перьях птенцов, затем окунали в краски разного цвета: черную, синюю, желтую, белую. Последнее кольцо — плотный вихрь из разноцветных перьев, испещренный чешуйками сверкающей слюды. Ничего подобного я никогда не видела. Эти красивые штуки явно священны и определенно могущественны.

— Это *наайее атс'ос*[51], — поясняет Ма'йи. — Они помогут тебе справиться с задачей.

Я ломаю голову, вспоминая истории или легенды, в которых фигурировали бы кольца, но тщетно. Впрочем, цвета колец кое на что намекают.

— Это кольца сторон света, верно? Восток — белый, юг — синий, запад — желтый, а север — черный. И вот этот, — говорю я, вертя в руке разноцветный. Все цвета, все направления. — Где ты их взял?

— Где взял — там уже нет.

Я распознаю уловку в его ответе.

— Ты не хочешь об этом рассказывать?

— Их происхождение не имеет никакого значения. Сосредоточься на том, что они делают, а не

---

[51] Примечания: 51
Пушистые орлиные перья (*íàâàð.*).

откуда взялись.

— Хорошо. Ну и что же они делают?

— Тебе знакома легенда о Первом Мужчине и Первой Женщине?

— Очень приблизительно.

— Вижу, Нейзгани пренебрегал твоим образованием так же, как пренебрегал твоей постелью. — Он поднимает руку, чтобы сдержать мой протест. — Я расскажу тебе историю, Магдалена, если будешь слушать.

Он делает паузу, не опуская руки. Ждет до тех пор, пока я не киваю.

— С давних пор рассказывают, что Первый Мужчина и Первая Женщина были сделаны из кукурузных початков. Первый Мужчина — из белой кукурузы, Первая Женщина — из желтой. Их обтянули мягкой оленьей кожей, затем Нильх'и[52] дунул на них, подарив жизнь. Именно дыхание Нильх'и сделало их людьми — точно так же, как делает человеком тебя.

— Я не…

— Нильх'и — это священный ветер. Даритель жизни. Я хочу, чтобы ты отправилась в Каньонде-Шей и с помощью этих колец принесла мне

---

[52] Примечания: 52
Воздух, ветер, дух (*íàâàō.*).

дыхание Нильх'и.

— О… — Я делаю паузу. — Всего лишь?

— Ага, — улыбается он, потакая моему сарказму. — Приемлемый заказ для человека с твоими талантами.

Я уже почти смеюсь, больше удивленная, чем раздраженная.

— Он же бог, Ма'йи. Я не смогу поймать бога. Я же всего лишь…

— Убийца чудовищ? — Он щелкает зубами. — Я не прошу тебя его ловить. Только его дыхание. — Он хлопает в ладоши. — Ну же, Магдалена. Куда делась твоя жажда приключений? Твой интерес к трудным вызовам?

— Представим, что я отвечу «да». Чем ты мне за это заплатишь?

— Ну… — Он улыбается. Тонкие губы кривятся по краям, но глаза остаются холодными. — А чего желает твое сердце, Магдалена? Что ты хотела бы получить больше всего на свете? — Он смотрит в окно, затем снова на меня. — Я могу заставить красивого парня в твоей машине безумно в тебя влюбиться.

— Нет.

Он театрально похлопывает себя по подбородку.

— Жаль, очень жаль. Что ж, дай подумать… А не хотела бы ты снова увидеть Нейзгани? Я мог бы это устроить.

Мое сердце начинает биться чаще, но я не могу доверять пройдохе ни в чем, что касается Нейзгани.

— Нет, — говорю я, но отказ слетает с губ слишком поспешно, и Ма'йи это замечает.

Он пожимает плечами.

— Что ж. Тогда остается только девочка.

Я откидываюсь назад в глубоком удивлении. Он что, намекает на Атти?

— Какая еще девочка?

Он наклоняется ко мне и почти шепчет:

— Такое чудовище…

Желудок проваливается куда-то к ногам, а горло сжимается. Он намекает на меня? Но откуда он знает, что сказал мне Нейзгани на Черном Плато? Что я сама говорила на той горе у Лукачикая? Слышать эти слова из его уст — все равно что испытывать леденящий холод.

Он поднимается с кресла и толкает себя вперед, пока лицо его не оказывается в нескольких дюймах от моего.

— Печальная истина, с которой ты не хочешь смириться, Магдалена, заключается в том, что

иногда те, кого мы называем героями, являются величайшими в мире чудовищами.

Я замахиваюсь и бью кулаком прежде, чем успеваю понять, что делаю. Но кулак прорезает только воздух, поскольку место, где еще недавно стоял Ма'йи, теперь пусто. Он снова сидит в кресле, но я уже вскакиваю на разделяющий нас кофейный столик и вдруг слышу, как открывается входная дверь. Не обращая на это никакого внимания, я бросаюсь всем телом на Койота и пытаюсь дотянуться руками до его горла. Но его там нет, и я врезаюсь больным плечом в место, где он только что сидел. Кресло падает вместе со мной. Я грохаюсь на пол, вне себя от ярости. Пытаюсь встать на колени, но ноги запутались в этой чертовой синей скатерти, и я снова падаю — в этот раз на задницу. Бьюсь тем же плечом о край чертового стола. Наконец я перестаю трепыхаться и ору:

— Ма'йи!

Вместо ответа я слышу собачий смешок. А еще осторожный голос Кая:

— Я не помешал?

Глава 13

Кай стоит в дверях с ослепительной улыбкой, расправленным галстуком и пустыми руками. Без дробовика. Наверное, и хорошо, что без дробовика. Потому что, если бы он был, у меня появилось бы сильное искушение им воспользоваться.

Улыбка Кая постепенно вянет, когда он присматривается к обстановке: я лежу на полу, выпутываясь из-под кресла с невнятными ругательствами, а Койот стоит, прислонившись к дверному косяку у прохода на кухню, и широко щерит хищные зубы.

— Все в порядке? — спрашивает Кай.

— Как видишь, нет, — отвечаю я, затем встаю, поправляю стул, отряхиваю легинсы и пытаюсь собрать обратно в кучу остатки своего достоинства.

Он кивает:

— Что ж… Может, мне вернуться к грузовику? Дать вам еще время побыть наедине?

— Ни в коем случае! — весело говорит Ма'йи. — Мы с Магдаленой немного обсудили грандиозную задачу, к которой она приступит завтра, но са-

ма мысль об этом заставила ее выйти из себя. Очевидно, ей нужно некоторое время, чтобы обдумать такое большое дело. — Он смотрит на меня, и я показываю ему средний палец. А потом оба средних пальца. Ма'йи отворачивается к Каю. — А пока суть да дело, мы познакомимся с тобой, юный Кай Арвизо. — Ма'йи снова поворачивается ко мне. — Магдалена, в своем безрассудном порыве гнева ты опрокинула наш кофе. — Последнюю фразу он произносит так, будто его сердце разрывается от скорби.

Я смотрю, как пролитый кофе впитывается в мой дешевый коричневый ковер. Что ж, появится еще одно пятно рядом с прочими пятнами, оставленными на нем, возможно, за десятилетия. Я сожалею о случившемся, но отнюдь не о том, что пыталась задушить этого чертового плута. Впрочем, ему виднее. Я поднимаю руки.

— Ладно, хорошо. Но ты… — Я указываю пальцем на Ма'йи. — Следи за языком, не то в другой раз я всажу тебе пулю в голову.

Кай издает сдавленный звук, но Ма'йи просто опускает подбородок, признавая тем самым, что он действительно перешел границы. И что у меня есть свой предел. И что когда я его достигаю, мои инстинкты часто берут надо мной верх. Я почти

слышу, как он шепчет мне в ухо: «Чудовище…» Я стряхиваю с себя неприятное наваждение и потираю плечо.

— Я могу помочь прибраться, — говорит Кай.

— Нет уж, садись. — Я указываю на пустующее кресло. — Ма'йи должен мне несколько историй после того дерьма, что он натворил. Я хочу, чтобы ты их тоже выслушал.

Затем я собираю разбросанные чашки. Тру ногой свежее пятно на ковре. Прохожу мимо Ма'йи на кухню. В этот раз он стоит на месте — во вполне осязаемой форме. Сильный удар плечом, заставляющий его отступить, радует меня больше, чем следовало бы.

Голос Кая преследует меня даже на кухне.

— Не думаю, что пить кофе было разумно. Возможно, ей следовало воздержаться от кофеина.

Стоя на кухне, я отмериваю столовой ложкой кофе и слушаю разговор Кая и Ма'йи.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

На мгновение воцаряется тишина, прежде чем Ма'йи отвечает:

— Койот знает все.

— Точно! Мэгз назвала вас Койотом. Неужели вы *тот самый* Койот?

— Можешь звать меня Ма'йи. А ты зовешь Маг-

далену… Мэгз?

— Женщины любят прозвища.

— Действительно…

Я невольно улыбаюсь, делая три чашки кофе. Добавляю сахар для Ма'йи. Вспоминаю, что Кай любит с молоком, после чего лезу в маленький холодильник. Осталось немного овечьего. Ему уже несколько недель, но пахнет вполне нормально. Лью молоко в третью чашку. Затем несу все три чашки и расставляю их на столе перед Каем и Ма'йи. Кай удобно устроился в моем освободившемся кресле — руки свободно свисают по бокам, ноги широко расставлены. Вид у него такой, будто он нисколько не удивлен этими странными посиделками. Койот вернулся на свое место. Взяв кофе, он бросает на меня проницательный взгляд. Я его демонстративно игнорирую. Просто обхожу тощие ноги и плюхаюсь на диван. Делаю глоток. Кофе заметно остыл, но все равно вкусный.

И вдруг Койот говорит:

— Итак, Магдалена рассказала мне, что ты ее будущий любовник.

Кай издает нервный смешок, я выкашливаю теплый кофе себе на штаны.

— Чего?! — выдавливаю я, чувствуя, как щеки заливает краской. — Я этого не говорила. Я этого

не говорила!

Койот переворачивает свои ненормально длинные пальцы и демонстрирует открытую ладонь — словно в знак почти искреннего покаяния.

— Возможно, для этого и не требуется слишком много слов.

Кай широко улыбается.

— Мы с Мэгги познакомились только этим утром, поэтому я бы не осмелился забегать так далеко. К тому же я уверен, что у такой красивой женщины и без меня хватает поклонников.

Я бросаю взгляд на Кая в полной уверенности, что тот шутит. Да, я неплохо справляюсь со своей работой, но, черт возьми!.. никому и никогда не приходило в голову называть меня красивой. Тем более странно услышать такое от мужчины, который в сто раз симпатичнее, чем я. Но сколько я ни приглядываюсь, я не вижу на его лице ничего, кроме искренности.

Койот глубокомысленно кивает, не сводя с меня глаз.

— Я пытаюсь донести до нее мысль, что есть много любовников на свете. Их так же много, как звезд на небе.

— Ты пытаешься… что? — фыркаю я. — О, так это была помощь? То, что ты наговорил мне до

этого, должно было как-то мне помочь?

Ма'йи смотрит на меня не мигая.

— Знаю, что ты мне не веришь, но я всегда пытаюсь помочь тебе, Магдалена.

— Ты всегда стараешься извлечь выгоду для себя.

— Разве нельзя делать то и другое одновременно?

— Нет, нельзя!

— Мэгги сказала, что вы старые друзья, — осторожно вмешивается Кай. — Как вы познакомились?

Вообще-то я сказала, что мы «заклятые друзья», и это еще мягко сказано — тем более после сегодняшних его выходок. Но Ма'йи, оживившись, широко улыбается довольной улыбкой.

— Да, мы старые друзья, — охотно соглашается он. — Я познакомился с Магдаленой, когда она была девочкой, еще до конца Пятого Мира — когда такие, как я, обитали только в снах пятипалого народа.

— Пятипалый народ — это мы. Люди.

Ма'йи снисходительно улыбается.

— Да, это *дине.*

— А конец Пятого Мира? — спрашивает Кай. — Вы имеете в виду Большую Воду?

— Именно так. — Ма’йи наклоняется вперед, увлеченный своей ролью рассказчика.

Вот так запросто Кай взял и заставил его говорить. Без обычных насмешек и поддразниваний Койот стал делиться своими обширными знаниями о Динете. Признаться, это впечатляет.

— Я прожил много жизней во многих мирах, — говорит Ма’йи, — я уже был, когда Меняющаяся Женщина впервые создала пятипалых людей и все их миры один за другим закончились великими потопами. Каждый раз вода поднималась так высоко со всех сторон, что вздымающиеся волны казались заснеженными вершинами далеких гор. Последний потоп, который вы называете Большой Водой, положил конец Пятому Миру и начал Шестой. В подобные моменты открывается проход, по которому в мир могут возвращаться такие, как я.

Его голос приобретает драматический оттенок и начинает звучать почти как мелодия. Ма’йи явно наслаждается, купаясь в восторженном внимании Кая. Но я замечаю, что он не упоминает о своей роли в ранних наводнениях, и задаюсь вопросом: какое участие (если таковое вообще было) он принимал в возникновении последнего?

— В мир на поверхности Земли? — уточняет Кай.

— В Динету.

— Значит, раньше ты жил во снах?

— Во снах и видениях, — признается Ма'йи, — в легендах и песнях.

— А теперь?

— А теперь, с появлением Динеты и Шестого Мира, мы стали такими, какими были раньше.

— И под словом «мы» вы подразумеваете…

— Всех нас. И тех, кто *Дийин Дине,* как вы их называете, или *Священный Народ*. И тех, кто *бикъэайе'йи.*

— Значит, вы — не *Дийин Дине?*

Наклонив голову набок, словно собака, силящаяся понять неразумного человека, он отвечает:

— Я Койот.

— Конечно, — легко соглашается Кай, не теряя ни секунды. — А есть еще такие, как вы?

— Другие есть — Барсук, Рысь, Волк, — но таких, как я, нет. — Он слегка приосанивается и поправляет галстук.

— А как насчет монстров? — спрашиваю я.

Он замолкает на насколько секунд, задумавшись, прежде чем продолжить:

— Некоторые были давно побеждены и с тех

пор не возвращались. Но других пощадил Убийца Чудовищ, и они до сих пор живут. Страдая от голода, нищеты и старости. Их всех когда-то называли чудовищами. Но кроме них у нас когда-то был и великий *Йейсо* — неуклюжий водяной дракон, чей скелет теперь покоится недалеко отсюда на горных вершинах. А есть еще монстры вашего собственного изготовления: *йее наалдлошии* — колдуны, лишающиеся человечности ради власти, *ч'йидии* — духи, хранящие в себе зло всех мужчин и женщин после их смертей. А также те, кого Магдалена особенно любит встречать на охоте: существа, пожирающие маленьких слабых девочек. — Глаза Койота скользят в мою сторону.

Он явно пытается меня задеть, но мои мысли заняты совсем другим:

— А как насчет *тсэ наайее?*

— Увы. Таких монстров я не знаю. — Он отводит от меня взгляд и смотрит на стену.

— Рукотворное существо, созданное, возможно, с помощью колдовства. Похожее на человека, но питающееся человеческой плотью. Или, по крайней мере, вырывающее глотки. Оно не может произносить слова. Вчера я убила одного такого на горе. Того самого, который забрал маленькую де… — Я осекаюсь, не желая, чтобы Кай узнал все

подробности истории с Атти. Пока не время.

Чтобы не показаться грубой, я маскирую резко оборванную фразу фальшивым зевком, который, впрочем, тут же становится настоящим.

Ма'йи смотрит на меня с минуту и явно думает о чем-то, прежде чем продолжить:

— Прошло немало лун с тех пор, как я последний раз наслаждался такой прекрасной беседой. Великолепные истории и ужин, разделенный между друзьями. Как раз то, что нужно одинокому Койоту. — Он ободряюще улыбается мне, что, честно говоря, не очень приятно: лицо, которое он носит, больше предназначено для насмешек и надменного презрения. Просто смешно пытаться превратить эту худую длинную морду во что-то сносно-дружелюбное. Тем не менее он абсолютно серьезен. И тут до меня доходит, что он только что сказал.

— Вообще-то я не планировала готовить для тебя ужин.

Словно по сигналу, в животе Кая начинает урчать — достаточно громко, чтобы мы обернулись к нему одновременно.

— Предатель! — бормочу я.

Что ж, возможно, присутствие здесь Койота — не такая уж большая беда. Кажется, он хочет

поговорить с Каем, так что среди его историй может промелькнуть крупица информации, которая поможет нам узнать больше о *тсэ наайее.*

— Ладно, — говорю я и поднимаюсь со стула, — накормлю вас обоих. С меня ужин и, возможно, еще кофе. А потом ты уйдешь, Ма'йи. Такого количества твоей дружбы за один раз для меня перебор.

Койот дотрагивается когтем до своего лба.

— Спасибо, Мэгз, — говорит Кай.

Он одаривает меня широченной улыбкой, которая освещает все его лицо. Я качаю головой. Кай обаятелен, надо отдать ему должное. Он даже сумел очаровать Ма'йи, что довольно непросто. Но это вовсе не значит, что они с Ма'йи потом поладят. Вероятнее всего, это просто отложенная на будущее катастрофа.

— Отлично! — бодро отвечаю я. — Поговорите пока вдвоем. Я буду на кухне.

Глава 14

Их голоса составляют мне компанию, пока я размышляю над ужином. Разговор льется как тихая песня, заполнившая все внутреннее пространство моего крошечного трейлера. Я слушаю их вполуха — не слова, а сам ритм разговора.

Затем оглядываю кухню. Я столько времени провела здесь в одиночестве, что мне требуется время подумать, чем их можно накормить. Обычно я ем, стоя возле раковины, — причем самую дешевую и удобную пищу: сушеное мясо, например, или горсть орехов. Иногда консервы в банках, которые можно просто открыть ножом и разогреть на одной конфорке — из тех, что до сих пор остались от совместной жизни с Нейзгани, несмотря на то что его нет со мной уже почти год. Но сейчас я должна… нет, я *хочу* приготовить настоящий ужин.

Я не очень хорошо умею готовить. Моя полная бездарность в деле ведения домашнего хозяйства шокировала *нали*, когда я была маленькой. Но даже я смогу разогреть консервированные бобы и поджарить хлеб. Я нахожу банку нарезанно-

го кубиками чили и бросаю его к бобам. Потом ложка топленого жира, зачерпнутая из банки и выложенная на разогревающуюся плоскую сковородку. Затем я разворачиваю полотенце, в котором хранился мягкий кусочек теста. Я замешала его перед тем, как отправиться в Лукачикай, так что оно еще свежее. Я обмакиваю руки в муку, вылепляю из этого теста три куска в форме пирожков и кладу их по очереди в миску. Шлепающие звуки навевают воспоминания о кухне моей *нали* и ежедневном ритуале приготовления хлеба.

Нали… Она вырастила меня сама, когда мы жили с ней вдвоем в трейлере, похожем на этот, — у покрытого соснами хребта рядом с фортом Дефайанс. Она была хорошей женщиной, хоть и не слишком общительной. Бабушка была суровой, не любила рассуждать о любви, но следила за тем, чтобы я была накормлена и одета, и каждый день сама отводила в школу. И уж точно она не заслуживала того, что случилось с ней… что случилось со всеми нами в ту зимнюю ночь много лет назад.

Не знаю, почему память вдруг возвращается с такой силой. Обычно я держу ее под крепким замком. Может, как-то повлияло небрежное

упоминание Таха о моем детстве, может, грубое подталкивание Койота к уродливым фактам, а может, правда заключается в том, что всякий раз, когда я немного расслабляюсь и утрачиваю бдительность, выныривает наружу то, что всегда поджидает и будет поджидать в глубинах моей памяти.

Кровь.

Я помню, было очень много крови.

Кровавые реки и алые озера, растекшиеся по дешевому ковру вокруг тела моей бабушки.

Она в пушистом сине-белом домашнем халате, купленном на распродаже в «Уолмарте»[53], который я все время убеждаю ее выбросить. Но бабушка настаивает, что халат прекрасно смотрится на пожилой женщине, и дразнит меня за пустое тщеславие, поскольку я предпочитаю носить розовые велюровые треники из того же «Уолмарта», но выглядящие чуть моднее, чем ее мешковатое нечто.

Мы сидим на диване и смотрим старый вестерн. Мы не часто запускаем генератор ради просмотра

---

[53] Примечания: 53

Walmart — крупнейшая в мире сеть оптовой и розничной торговли. Основными регионами деятельности являются США и Мексика, также значительно присутствие в Канаде, Южной Америке, Великобритании (Asda), ЮАР, Китае и Японии.

фильма, но сегодня у нас праздник. Сегодня мне исполнилось шестнадцать лет. По такому случаю мы даже испекли торт.

На экране истинная белая леди в капоре и платье с кринолином просит у замученного жизнью героя со звездой на груди помочь ей в борьбе с команчами. Я отпускаю какую-то шутку по поводу нелепых заплетенных париков, которые носят актеры, играющие индейцев, но бабушка шикает на меня, не желая, чтобы мой подростковый цинизм испортил ей хороший вечер.

Мы обе вздрагиваем от неожиданного стука в дверь. Вскоре раздаются улюлюканье, смех и удары по стенам. Где-то дико и жутко захохотал койот, от чего стало еще страшнее. Чьи-то лица появляются и исчезают в окнах, мелькают, словно отблески огня, — и мы понимаем, что они кружат вокруг нашего дома. Их по меньшей мере полдюжины, а может, и больше. Они танцуют вокруг трейлера, как киношные индейцы вокруг фургона, но это мы здесь *дине*, и в течение минуты мы не можем понять, что происходит.

Мы ошеломленно смотрим друг на друга, беспомощные от смятения и паники. Медленный ужас ползет по моей шее, холодный шепот лижет уши. Я сижу как парализованная, пока бабушка

не начинает кричать, чтобы я тащила дробовик. Она хранит его возле собственной кровати. В соседней комнате.

Но уже слишком поздно.

Дверь с грохотом распахивается, впуская в дом февральский воздух и то зло, которое следует за ним.

Я мельком вижу колдуна *йее наалдлошии*, одетого в волчью шкуру и драгоценности покойника, после чего стая последователей начинает обтекать его неконтролируемым приливом.

Я бросаюсь к ружью. Слышу голос бабушки, полный пронзительного негодования. А потом ужасный звук удара чем-то тяжелым по ее черепу.

Меня хватают сзади, и я падаю под тяжестью чьего-то тела, повисшего на плечах. Грудью бьюсь о пол. Из легких со свистом вырывается воздух. Голова упирается в ковер, и я чувствую вкус бытовых химикатов во рту. Чужая мясистая рука, воняющая горелым свиным жиром, царапает мне лицо. Я кусаю ее до крови. Мужчина орет и немного отшатывается.

Это маленький шанс. Я борюсь изо всех сил, карабкаюсь на четвереньках, пытаюсь убежать, но меня пинает в спину нога в сапоге. Сильные

пальцы берут меня за затылок, сначала почти любовно гладят по волосам, затем захватывают их в горсть и бьют лицом о пол. Потом еще раз, и еще. Боль взрывается за моими глазами, из прокушенного языка течет кровь. Он продолжает бить, пока я не обмякаю.

Зрение начинает угасать под натиском мучительной боли. Я скашиваю глаза и долго фокусирую взгляд, прежде чем замечаю лицо колдуна, глядящего на меня сверху вниз. Он носит волчью голову поверх своей собственной, на лбу зияет звериная челюсть, бескостные лапы свисают за ушами. Глаза у колдуна бледно-серые. Он улыбается мне желтыми гнилыми зубами.

Края поля зрения смыкаются, лицо исчезает, и все становится черным.

Я очухиваюсь. Вначале мне кажется, что я уже умерла, но во рту по-прежнему ощущается вкус аммиака и крови. Я слышу спорящие голоса. Это колдун и его люди. В голове пульсируют черные и пурпурные пятна. Они говорят слишком быстро, чтобы я могла понять о чем. Но это очень странные слова, мне не знакомые. Хотя нет. Одно я знаю. *На'а'ах*. По-навахски это означает «разделка мяса».

Теперь я знаю, зачем они пришли. И что соби-

раются делать. И что жир, которым воняют их руки, — он вовсе не свиной.

Я слышу другой голос. Голос своей бабушки. Я осмеливаюсь открыть глаза, и все, что вижу вначале, — только головокружительный вихрь снега в открытой двери и бледный холодный пейзаж. Потом бабушка начинает говорить снова, в этот раз тихим отчаянным голосом. Раздается скребущий звук, затем хрипы и крики, вслед за которыми — глухой звук удара кулаком в челюсть. Бабушка умолкает. Я слышу новый звук и не могу понять, что это такое. Но потом до меня доходит. Это звук веревки, трущейся о подвешенный к потолку блок, к другому концу которой привязана моя бабушка.

Чьи-то руки прикасаются ко мне. Рывком поднимают на ноги. Зыбкий пол качается перед глазами. Я сглатываю и ощущаю вкус собственной смерти.

Колдун что-то вкладывает мне в руку. Заставляет крепко обхватить пальцами. Затем отступает, не сводя с меня взгляда больных глаз. Указывает на мою *нали* и изображает резкий порез на горле. Шепчет одно только слово: *«милосердие»*.

Рука моя дрожит. Нож выпадает из пальцев. Кто-то смеется странным смехом, похожим на

уханье совы. Колдун качает головой в притворном разочаровании. Для него это просто шутка. Для него все — шутка.

Удар в живот такой быстрый, что я не успеваю его заметить, только чувствую тупую тошноту. Слезы застилают глаза.

Более храбрая, более умная девочка обязательно бы сразилась. Взяла бы этот нож и ударила им колдуна. Придумала бы, как убить их всех и спасти свою бабушку. Стала бы героем. Но я не такая. Я медлительна, глупа и не могу даже удержать нож в дрожащей руке.

Они отпускают меня, и я падаю на пол. Роняю голову на мокрый ковер. Чувствую щекой липкую сладость своей собственной рвоты, когда лежу там молча и слушаю, как они разделывают мою бабушку на мясо.

Когда приходит мой черед умирать, я не сопротивляюсь. Они поднимают меня с пола из вонючей лужи. Обматывают веревкой руки, чтобы подвесить к потолку.

Снаружи раздается звук.

Колдун замолкает, не успев затянуть веревку на моих запястьях, и поворачивается к двери. Как и все мы. Звук, поначалу слабый, словно задувается ветром в разбитые окна. Поцелуй холода касается

моего лица, тихие слова нашептываются на ухо. Это песня, которую я никогда не слышала. Мелодия сладка, как вкус крови, а голос — дискант, сияющий подобно новой стали. Он выводит меня из оцепенения и очищает разум в голове, которая уже не болит.

Он укрепляет решимость и восстанавливает волю, которая когда-то была сломлена.

Ожесточает сердце, которое когда-то было мягким.

Я начинаю видеть.

Тусклый блеск грязного серебра на шее колдуна. Красное озеро, плещущееся у моих ног. Твердый смертоносный металл разделочного ножа, случайно забытый на полу рядом с отвратительной кучей свежего мяса.

Я начинаю двигаться.

Убить первого оказывается легко. Веревка с моих запястий обвивается вокруг его шеи, разделочный нож танцует в руке, и человек умирает, прежде чем я осознаю, что нахожусь в движении. Что я вообще только что сделала. В комнате ни звука. Остальные настолько ошеломлены, что только оборачиваются и тупо смотрят на девочку, которая несколько мгновений назад казалась ягненком, готовым пойти на заклание.

Но потом тишина нарушается.

Раздаются крики, когда слабые мужчины начинают медленно двигаться вокруг меня. Я предвижу их действия, вижу траектории их тел, прежде чем они успевают что-либо предпринять. И я встречаю их с готовностью, следя за тем, чтобы они никогда больше ничего не предпринимали. Даже брызги крови из горла колдуна, кажется, медленно орошают мое лицо, пока я с удовольствием наблюдаю, как тускнеют его серые глаза.

Я не знаю, что именно пробудило силы моего клана в тот момент — до того, как я вообще узнала о существовании этих сил; до того, как среди *дине* стало известно, что такое в принципе возможно. Иногда я задаюсь вопросом, стал ли причиной призрачный поцелуй, который я почувствовала от ветра, или, может, это был сам ветер, коснувшийся моего тела? Я не знаю. Возможно, там было нечто большее. Что-то или кто-то еще. То, что показало мне, насколько ужасающей я могу быть.

Я не знаю, скольких убила к тому времени, когда почувствовала, что первый рывок силы моего клана угасает, как океанский отлив. Мощный выброс адреналина, на котором я двигалась, спадает, и мои руки начинают дрожать. Меня охватывает

внезапное всепоглощающее истощение.

Я оглядываю трейлер дико выпученными глазами, пошатываясь и страшась того, что не успела убить всех. А теперь слишком поздно — тело мое уже начало слабеть. Но я вижу только трупы на полу и чувствую вонь от выпущенных наружу кишок. Повсюду разлита их кровь, перемешанная с кровью моей бабушки.

Мои плечи опускаются, с губ слетает рыдание.

А потом я вижу его.

Он огромен — с широкими плечами и высокого роста. Ему приходится согнуться, чтобы войти через парадную дверь нашего трейлера. В руках у него меч из белого огня.

Сначала я принимаю его за одного из банды. Потом замечаю крылья. Впрочем, это не крылья, а волосы — такие длинные и черные, что кажется, будто они взлетают и вспыхивают вокруг него. Он ужасен и прекрасен одновременно. В нем нет ничего человеческого. Я понимаю, что это демон, явившийся наказать меня за тот кошмар, который я только что учинила.

Но я не позволю ему забрать себя. Я больше не повторю этой ошибки. Я отшатываюсь назад и чуть не поскальзываюсь на крови и внутренностях. Собрав последние силы, я поднимаю нож

перед собой и держу его обеими руками, молясь еще об одном чуде.

Но демон вдруг улыбается.

Он говорит, что его зовут Наайее Нейзгани и что для него большая честь присутствовать при моем перерождении. Он называет меня Чинибаа — традиционным именем *дине*, которое означает «девушка, которая выходит на бой». Он благодарит меня за то, что я убила колдуна и троих его подручных, потому что это те самые чудовища, которых он выслеживал несколько дней.

«Их было всего четверо?» — спрашиваю я.

Он смеется.

«А разве четырех человеческих жизней за день не достаточно?»

Мне казалось, что их было больше — пока я находилась под воздействием сил клана. Но нет. Он убил двоих, которые пытались сбежать, а главаря и еще троих оставил для меня.

«Спасибо», — шепчу я ему сквозь отвратительную кровавую улыбку и стиснутые зубы.

Потом шепчу еще раз, и еще. После чего падаю, полностью разбитая, в его объятия, и он уносит меня из трейлера к своему лагерю. Он помогает смыть кровь врагов с моей кожи. Он кормит меня. Он объясняет, что теперь меня коснулась смерть

и что она меня изменила, но я могу исцелиться, если исполню кое-какие ритуалы и позволю смениться временам года.

Я так и не вернулась в дом своей бабушки — в тот трейлер на гребне холма. Там больше нет ничего такого, что я могу назвать своим. А у Нейзгани есть — даже если оно порождено из крови и насилия. Он соглашается тренировать меня, учит сражаться, пользоваться оружием и выслеживать более хитрых существ, чем те, которых я убила в первый раз.

Я так и не исполнила нужных ритуалов, чтобы очистить свой дух от прикосновения смерти, но времена года сменились. Со временем раны, полученные в ту ночь, покрылись коркой, и пока я не ковыряюсь в памяти, пока использую воспоминания только для того, чтобы подпитывать свирепость, и запираю их в темных уголках своей души после окончания работы, со мной все в порядке.

Эта работа стала жизнью. Моей жизнью. Охота на монстров за деньги и изучение различных способов насилия у стоп великого мастера. Такую жизнь я смогла не только выносить, но даже научилась ею наслаждаться.

А потом Нейзгани ушел. И я осталась одна,

чтобы продолжать охотиться на чудовищ самостоятельно — как видимых, которые крадут маленьких девочек, чтобы сожрать их плоть, так и незримых, живущих под кожей и поедающих маленькую девочку изнутри.

Глава 15

Смех Кая неуместно врывается в мои воспоминания. Я хватаюсь за него, цепляюсь и крепко держусь, позволяя ему вернуть меня в реальность. Знакомая кухня, гости в соседней комнате, мягкое тесто в руках. Я моргаю, думая, что сейчас хлынут слезы, но глаза остаются сухими. Руки немного дрожат, когда я опускаю тесто в растопленный жир, но я справляюсь. Жир шипит, превращая тесто в хлеб. Все в порядке. И со мной все в порядке. По крайней мере, нормально.

Я позволяю себе вздохнуть. Концентрируюсь на простых дыхательных движениях, следя за тем, как воздух проходит через мое тело. Затем запираю воспоминания там, где они должны находиться. По крайней мере, стараюсь это сделать. Но от них не удается избавиться окончательно, поскольку я слышу, как Кай спрашивает у Койота:

— И что же, этот Нейзгани тебя спас?

Я хмурюсь. Ма'йи рассказывает истории о Нейзгани. Я силюсь вспомнить, упоминала ли имя своего наставника при Кае, но тщетно. Понятно,

что это очередная попытка Ма'йи подкинуть проблем, но прежде чем я его заткну, мне хочется услышать, о чем он скажет дальше.

— Да, однажды он спас мне жизнь. Но я уже умирал много раз самыми разными способами. Не так страшна смерть, как осознание того, что на следующее утро ты очнешься один. Наверное, поэтому я не очень-то люблю утро.

— Что ж, наверняка это не очень плохой человек, если он спас тебе жизнь после того, что ты сделал.

— Конечно, он известен как герой из легенд, но и я — не чудовище, которое следует умерщвлять. — Голос Ма'йи льется ровно, почти легкомысленно, но я распознаю скрытый гнев. Что бы ни делал с ним Нейзгани, но он этого не простил, как бы ни утверждал сейчас обратное. — Я всего лишь простой Койот, а он — сын Солнца и Меняющейся Женщины. Если взглянуть на это с такой точки зрения, то удивительно, что он вообще обо мне побеспокоился.

Я качаю головой, затем осторожно вытаскиваю щипцами хлеб из горячего жира и кладу туда следующий кусок теста. Может, когда-нибудь я заставлю Ма'йи рассказать мне о том, что произошло между ними двоими.

— Меняющаяся Женщина, — говорит Кай. — Ты уже упоминал о ней. Это та, которая создала людей, в смысле, пятипалый народ. Значит, она — мать Нейзгани? А его отец — Солнце?

Я слышу скрип кресла в соседней комнате.

— Это довольно восхитительная история обольщения. Распаленная девушка с раздвинутыми ногами, жаркий летний день. Не желаешь послушать?

— Лучше в другой раз, — возражает Кай. — Значит, этот Нейзгани — легендарный герой. Наподобие Геракла?

— Кого? Я не знаю, кто такой Геракл. Он охотился на монстров?

— В мифах Древней Греции.

— Тогда да!

— И этот Нейзгани стал учить Мэгги?

— Не только! — отвечает Койот, понижая голос до похотливого шепота. Независимо от того, как он относится к Нейзгани, старый пройдоха не может удержаться от того, чтобы не затеять очередной скандал.

— Ладно, хватит! — Я резко толкаю дверь. Они сидят в креслах, подавшись друг к другу, как два сплетника из Капитула. — Ты! Перестань рассуждать о вещах, в которых ничего не понимаешь.

А ты, — я поворачиваюсь к Каю, — перестань слушать этого мошенника. — Я дергаю головой. — Пойдем, поможешь мне с едой.

Кай выглядит огорченным, но Койот лишь ухмыляется хищной зубастой улыбкой и подмигивает мне своим беспокойным желтым глазом.

— Ты слишком обидчива, Мэгз, — говорит мне Кай, когда мы оказываемся на кухне.

— Просто не хочу, чтобы ты сплетничал обо мне с Койотом, — отвечаю я, кидая на сковородку последний кусок теста.

— Это так называется?

— Да.

— Значит, если я захочу что-нибудь узнать о тебе, ты расскажешь мне сама?

Я обдумываю вопрос, раскладывая фасоль по трем расставленным тарелкам.

— Возможно. Зависит от того, что ты захочешь спросить.

Последний кусок жареного хлеба готов. Кай берет две тарелки — одну для себя, другую для Койота. Я беру третью. Он прислоняется к двери и придерживает ее спиной, чтобы я могла выйти первой.

— Пока не знаю, Мэгз, — отвечает он, изогнув губы в полуулыбке, — но обязательно придумаю

вопрос, когда приду к тебе в следующий раз.

Я смотрю на него с подозрением, но его широко раскрытые глаза выражают абсолютную невинность.

Мы едим, сгрудившись вокруг кофейного столика, теснясь на диване и креслах моей крошечной гостиной. Я кладу на ложку кусочек хлеба, зачерпываю бобовую массу и запихиваю эту смесь в рот. Ма'йи внимательно наблюдает за мной, потом осторожно принюхивается к своей тарелке. Щелкнув длинными когтями, он изящно берет ложку когтистой лапой и начинает есть с таким видом, будто он королева Англии. Кай повторяет мой способ с хлебом. Мы едим в относительной тишине, изредка перекидываясь словами, но в основном сосредоточены на пище. Койот заканчивает первым, несмотря на вычурные манипуляции с ложкой. Поев, он довольно безобразно вытирает рот рукавом пальто, допивает кофе одним большим глотком и берет шляпу, лежавшую на столе рядом с ним.

– *Ахехээ*, Магдалена, — произносит он. — А теперь настала пора откланяться.

Он поворачивается к Каю:

— Мне очень понравилось общаться с тобой, Кай Арвизо. Поэтому я сделаю тебе подарок: ты

можешь позвать меня, и я тебя услышу. Просто произнеси мое имя четыре раза в четыре стороны света на рассвете или закате. Если я захочу, то приду.

— Если?

Ма'йи пожимает плечами.

— Я очень занятой, а Динета такая большая…

Это не бог весть какой подарок, но Кай серьезно отвечает:

— Спасибо.

— Великолепно!

Койот встает и надевает шляпу на голову. Хватает с размаху трость и медленно подмигивает мне своим латунным глазом:

— На минуточку, Магдалена.

Я бросаю взгляд на Кая, пытаясь угадать, знает ли он, чего хочет от меня Ма'йи, но тщетно. Тогда я встаю и иду к двери вместе с Койотом. Выглядит это немного глупо. Мы отошли от Кая всего на несколько футов, так что иллюзия уединения выглядит как шутка. Но Койоту, похоже, все равно.

— Он восхитителен. Очень обаятельный молодой человек. А его руки… — Ма'йи встряхивается по-собачьи под своим пальто из верблюжьей шерсти. — Из него выйдет прекрасный любовник.

— Обязательно намекну ему, что он тебя заин-

тересовал.

Можно подумать, будто Кай нас не слышит!

— Я не про себя, — раздраженно говорит Ма'йи, — а про тебя. — Он хватает меня за руку с абсолютно серьезным выражением лица. Глаза его холодны, как рассвет. Он шепчет мне в ухо, припав ртом так близко, что я чувствую на щеке его теплое влажное дыхание: — Забудь о Нейзгани. Он глубоко эгоистичен. Он не любит тебя. Потому что не может. Ты для него — лишь мимолетная фантазия, развлечение и курьезный случай, от которого он уже устал. — Хватка Койота становится крепче. Его ногти впиваются в мою плоть. — Убийца Чудовищ только разочарует тебя, — шипит он.

— Мои отношения с Нейзгани — не твое дело.

Хорошего настроения как не бывало. Выражение моих глаз теперь полностью соответствует его мрачности. Старый Койот, которого я хорошо знаю, спрятался на несколько часов, а теперь вернулся — по-прежнему жестоким. Его предупреждение ранит даже больше, чем намеки на прошлое.

Он и раньше сводил меня с ума, пробуждая нежелательные воспоминания, но как бы ни были болезненны эти воспоминания — они о том,

что случилось много лет назад, и эта дистанция позволяет сохранять некий контроль. Я могу заставить их умолкнуть, запереть и закрыться от их ужаса. Но речи Ма'йи о Нейзгани ранят совсем с другой стороны — куда-то туда, где находятся страхи о том, что происходит здесь и сейчас. Где нет спасительного расстояния, чтобы защитить себя. Я не могу себе в этом признаться и не могу смириться, но все, что говорит Ма'йи, — правда. Нейзгани бросил меня, не задумываясь и не оглядываясь назад. И с тех пор от него ни весточки. Как будто я для него уже не существую.

Чудовище я или нет, но он должен был побеспокоиться обо мне. Должен был найти способ связаться. Или хотя бы позволить мне умереть под его мечом, прежде чем оставить в одиночестве.

Вероятно, Ма'йи что-то видит на моем лице — нечто для него удивительное. Возможно, он не ожидал, что придуманное им оскорбление прозвучит настолько правдиво. Он убирает руку, поправляет пиджак и хмуро на меня смотрит.

— Предлагаю вам как можно скорее добраться до Каньона-де-Шей. Найдите Нильх'и с помощью колец и зовите меня. — Его голос дрожит от раздражения. Он прерывается на мгновение,

чтобы поправить обшлаги пальто. — Поймите, это очень важно!

Я открываю рот, чтобы напомнить ему, что я еще не согласилась на эту работу, но он уходит. Я даже не успеваю заметить, когда он открыл дверь.

— Куда он делся? — спрашивает Кай из-за спины.

— Погоди, — отвечаю я и поднимаю руку. Секунду спустя трейлер заливает ослепительная вспышка молнии. Кай тихо ругается, глаза застилает пляшущая красная паутина. Я пытаюсь проморгаться.

— Интересно, как он это делает?

Я пожимаю плечами:

— Они все это делают. Хотела бы я знать как. Сколько топлива можно было бы сэкономить…

Кай скребет ложкой по краям тарелки и запихивает остатки еды в рот.

— Так это и был *тот самый* Койот? — спрашивает он с набитым ртом. Дожевав, он отодвигает тарелку в сторону и вытягивает свое гибкое тело, закинув руки за голову и скрестив ноги под моим кофейным столиком. — Я его себе по-другому представлял.

— А как ты его себе представлял?

— Черт его знает… Не таким серьезным, что ли. Все истории про Койота, которые я слышал, рисуют его каким-то придурком. — Он пожимает плечами. — А на деле он оказался не так уж плох.

Я суживаю глаза и открываю рот, полная намерения возразить.

— Не пойми меня неправильно, — продолжает он, удерживая меня от реплики. — Он гиперактивный и извращенец тот еще. Клянусь, половину времени мне казалось, что он изучает мой пах, а не смотрит в лицо.

Я чувствую, как становлюсь на два оттенка краснее, но Кай продолжает говорить:

— У тебя от него тоже мурашки, я же вижу. От этих желтых глаз и зубов. — По его плечам пробегает дрожь, и он стряхивает ее. — В одну минуту он выглядит вполне по-человечески, а потом замечаешь что-то еще — как будто он только одет в человеческий облик, а на самом деле не человек.

— Иногда он бывает немного странным, — соглашаюсь я.

Кай хихикает себе под нос, воспринимая мое преуменьшение как шутку.

— Но он точно не такой уж плохой.

Я сажусь напротив него на краешек кресла.

— По правде сказать, я никогда его раньше таким не видела.

— Каким «таким»?

— Слишком разговорчивым. Рассказывающим истории.

— Он что, никогда не рассказывал тебе историй?

— Только самые кошмарные. О том, как его забили до смерти барсуки, или про то, как птицы выклевали ему глаза. Примерно в таком духе…

Кай смотрит на меня пристально.

— Чего?

— Да так, просто… — Он немного колеблется, будто гадает о том, как будут восприняты его следующие слова. — Я могу тебе дать один совет?

Я жестом приглашаю его продолжать.

— Некоторые люди верят, что можно уничтожать врагов, делая их своими друзьями.

Я обдумываю его слова.

— Значит, ты этим сегодня занимался? Уничтожал врага?

— Разве нет?

— Мне кажется, дробовик тоже неплохо работает.

Несколько секунд он выдерживает мой взгляд. Потом смеется.

— Ты жесткая женщина, Мэгз, — признает он. — Не обижайся, но ты мне нравишься. И я хотел бы узнать тебя получше. Но мне не кажется, что дружбу можно разжечь из ствола дробовика.

— Сам придумал?

Он смеется снова, и мне это приятно. В общем-то, не так уж плохо. Что он здесь. Не знаю, как бы я пережила эту встречу с Ма'йи без него.

Где-то вдали раздается собачий лай. Я ухмыляюсь и поднимаю голову.

— Собаки вернулись.

— А куда они убегали?

— Понятия не имею, но они всегда сбегают, когда появляется Ма'йи. Должно быть, собачье чутье… — Я встаю и потягиваюсь. Меня начинает одолевать зевота. — Пошли, познакомлю тебя с ними. Поможешь их накормить, потом покажу, где ты будешь спать.

— Хочешь сказать, я буду спать не с тобой?

Его слова звучат как шутка, но я замираю, застигнутая врасплох. Разум подсказывает мне, что это вполне невинная реплика, не более чем флирт, и я должна была предвидеть ее после бесхитростного сватания Таха и насмешливых намеков Ма'йи о том, что Кай обязательно станет моим новым любовником. Я знаю, что должна

игриво отшутиться в ответ и попросить его «не гнать коней» или что-то в этом роде, но не могу заставить себя произнести ни слова.

Кай, должно быть, замечает это, поскольку немедленно сдает назад.

— Шутка. Я шучу. Просто подумал, что раз уж ты пригласила меня к себе… — Он немного колеблется. — Буду спать здесь. Все нормально. Диван выглядит отлично.

Я не знаю, что сказать. Как это объяснить. Я просто смотрю на него. Длинное худощавое тело, небрежная прическа и обезоруживающая улыбка. Бьюсь об заклад, большинство девушек не смогли бы ему отказать. Да и зачем ему отказывать? Даже я не могу не признать, что предложение очень заманчивое. Кай — это что-то легкое и ни к чему не обязывающее. Теплый человек, способный отогнать плохие воспоминания. Но он не Нейзгани.

Правда заключается в том, что Кай может быть тем, кто мне нужен, но не тем, кого я хочу.

— Ты неправильно понял, Кай.

Он молчит несколько секунд, затем отвечает:

— Все возможно. Я про нас с тобой. По крайней мере, сегодня, если захочешь. Никаких обязательств. Просто… повеселились бы.

— Я… у меня есть кое-кто. Тот, кого я… — Я чувствую на себе его вопросительный взгляд: если у меня кто-то есть, то где он? Он слышал болтовню Ма’йи о Нейзгани. И наверное, как Ма'йи, он считает меня помешанной. Но надежда — это все, что у меня осталось.

Наконец я указываю на сундук, который стоит у меня вместо придиванного столика:

— Одеяла здесь. Застели себе сам.

— Можно спросить у тебя кое-что? — спрашивает он быстро, прежде чем я успеваю сбежать. — Ты вроде разрешила. Задавать вопросы, я имею в виду.

Действительно, разрешила. Но теперь жалею об этом.

— Спрашивай.

— Зачем ты его терпишь?

Вначале мне кажется, что он говорит о Нейзгани, но затем я догадываюсь, что он, должно быть, имеет в виду Ма’йи.

— Он не такой уж плохой, как ты верно заметил. Просто надо понимать, чего от него ждать.

— И что ты от него ждешь?

— Все эти разговоры о дружбе для него ничего не значат. Ма’йи — тот еще лицемер. С ним можно иметь дело, пока наши с ним интересы

совпадают, но как только ему станет выгодно — он повернется против тебя без раздумий.

— А ты ценишь дружбу, да?

— Конечно.

— В таком случае, возможно, мы могли бы стать друзьями, — предлагает он. — Просто друзьями, — поспешно добавляет он, заметив мой взгляд, — если ты не против.

На долю секунды я теряюсь. Это последнее, чего я ожидала, и у меня нет никакого ответа. Я вижу, как он открывает рот, видимо, намереваясь забрать свои слова обратно, но я не хочу, чтобы он это делал. Но и не знаю, как его остановить.

Громкий скребок в дверь заставляет нас обоих подпрыгнуть, но вслед за ним раздается низкий вой — явно собачий. Напряжение в комнате спадает, и теперь мы оба избавлены от необходимости что-либо говорить.

Кай тихо смеется. Проводит обеими руками по лицу, приглаживает волосы. Он открывает рот, будто хочет сказать что-то еще, но затем явно передумывает и меняет тему:

— М-да, как-то неудобно получилось. — Он оглядывает комнату с немного виноватым видом. — Наверно, выпить у тебя не водится? Виски, домашний самогон. Я не привередлив.

Мне хочется сказать ему, что мы могли бы стать друзьями, но вместо этого я отвечаю другое:

— Весь алкоголь, который у меня бывает, я «скармливаю» грузовичку.

— Жаль. — Он испускает горестный вздох и тяжело поднимается с кресла. — А как насчет батареек? Мы их еще не искали.

— На кухне есть ящик со всяким хламом.

Он опускает подбородок на грудь, словно на шее у него висит что-то тяжелое и невидимое, затем кивает.

— А потом сразу спать. Да?

Я пожимаю плечами, скрестив руки на груди.

Он бредет на кухню, и я наблюдаю за ним, пока он не исчезает за дверью. На мгновение задумываюсь, правильно ли я решила, отказав ему сегодня? Правильно ли решила насчет остального? Потом выкидываю эти мысли из головы, отлипаю от стены и иду кормить собак.

Когда я возвращаюсь назад, Кай уже убрал тарелки со стола и, верный своему слову, лег на диване, свернувшись калачиком под одним из моих одеял. Он лежит ко мне спиной, и я вижу только очертания его плеч и темные спутанные волосы. Я не знаю, спит он уже или нет, но он молчит, и я понимаю намек. Бросаю сумку из

библиотеки у двери, запираю дверь и выключаю свет.

В своей спальне за закрытой дверью я раздеваюсь до нижнего белья и забираюсь в постель. «Глок», прихваченный из грузовичка, я засовываю под матрас. В трейлер еще никто не пытался проникнуть, и я более чем уверена, что собаки предупредят меня заранее, если кто-то окажется на моей территории ночью, но с пистолетом под рукой как-то спокойнее.

Уснуть получается не сразу. Я прислушиваюсь к дыханию Кая через пустотелую дверь спальни. Постепенно оно становится глубже и ровнее и через некоторое время переходит в мягкий устойчивый храп. Я чувствую, что засыпаю, думая о том мире, в котором флирт — это весело, а дружба дается легко. Но даже во сне я не могу в него попасть.

Глава 16

Я бегу по склону покрытой соснами горы, преследуя что-то невидимое. Потом через скальный красный каньон. Потом по заросшему полынью плато. Везде только я и объект моей охоты. Единственные звуки — мое собственное напряженное дыхание и ровный темп шагов, когда я мчусь вдоль горы, через каньон, по плато. Единственное чувство — возбуждение от погони. Как обычно, моя добыча опережает меня всего на пару шагов. Она появляется на мгновение, затем снова скрывается в чаще деревьев, во впадине русла ручья, за изгибом пыльной тропы. Наконец я вижу цель, которая только что была затеряна в пейзаже и вдруг появилась, освещенная светом миллионов звезд, блеском полной луны, ярким солнцем пустыни. Я торжествующе ухмыляюсь, поднимаю дробовик скользкими от пота руками и, нажав на спусковой крючок, делаю смертельный выстрел. Удар, и моя добыча падает. Я бросаюсь к ней, на ветру за спиной колышется длинная шкура койота.

Оказывается, стреляла я в Кая. В груди у него

дыра — прямо насквозь. Глаза смотрят на меня с укором. Мокрые от крови губы приоткрываются, он хочет мне что-то сказать. Я наклоняюсь к его лицу, чтобы услышать. Или чтобы поцеловать.

Но у него лишь одно слово для меня:

«Чудовище!»

Я резко просыпаюсь и решаю, что хватит на сегодня снов. Воздух пронизывающе холодный. В моем трейлере нет обогрева, солнце еще не встало, поэтому холод горной пустыни проникает внутрь через пол и стены. Я одеваюсь, дрожа как от холода, так и от затянувшегося ужаса моего сна. Надеваю черные легинсы и хлопковую рубашку. Тщательно обматываю завязки мокасин вокруг икр почти до колена и заправляю внутрь свободные концы. Рассовываю по местам метательные ножи. Böker уже на поясе. Затем я натягиваю шерстяную шапку и перчатки без пальцев. Знаю, что днем начнет жарить солнце, но мне хочется тепла и комфорта уже сейчас.

Кай развалился на моем диване в гостиной — совершенно равнодушный к той жуткой смерти, которой я подвергла его в своем полуобморочном сне. Одна его нога в носке выскользнула из-под одеяла и лежит на полу, поскольку такие длинные конечности чрезвычайно трудно уместить на

моем маленьком диванчике. Руки он небрежно закинул за голову, и они теперь свисают с края.

Вчера он был красив, но сегодня стал еще красивее. Длинные ресницы покоятся над скульптурно вылепленными скулами. Черты лица разгладились во сне.

Но внезапно меня охватывает паника, что это тот самый Кай из моего сна — с кровавой дырой вместо сердца.

Я вздрагиваю так сильно, что чувствую боль в мышцах. Сглатываю горячий комок, рвущийся изнутри. Подхожу, протягиваю руку и трясу его за плечо:

— Эй, проснись!

Он не шевелится, и я трясу снова.

В этот раз он приоткрывает один глаз. Смотрит на меня так, будто пытается вспомнить, кто я, затем снова проваливается в сон.

— Пора вставать, — говорю я.

— Уже? — Он зевает, тяжело приходя в себя после пробуждения в незнакомом месте. — Сколько сейчас времени? Разве солнце уже взошло?

— Вставай. Я собираюсь разогреть остатки кофе.

Я действительно собираюсь, но как только оказываюсь на кухне, впадаю в какое-то оцепе-

нение. Солнце начинает выходить из-за гор, и первые лучи рассвета, проникнув в мое окно, падают на руки, упертые в столешницу. Я гляжу на свет, ползущий по коже. Мои смуглые пальцы покрыты крошечными порезами после схватки с *тсэ наайее*. Свежие раны дополняют мозоли и жесткие белые шрамы, полученные в предыдущих боях. Ногти у меня короткие и грубые. Они покрыты маленькими белыми точками, свидетельствующими о переломах пальцев и бог знает каких еще травмах, которым я их подвергла.

Травмы и шрамы. То, что у меня действительно хорошо получается. Я — тошнотворное уродство этого мира, как однажды выразился Длиннорукий. Подпитанные воспоминанием о недавнем сне, его слова обрушиваются на меня как лавина, и внезапно я начинаю ощущать всю нелепость мысли о том, что мы с Каем могли бы стать друзьями, не говоря уже о чем-то большем. Я чувствую, как начинаю шататься. Голова кружится от ужасного осознания, что стены вокруг меня начинают смыкаться.

— Мэгз?

Далекий зовущий голос отвлекает от того, что грозит нависнуть над моей головой и отправить в беспамятство.

— Мэгз!

Рука прикасается к моему плечу, и я резко оборачиваюсь. Инстинкты тренированного тела срабатывают быстрее разума. Я прижимаю Кая к стенке и приставляю нож к его горлу, прежде чем успеваю понять, кто я и где нахожусь. И что едва не натворила.

В ужасе я отшатываюсь назад. Бьюсь о кухонную стойку бедром с такой силой, что мне хочется взыть. Убираю нож быстрее, чем достала.

— Перестань меня так называть, — нелогично выпаливаю я. — Это не мое имя.

— Конечно, — отвечает он голосом совершенно проснувшегося человека. И очень испуганного.

Я отступаю еще дальше, мысленно оглядываясь и пытаясь нащупать твердую почву под ногами. Кай замер на месте и просто смотрит на меня блестящими глазами. Он бледен, виски покрылись потом, но руки свободно висят вдоль тела, и он не выглядит опасным. Чего нельзя сказать обо мне.

Я отступаю, пока не упираюсь в плиту. Повернувшись, щелкаю горелкой. Бормочу о кофе, поскольку вспомнила, что что-то говорила о нем раньше. Но голос мой звучит безумно, и я поспешно захлопываю рот.

Он все еще смотрит на меня, но удивление про-

шло, и я вижу, как страх в его глазах постепенно сменяется беспокойством. Но сострадание — это последнее, что я готова принять от него сейчас.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Пойду грузить машину, — бормочу я. — Проследи, чтобы кофе не сгорел.

Я не жду ответа. Просто выхожу из кухни и иду дальше, пока не оказываюсь на свежем воздухе.

Глава 17

— Ну и что это такое было?

Мы в грузовичке, едем обратно на юг в Тсэ-Бонито тем же путем, которым приехали сюда. Дробовик покоится на полочке, где ему и место. Я взяла с собой дополнительные патроны — как обычные, так и со специальными зарядами. Они упакованы в пачки по двадцать четыре штуки в каждой и спрятаны под сиденье. «Глок» я поместила в дверной карман. Сегодня мне кажется неразумным держать пистолет в коробке, откуда его будет непросто достать. Таинственная сумка Койота с кольцами засунута под водительское сиденье, а сумка Кая, полная CD-дисков, стоит у его ног.

Я не проронила ни слова с тех пор, как мы вышли из дома. Смущение, вызванное приступом паники, жжет, как пузырящаяся кислота на дне желудка. Я успокаиваю себя, что это из-за кровавых снов и воспоминаний, которые пробудил Койот, но все равно переживаю. Я понимаю, что иногда слишком близко подхожу к черте и со временем становится только хуже. Но Каю это

знать не нужно.

— По утрам у меня скверное настроение, пока не выпью чашку кофе, — пытаюсь я отшутиться.

— Охренеть!

Он не смеется, но выражение его лица скорее любопытное, чем сердитое. И, кажется, он не собирается выпытывать у меня истинный ответ. Я благодарно улыбаюсь ему, пытаясь выразить улыбкой извинение. Не сразу, но он дарит мне нечто похожее на улыбку в ответ.

— Знаешь, тебе необязательно делать это в одиночку.

— Что?

— То, что тебя пугает. Я сказал, что готов побыть твоим напарником, и это правда. — Его губы кривятся. — Даже несмотря на приставленный к горлу нож.

— Думаю, будет лучше оставить эту тему. Я ценю твое предложение, но… — Я качаю головой. По нынешним временам я не гожусь в партнеры такому уязвимому человеку, как Кай Арвизо.

— Значит ли это, что ты все-таки решила поработать на Койота?

Я удивленно хмурюсь:

— Откуда ты про это узнал?

— Койот намекнул вчера вечером, когда ухо-

дил. К тому же я подслушивал под дверью, прежде чем войти. Каньон-де-Шей. Нильх'и. Думаешь, у тебя получится?

— Ты правда подслушивал под дверью?

Часть чувства вины за то, что я чуть не зарезала Кая, бесследно улетучивается.

— Я еще и в сумку заглянул — в ту, которую оставил Ма'йи. Знаешь, мне кажется, я в курсе, что это за кольца. Я помню их по работам своего отца.

Все, больше я не чувствую себя виноватой. Пораженная такой наглостью, я скептически качаю головой:

— Я думала, ты спишь. Ты же храпел.

Он бросает на меня взгляд.

— Да ладно тебе, Мэгз. Это старый трюк из книжек. Если ты не хотела, чтобы я заглядывал в сумку, то нечего было ее бросать рядом с диваном.

— Я пустила тебя в свой дом как гостя. Нормальные гости так не поступают — не подслушивают под дверью и не роются в чужих вещах.

— Эй, это несправедливо! Я просто хотел узнать…

— А кто тебе давал на это право? Тебя что, мама не воспитывала?

— Мама умерла. — Его голос звучит достаточно буднично, но он отворачивается от меня и смотрит в окно. — Не смогла пережить Большую Воду.

Я вздыхаю. Гнев уходит, и я опять начинаю чувствовать себя какой-то мразью.

— Извини.

Он пожимает плечами и прочищает горло, будто подавившись чем-то твердым. Но голос его остается чистым.

— Она не единственная. Насколько я знаю, два миллиарда людей по всему миру не смогли спастись от Большой Воды. А потом погибло еще около ста миллионов. Довольно дерьмовое было времечко, да?

Я киваю. А что еще остается делать? Я никогда не отличалась эмпатией к другим людям.

— Мама поехала на восток на конференцию, — начинает рассказывать он. — В Вашингтон. Она была экспертом по традиционным ткацким ремеслам. Знала о них буквально все. Она консультировала на выставке в Смитсоновском музее, когда начались бури. Аэропорт перестал выпускать самолеты, и через несколько часов шоссе вдоль побережья оказалось полностью забито машинами. Ну ты помнишь, как это было.

Телефонные линии оказались перегружены и вышли из строя. Погас свет. — Он тихо и горько смеется. — Знаешь, я всегда говорю, что маму убила Большая Вода, но это не более чем предположение. На самом деле мы понятия не имеем, что с ней случилось. Мы просто знаем, что она никогда к нам больше не вернется.

— «Мы»?

— Я и папа. Он тоже был профессором университета. Ну я тебе уже рассказывал. Он так и не оправился после потери мамы. К тому времени, когда университет окончательно закрыли, он уже несколько месяцев не выходил на работу. Когда головорезы Уриосте начали собирать людей для рытья колодцев и водосборников в горах, он одним из первых вызвался в добровольцы. Собственно, с тех пор я с ним больше не общался. Вероятно, он решил, что я уже достаточно взрослый, чтобы жить самостоятельно. Потом я познакомился с другими ребятами, которые тоже остались без родителей. На какое-то время настал подростковый рай, если ты понимаешь, о чем я. Мы жили в заброшенных домах и обшаривали их в поисках полезных вещей. Подрабатывали то на одно Семейство, то на другое. Во всякой мелкой поденщине недостатка не было, поэтому

мы работали, когда было нужно, а все остальное время веселились. Секс, наркотики и рок-н-ролл!

Кай улыбается мне уже знакомой улыбкой, но глаза его остаются грустными.

— Те вечеринки с шампанским, о которых ты мне рассказывал?

— Ну да.

— И что же потом случилось?

— Как обычно — в конце концов все полетело к чертям собачьим. — Он проводит рукой по волосам. — Глупая история. Банальная до невозможности. Я совершил кое-что опрометчивое, в результате чего пострадали люди, о которых я заботился. И теперь Уриосте хотят моей смерти.

— Уриосте. Это та самая семья из Бурке?

— Семейство, — отвечает он. — Ага.

Его откровения повисли между нами в воздухе. Я понимаю, что он пытается загладить вину за прошлую ночь, поделившись чем-то для себя важным, чтобы восстановить доверие. Я ценю это, но не собираюсь отвечать тем же. Хотя извиниться за сегодняшнее утро, пожалуй, стоит.

— Насчет утра, Кай. Ну я про нож и все такое…

— Все в порядке. Я понял. Не надо было тебя трогать. Этого больше не повторится.

— Нет, дело не в этом…

Он склоняет голову набок и смотрит на меня.

— Все нормально. И я нормально. Должен сказать, извиняешься ты ужасно. Просто забудь об этом, ладно?

Я сглатываю с неожиданным облегчением.

— Ладно.

— А у тебя есть своя история про Большую Воду? — спрашивает он.

— Ты ее уже знаешь.

— Ты про то, что случилось с твоим наставником Нейзгани? Койот явно им интересуется.

— Он на нем помешан, — соглашаюсь я.

— А что было до него? Чем ты занималась раньше?

— Все, что было до него, не имеет никакого значения.

Кай хмурится.

— Что-то мне не верится. Разве у тебя не было семьи? Братьев, сестер?

Мой голос остается таким же ровным, как обычно:

— Меня воспитывала моя *нали*. Пока не умерла. Затем я стала жить с Нейзгани.

— А потом?

— Потом он ушел. Конец истории.

— О да. Мне знакомо это чувство.

Я хочу ему сказать, что он понятия не имеет, что я на самом деле чувствую, но потом вспоминаю историю о его отце. И молчу.

— В наше время у каждого есть своя слезливая история, да? Порядком поднадоело это депрессивное дерьмо. Давай лучше поговорим о чем-нибудь хорошем.

Он хитро подмигивает мне, и я невольно улыбаюсь.

— Что ты желаешь обсудить? Единорогов? Радугу? Мир во всем мире?

— А что это такое?

— Ты никогда не слышал про лозунг «миру — мир»?

— Нет, что такое там — прямо перед нами!

Мы с Каем смотрим, как полдюжины фигур выплывают из утреннего тумана в пятидесяти ярдах впереди нас. Не монстры, насколько я могу судить. По крайней мере, не те, за которыми мы охотимся. Эти чудовища больше похожи на людей.

— Это люди, — говорю я Каю, и он садится чуть прямее, чтобы лучше видеть.

— Бандиты? — спрашивает он.

— Скоро узнаем.

Я раздумываю, не ускориться ли и не протара-

нить ли себе путь, но вместо этого убираю ногу с педали газа. Покрутив ручку, немного опускаю стекло окна. Где-то вне поля зрения раздается громкий стрекот мотоцикла. И не одного. Без сомнения, они ждут, что я начну от них убегать. Но я не дура. Бегство только даст им повод для преследования.

Люди, окружившие со всех сторон грузовичок, носят армейские ботинки и синюю военную форму. Лица до самых глаз закрыты черными банданами со знакомым рисунком: нижняя половина человеческого черепа с белым контуром челюстей и штакетником из зубов, ярко выделяющимся в лучах утреннего солнца.

— Это не бандиты, — говорю я Каю, — но все равно приятного мало.

— Ты их знаешь?

— Немного. Знаю их главаря.

— У них огромные пушки.

— «АК-47», — соглашаюсь я. — Но они не хотят стрелять, иначе бы в нас целились. Молчи, говорить буду я.

— Конечно, — отвечает он, но как-то не очень уверенно.

— Это *«дибаа ашшике»*, — поясняю я.

— «Жаждущие»? И чего же они жаждут? — Он

медленно моргает, словно собирается с духом. — Надеюсь, не крови?

— По-всякому. Но в основном дорогие товары. Золото, воду, контрабандное спиртное. Они наемники, поэтому жаждут то, что ты им заплатишь. Однажды я работала с ними. Собирала пожертвования. Их главарь *Хастиин*[54] со мной знаком. Мы вроде как друзья.

В этот момент ближайший солдат поднимает оружие и направляет на меня, словно желая доказать, что я ошибаюсь.

Кай громко вздыхает и надевает свои очки.

— Ты в этом уверена?

---

[54] Примечания: 54
Господин (*íàâàä.*).

Глава 18

Один из Жаждущих приказывает съехать с дороги. Сопротивляться нет необходимости. Во-первых, у них превосходящая огневая мощь, во-вторых, мне самой интересно, зачем они нас остановили. Юноша, велевший встать и заглушить двигатель, больше ничего не говорит. Просто приказывает оставаться на месте и ждать.

Наконец появляется сам Хастиин, одетый так же, как все остальные, — синяя военная форма, большие черные ботинки, бандана с черепом, свободно висящая на шее. В рассветных лучах его худое лицо выглядит сурово — острые скулы, глубокие тени, коротко стриженные волосы и суточная щетина. Ходят слухи, что он воевал на фронтах Энергетических Войн и даже более того — был одним из первых защитников лагеря протестующих против Трансконтинентального Трубопровода и лично видел первые массовые убийства. Говорят, он вдохнул изрядную порцию нервно-паралитического газа, в результате чего в его мозгу что-то разрушилось, и с тех пор он не

может до конца контролировать свое тело. Даже теперь его пальцы рассеянно барабанят по моему окну, в то время как все внимание сосредоточено на нас.

— Хастиин, — приветствую я его.

Его глаза даже не смотрят в мою сторону. Вместо этого он разглядывает Кая, а меня будто не замечает. Он представляется ему, протягивая худую, покрытую шрамами ладонь.

Кай бросает на меня вопросительный взгляд, прежде чем наклониться со своего сиденья и пожать ему руку.

— Кай Арвизо.

— Красивый у вас галстук, Кай. Едете на праздник? — Его голос скрежещет, как шина по рыхлым камням.

Кай поднимает свой галстук в серебристую полоску, смотрит на него, потом отпускает.

— Спасибо. Формальный повод был вчера. Ну и мне просто нравятся галстуки.

Хастиин кивает.

— Простите, что задерживаю вас, но мои пацаны получили несколько донесений о странных событиях, происходящих в долине. Мы посчитали своим долгом предупреждать людей, которые проезжают мимо.

— Странные события? — спрашиваю я. — Какие еще странные события?

Хастиин отвечает, по-прежнему глядя только на Кая:

— Кажется, примерно в часе езды отсюда на север, возле Лукачикая, было замечено чудовище. Оно убило девочку. Более того, ходят слухи о других подобных монстрах, бродящих по горам.

Кай хмурится. Переводит взгляд между нами обоими, пытаясь понять, почему Хастиин так упорно делает вид, будто меня здесь нет. Я с отвращением качаю головой, но Хастиин продолжает меня игнорировать. Он одаривает Кая блеском оскала, который, как ему кажется, должен означать улыбку.

Кай жестом указывает на меня:

— Вы в курсе, что Мэгги сидит рядом?

— Боюсь, мне придется попросить вас остаться с нами на некоторое время. Думаю, это займет не больше часа. Мне ужасно неприятно причинять вам неудобства, но я выслал вперед разведгруппу, и пока они не вернутся, я не смогу пропустить вас дальше.

— Очень мило с вашей стороны, — говорит Кай.

— Не вижу в этом ничего «милого». Просто не

хочу подвергать своих людей опасности, высылая их к вам на помощь, если вы попадете в беду. И не могу позволить вам кормить монстров и тем самым поощрять их, если вы понимаете, о чем я. — Еще один блеск зубов. — Так что, если вы прислушаетесь к моей маленькой просьбе, я буду очень признателен.

Я давлю в себе желание продемонстрировать отвращение, вызываемое непомерно напыщенными манерами Хастиина, и говорю:

— Мы знаем об этих проклятых монстрах. Одного я лично убила возле Лукачикая, в то время как твои пацаны отказались туда идти. И мы видели своими глазами, что они устроили в Краун-Пойнте. Так что я лучше, чем кто-либо, знаю, с чем вы имеете дело. Если бы у тебя была хоть капля мозгов, ты бы просто расспросил меня, а не устраивал тут цирк.

Хастиин все еще смотрит на Кая, будто я ничего не сказала, и мне приходится сложить и крепко держать руки на коленях, чтобы случайно его не ударить. Проходят секунды, в течение которых Жаждущий даже не моргает. Но его напряженные пальцы крепко вцепились в край моего окна, и это единственный верный признак того, что он меня услышал.

— Какой же ты козел, — бормочу я.

Затем откидываюсь назад и, вперив взгляд в потолок кабины, прошу небеса помочь мне переубедить людей, у которых задницы вместо голов. Я почти уверена, что никакой помощи не будет, но чувствую необходимость выговориться хотя бы мысленно.

Глаза Кая немного расширяются. Он медленно кивает Хастиину.

— Ценю вашу заботу. Но я вполне уверен в Мэгз и полагаю, мы сможем справиться самостоятельно. Так что, думаю, нам пора ехать.

— А еще получено донесение о пожаре к югу отсюда, в Тсэ-Бонито. Немаловероятна эвакуация. Так что будет лучше, если вы развернетесь и поедете назад.

Я резко сажусь прямо.

— Пожар?

Тах в Тсэ-Бонито! Конечно, шансы на то, что пожар имеет какое-то отношение к старому знахарю, невелики. Он в самом центре города, в окружении друзей, которые могут ему помочь. Скорее всего, пожар случился в зарослях вдоль автострады. Достаточно распространенное явление. Но в такую засуху даже такой пожар достаточно опасен, так что хотелось бы успеть

проскочить раньше, чем он перекинется через дорогу и отсечет нас от той стороны гор.

— Едем, — говорю я Каю и тяну руку к ключу зажигания.

Рука Хастиина быстро, как змея, выстреливает вперед и хватается за руль. Теперь он смотрит на меня жестким бескомпромиссным взглядом.

— Боюсь, ничего у вас не получится.

— О, ты все-таки решил со мной поговорить? — раздраженно кричу я.

Мускул на его щеке дергается.

— Послушай, — говорю я, изо всех сил сдерживая раздражение и собирая в кулак все самообладание, — если в Тсэ-Бонито пожар, то мы обязательно должны туда попасть.

Кажется, я говорю вполне разумно.

Он отрицательно качает головой:

— Слишком рискованно.

— Слишком…

— Вы должны отпустить нас, — вмешивается Кай. Он снимает очки и наклоняется к Хастиину, не отводя от него взгляда. — Нам нужно ехать, и вы должны нас отпустить. Мы не создадим вам проблем. Пожалуйста.

Хастиин подносит руку к щеке и скребет пальцами по щетине. Рот его открыт, и он смотрит

на Кая, словно собираясь что-то сказать. Но в конце концов губы его сжимаются, он отходит от грузовичка и, не говоря больше ни слова, машет рукой вперед.

Я быстро завожу двигатель, пока он не передумал, и трогаюсь с места. Проезжаю мимо всех наемников с их «огромными пушками».

— Я ведь действительно думала, что он нас задержит, — бормочу я, разглядывая Жаждущих, мимо которых мы проезжаем. Мужчины, привыкшие исполнять приказы, смотрят на нас со скучающими выражениями лиц.

— Иногда достаточно использовать волшебное слово, — говорит Кай, беспечно откидываясь на спинку сиденья. Он оглядывается и смотрит через плечо на стоящего там Хастиина. Когда он поворачивается обратно, я замечаю легкую улыбку на его устах. Вдруг он хлопает по передней панели грузовика, заставляя меня вздрогнуть. — Ну и что ты думаешь?

— Я думаю, всем плевать, когда я говорю «пожалуйста».

— Нет, насчет донесений о наличии монстров. Может, стоит вернуться в горы? Поискать там разведгруппу, о которой он упоминал?

Я отрицательно качаю головой:

— Если заметим монстров, то убьем их. Но я не хочу терять время на проверку любого сомнительного слуха, когда у нас есть зацепка, которая может привести к источнику. Поиском чудовищ пусть занимаются Жаждущие. А мы пока разыщем колдуна, который их создает. Преследовать монстров — все равно что ломать ветви деревьев, в то время как нужно отпилить весь ствол целиком.

Он смотрит на меня с каким-то трудноуловимым выражением.

— Чего?

— Ничего. Просто я впечатлен.

— А ты что, решил, что я всегда сначала стреляю, а потом думаю?

— Вообще-то да.

— Ну спасибо!

Он смеется. И я тоже улыбаюсь, чувствуя, как тает между нами часть прежнего напряжения.

— Значит, ты считаешь, что пожар, о котором он упомянул, — это то, о чем нам следует беспокоиться? — спрашивает Кай.

— Пожалуй, нет.

Он ерзает на сиденье.

— Да, ты права. Но ты не против, если мы все-таки заскочим к моему дедушке? Мы же все равно

собирались заехать в Тсэ-Бонито за батарейками.

Предупреждение Длиннорукого о том, что мне следует держаться от Тсэ-Бонито подальше, должно было заставить меня задуматься, но угрозы Псов-Законников никогда не имели для меня слишком большого значения. Будем осторожны и постараемся не попасться им на глаза. Кроме того, если там в самом деле пожар, то у Псов наверняка будет полно дел.

Кай вздрагивает и вдруг начинает растирать себе руки.

— Что случилось?

— Ты когда-нибудь испытывала озноб, будто на тебя из могилы пахну́ло? Уверен, что ерунда, но… — Он снова вздрагивает.

Я ничего не отвечаю, но немного поддаю газа.

После этого мы долго молчим, погруженные каждый в свои мысли, пока Кай не говорит:

— Так и что ты натворила, что Жаждущий на тебя так вызверился?

Я закатываю глаза.

— Этот человек способен лелеять обиду до конца времен.

— Кроме шуток. Вчера я думал, Пес-Законник тебя ненавидит, но этот парень…

— Ну да. — Я машу рукой в воздухе, будто наша

встреча с Жаждущим оставила туман, который необходимо развеять. — Меня все ненавидят. Я уже поняла.

— Что ты сделала ему плохого?

— А с чего ты решил, что я вообще что-то делала? — спрашиваю я слегка возмущенным тоном.

Он хихикает.

— Я знаком с тобой всего двадцать четыре часа, но уже понял, что у тебя есть дар выводить людей из себя. Ты хочешь сказать, что *вообще* ничего не делала?

— Ну хорошо. Я задолжала ему немного денег несколько месяцев назад. Я про тот сбор пожертвований, о котором говорила. Это долгая история и, по моему мнению, абсолютно дурацкая, но он никак не может ее забыть.

Кай задумчиво кивает.

— Ты все ему вернула?

— Вернула? Нет, это так не работает. С пожертвованием не сложилось, поскольку ситуация вышла из-под контроля. На самом деле я ничего ему не должна.

— Но ты же сказала…

— Я оговорилась. Забудь.

— Может быть.

— В смысле «может быть»?

— Может, забуду. — Он пожимает плечами. — А может, помогу тебе решить проблему.

— Прошло уже шесть месяцев. Как ты можешь помочь?

— Предоставь это мне.

— Если ты собираешься ему платить…

— Нет, ничего подобного. Я просто с ним поговорю.

— Поговоришь? Возможно, ты и смог вчера «забить баки» Длиннорукому своей чепухой, но Хастиин — совсем другое дело. Он не такой идиот, как этот Пес-Законник. Он… настырный. Упрямый, как сатана.

— Ага, я уже понял. Не переживай за это. Черт! Гляди!

Я смотрю в направлении его взгляда через ветровое стекло. Мы подъезжаем к Тсэ-Бонито, свернув с Шоссе 134. Перед нами клубится густой черный дым, отравляя собой безупречно голубое небо.

— Что это?.. — шепчет он, пока я медленно подползаю на своем грузовичке. Это точно не пожар в зарослях. — Неужели…

Предчувствие затапливает все мое тело. Живот болезненно сжимается, кровь с ревом проносится внутри головы. Огонь поднимается из самого

сердца лабиринта магазинов, примерно с того места, где живет Тах.

— Ой… — слышу я свой голос будто со стороны.

Голос Кая звучит за миллион миль отсюда, словно завернутый в хлопок, лежащий на самом дне самого глубокого колодца:

— Кажется, хоган Таха горит…

Глава 19

Я подъезжаю к тому месту, где вчера стоял хоган Таха. Или как можно ближе к нему. Псы-Законники перекрыли главную улицу Тсэ-Бонито бело-синими ко́злами с надписью «ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОГРАЖДЕНИЕ» и организовали объезд по двухполосным дорогам, уходящим на восток и запад вокруг города.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не протаранить это ограждение и не проехать прямо к дверям дома Таха. Тихий внутренний голос умоляет меня сохранять спокойствие, глубоко дышать и думать. Но руки дрожат так сильно, что я едва удерживаю руль. Дыхание мое короткое и прерывистое, а все мысли черны как смоль.

Дюжина Псов в форме ОГПП цвета хаки стоят возле полицейского барьера, нервно теребят пистолеты на ремне и бросают тревожные взгляды в сторону пламени. Горожане собрались толпой на склонах главного шоссе, сгрудившись подобно стопке кукурузных лепешек, — копы, граждане, автомобили сдавились вместе, чтобы поглазеть на языки пламени, вспыхивающие над крышей

хогана Таха, и на облако черного дыма, поднимающегося к небесам. Все мы вытягиваем шеи, чтобы получше рассмотреть следы катастрофы.

Все, кроме одного человека, стоящего спиной к огню. Вместо того чтобы глазеть на пожар, он внимательно оглядывает толпу, изучая лица и запечатлевая в памяти подозрительных прохожих.

— Длиннорукий, — шепчу я.

— Чёрт!

Голос Кая напряжен и в этот раз звучит совершенно серьезно. Он тоже смотрит на Пса-Законника. Вероятно, вчерашняя стычка оставила такой же глубокий след в его памяти, как и в моей. На Длинноруком ковбойская шляпа и темные очки, так что я не могу разглядеть его глаз, но меня не оставляет чувство, что он ищет в толпе меня.

Я заставляю себя ехать дальше, пока не оказываюсь примерно в четверти мили[55] от баррикады. Слева от меня даже не сам Тсэ-Бонито, а пыльная земляная ярмарочная площадь, заброшенная и пустынная в это время года. Справа — ряды овечьих загонов из ржавых железных листов. Сейчас они временно пустуют, поскольку общинные стада в этот час выводят на выпас. Я сворачиваю

---

[55] Примечания: 55
400 метров.

к загонам. На одну лишнюю машину никто не обратит внимания, поскольку овец пригонят обратно только к ночи.

Заехав на стоянку, я глушу двигатель. Влажный травяной овечий запах доносится к нам через открытое окно, и этот сладкий знакомый аромат перекрывает вонь от горящего дерева и раскаленного металла.

Мы сидим внутри некоторое время, наблюдая за клубящимся дымом, а потом Кай говорит:

— Пойду разузнаю, что происходит.

Я протягиваю руку назад и беру дробовик. Только прикоснувшись к оружию, мои руки вновь становятся твердыми, а голос в голове начинает успокаиваться.

Кай замирает, положив руку на дверь. Брови хмуро сдвигаются.

— Ты что задумала?

— То же, что и ты. Пойду задам пару вопросов.

— С дробовиком?

— У тебя есть идея получше?

— Конечно. И не одна.

Я открываю рот, чтобы высказать все, что я думаю о его «идеях», как вдруг мой взгляд падает на тусклый черный корпус «глока». Я задумываюсь. Конечно, мне больше нравится мой дробовик

— он дальнобойный и страшный, а я никогда не отличалась утонченностью, — но и скрытность имеет свои достоинства. Я помню о наличии бдительных полицейских, поэтому кладу дробовик обратно и сую «глок» в карман своей кожаной куртки.

Кай наблюдает за моими манипуляциями.

— По крайней мере, позволь мне пойти первым. Попробую поговорить с ними, прежде чем ты развяжешь бойню.

— Нет, — бросаю я агрессивно и резко. — Вчера я уже позволила тебе говорить, посмотри теперь, к чему это привело.

Я открываю водительскую дверь и выхожу наружу. Горелый запах становится еще сильней. Земля под ногами твердая, но мне кажется, что она может расколоться и поглотить меня в любой момент.

— Да, вспомни, к чему это привело. — Теперь он тоже злится. — Я вытащил нас оттуда, и никто не пострадал.

— Никто? А это, черт возьми, что такое?

Я проклинаю себя за то, что оставила Таха одного. Он старик, у которого даже ружья нет. Я была поглощена своей враждой с Длинноруким и почему-то уверена, что охотится он именно за

мной. Когда, как не теперь, позволить Каю взять верх и поговорить с ним о путях отступления.

— Мэгги!

Я резко оборачиваюсь к Каю.

— Вчера ты заключил какую-то сделку с Длинноруким. О чем именно?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что Пес ни за что не позволил бы нам уйти просто так. Длиннорукий был готов стрелять, а в следующую минуту ты сказал, что он нас отпускает. О чем ты с ним договорился?

Кай нервно облизывает губы.

— Все было совсем не так.

— Да хрена с два «не так». Я все видела собственными глазами. Что ты ему предложил? Таха? Ты обменял его на нашу свободу?

Я выкрикиваю эти слова, безотчетно сжимая в кармане «глок». Я знаю, что они звучат безумно, но Тах — это все, о чем я могу сейчас думать. Один. Напуган. Возможно… о господи!

— Что? Нет! Это же полный бред. Ты видела, как я с ним разговаривал. Ты же была рядом все это время. Зачем бы ему вообще понадобился Тах?

— Ты мне расскажи.

— Эй, мы же на одной стороне. Я на твоей стороне. За какое чудовище ты меня принимаешь?

Мой голос остается холоден, когда я ему отвечаю:

— Я еще не знаю, чудовище ли ты. Но у меня такое предчувствие, что я это выясню.

— Господи! — бормочет он. — Послушай, что ты несешь. Я не стал бы делать ничего такого, что могло бы навредить моему родному дедушке.

— Тогда как же, черт возьми…

— Я умею пользоваться словами, ясно? Люди слушают меня. Как твой друг Хастиин, например. И Длиннорукого я тоже заставил выслушать. Это не так гнусно, как тебе кажется. Он хотел историю, я дал ему историю. Про Хуана Круза и все такое. Вот и все. Поверь мне. Вот! И! Все!

Я слушаю его и понимаю, что он прав. Псам плевать на дедушку Таха. Кай рассуждает вполне логично. Но я также чувствую, что он *лжет* мне о чем-то важном. Только я не могу понять, о чем именно.

Руки начинают снова дрожать, и адреналин в крови требует дальнейших действий, но я продолжаю смотреть на пылающий хоган и пытаюсь вспомнить, как надо правильно дышать.

— Мы даже не знаем, мертв ли он, — тихо говорит Кай и подходит ко мне. Достаточно близко, чтобы прикоснуться. Какой бесстрашный. — Поз-

воль мне хотя бы поговорить с ними, выяснить, что случилось. Я смогу. Я заставлю их себя выслушать. Пожалуйста.

Но не это «пожалуйста» заставляет меня передумать, а мысль о том, что Тах может быть еще жив. Такая возможность мне даже не приходила в голову.

Непрошеные образы теснятся в моем разуме, и я пытаюсь вытряхнуть их из головы. Я вижу перед собой Таха, запертого в своем хогане, пока пламя поднимается вокруг него, охватывает кухню, облупленный стол от «Формики», синие жестяные кофейные кружки. Я вспоминаю его нелепый танец, когда он решил поразить меня сахаром, и то чувство, когда он назвал меня дочерью.

Дочь.

Это слово многое значит для навахо. Это одновременно и семья, и ответственность. Моей обязанностью было охранять Таха, и я потерпела сокрушительный провал в том, что было важнее всего.

— Кто-то должен умереть, Кай, и я должна быть той, кто убьет.

Произнося эти слова, я смотрю на него в упор. Надеюсь, он поймет, что сейчас я его умоляю. Глаза Кая немного расширены, лицо серьезно.

Я не могу сказать, о чем он думает, но вряд ли о чем-то хорошем.

— Дай мне пятнадцать минут, — говорит он. Потом тянется ко мне рукой, но останавливается, словно побитая собака. Рука падает вниз. — Это все, о чем я прошу. Давай я попробую все выяснить, и если это будет похоже на… если окажется, что все плохо, тогда мы решим, что делать дальше. Всего пятнадцать минут, — повторяет он.

Я смотрю на его руку — ту, что почти меня коснулась. И тут в мою голову приходит самая неожиданная в такой ситуации мысль: Койот был прав насчет того, что у Кая красивые руки.

— Даю десять.

Мы оставляем грузовик на стоянке. Я осторожно озираюсь, прежде чем перейти через дорогу под укрытие низких строений, стоящих вдоль ярмарочной стороны шоссе. Кай следует за мной неотступно.

— Ну и каков план? — спрашиваю я через плечо.

— А ты можешь не попадаться им на глаза? Если Длиннорукий тебя заметит, то весь план полетит к черту.

Я помню вчерашнее выражение лица Пса и его железную готовность убить меня, если он будет

знать, что это сойдет ему с рук. Не попадаться ему на глаза — это самое лучшее, что я сейчас могу сделать.

— Еще раз попробую зайти к нему через Хуана Круза — просто ради информации.

— Думаешь, это умно?

— А что он сможет сделать? Слишком много людей вокруг. Помнишь, как он вел себя вчера? Он слишком боится толпы.

Я поднимаю брови и смотрю на него, пока он не отступает от меня на шаг.

— Эй, — говорит он с усмешкой, — я не просто парень со смазливой внешностью.

Я игнорирую его развязный тон.

— Десять минут, — напоминаю я ему. — Буду держаться сзади толпы. Я не смогу все время следить за тобой, поэтому, как только что-нибудь выяснишь, иди… — Я озираюсь. Справа от меня, в дюжине футов[56] от дороги, стоит заброшенная закусочная. — …Туда! Если не вернешься через десять минут, я пойду тебя вызволять. Никаких других шансов не будет. Попадешь к ним в лапы — и они покалечат тебя, Кай. Уж будь в этом уверен.

---

[56] Примечания: 56
Примерно 3,5 метра.

Он одаривает меня своей высоковольтной улыбкой, словно я не сказала ничего особенного. Что ж, остается только надеяться, что он понимает, что делает.

Мы идем к основной массе зевак. Мужчины, женщины, большинство в халатах или пижамах, лохматые или с заплетенными на ночь косами — все выглядит так, будто люди одевались в спешке или в темноте. Примерно три десятка человек топчутся на месте, тихо разговаривая с соседями или просто наблюдая за огнем. На нас никто не оглядывается. Я машу рукой Каю, чтобы он шел дальше, а сама замедляю шаг. Начинаю маневрировать в толпе, слившись с нею без всяких проблем.

Слегка замедлившись, Кай продолжает решительно шагать вперед, направляясь прямо к оцеплению цвета хаки. Я вижу, как он бормочет себе что-то под нос и слегка жестикулирует, словно репетируя реплики.

В Тсэ-Бонито снова становится жарко. Солнце светит немилосердно, а пожар еще более усиливает и без того ужасную жару. Я начинаю потеть под своей шерстяной шапкой. Но приходится терпеть. Сейчас это самая лучшая доступная мне маскировка. Я натягиваю шапку поглубже и

низко склоняю голову, чтобы как можно лучше слиться с толпой. Я скучаю по своему дробовику, но в кармане успокаивающе близко лежит незаметный «глок», и его вполне достаточно. В течение нескольких мгновений меня полностью затягивает в толпу бормочущих зевак. Ничего особенного — просто еще одна девушка пришла посмотреть на огонь.

— Говорят, был взрыв, — произносит женщина справа от меня.

Она одета в туго подпоясанный старый красный халат, ставший розовым от времени. На ногах — пара желтых пластиковых шлепанцев не по размеру, с которых сзади свисают пятки. Она качает головой влево-вправо, пытаясь получше рассмотреть происходящее и одновременно сплетничая с ближайшим соседом.

— А я слышала, что была молния, — присоединяется к разговору другая женщина, оглянувшись через плечо.

Я резко поднимаю голову. Удар молнии. Нейзгани.

— Прямо туда, в центр города! — продолжает женщина. — Вы слышали гром?

— Скорее всего, хулиганы, — возражает какой-то мужчина снисходительным тоном. — Здесь

полно всяких банд, разве нет?

— Никогда не видел здесь никаких банд! — возражает его спутник.

— Ну не знаю… Люди говорят другое.

Я сглатываю кислый комок, образовавшийся в горле. Все, что они говорят, не имеет никакого смысла.

Еще один голос, чуть дальше. Он такой тихий, что я почти его не слышу:

— Говорят, сгорел дом, в котором жил старик.

Несколько голов оборачиваются.

— Тот знахарь, что ли? — спрашивает женщина в халате и встревоженно отстраняется. — На днях он заходил ко мне в магазин.

— Вы его видели? — выпаливаю я прежде, чем успеваю опомниться. — Кто-нибудь знает, удалось ли ему выбраться? До того, как сгорел его дом.

Женщина, которая интересовалась громом, таращит на меня глаза. Она начинает внимательно разглядывать меня, не упуская ни одной детали. Ее взгляд будто рвет что-то внутри моей груди.

— Его никто не видел, — тихо говорит она.

Я отступаю от нее на шаг. Еще шаг. И еще. Пока не натыкаюсь на кого-то спиной. Тогда я поворачиваюсь и бормочу извинения. Опустив голову,

пробираюсь через толпу тем же путем, которым пришла. Теперь людей стало больше. Их слишком много. Толпа выросла почти в два раза, и все стоят и таращатся. Мне приходится силой пробиваться через толпу. Я врезаюсь в чье-то плечо и уворачиваюсь от локтя. Я начинаю сильнее потеть — паника, испытанная с утра, дает о себе знать. Я заставляю ее отступить, заставляю себя дышать и двигаться. «Продолжай двигаться, продолжай двигаться», — говорю я себе, пока почти не перехожу на бег. Наконец толпа заканчивается.

Спотыкаясь, я выхожу на одну из узких грязных улочек Тсэ-Бонито. Меня немного пошатывает, но я снова могу дышать, к тому же здесь просторнее. Улица, на которой я очутилась, совершенно пустынна. Ряд темных трейлерных окон и фанерные хижины тянутся вперед на сотню ярдов, но, к счастью, людей нет. Закусочная, которую я заранее приметила, стоит справа. Это три низких стены и длинная прямоугольная кухня в глубине. Одно из тех семейных заведений, которые строят, чтобы продавать еду в оживленные торговые дни или на ежегодные ярмарки. Я упираюсь ногой о фанерную стенку, берусь за опорный столб и переваливаюсь внутрь. Оказавшись внутри, я сажусь на корточки, привалившись спиной к

низкому прилавку, и подтягиваю к себе колени. Потом закрываю глаза и считаю до десяти. После чего считаю еще раз. Пока не проходит чувство паники.

Я знаю, что здесь нельзя оставаться. Надо двигаться. Но в какую сторону? Куда?

Нужно вернуться к Каю. Десять минут уже истекли, и он либо уже знает, что случилось с Тахом, либо его ведут в тюремную камеру. Я делаю глубокий вдох и снова переваливаюсь через прилавок. Больше нельзя заигрывать с толпой. Надо найти другой путь, поэтому я решила срезать дорогу через город. Возможно, я смогу увидеть хоган Таха и обойти баррикаду с внутренней стороны, чтобы посмотреть, там ли еще Кай.

Опустив плечи и сильно сгорбившись, я ныряю между зданиями, затем бесшумно крадусь сквозь дым и опустевший город к хогану Таха. Огонь здесь громче, он ведет себя как живое существо. Дым собирается вокруг меня, словно туман. Я бреду дальше, уткнувшись носом в ворот рубашки, и делаю неглубокие вдохи, чтобы не надышаться угаром. Глаза мои слезятся, но я все равно щурюсь вдаль, стремясь увидеть Кая.

Наконец я его замечаю. Эти ярко-фиолетовые и бирюзовые пятна в дымном воздухе невоз-

можно не узнать. Но он не один. Рядом с ним Длиннорукий, и они куда-то идут. Одна рука Пса-Законника перекинута через плечо Кая в дружеском объятии.

Значит, я была права. Кай действительно заключил сделку.

Глаза мои темнеют от ярости. Руки сжимаются. Я вспоминаю утреннее ощущение прижатого клинка к его горлу и пульсацию его сердца под моей рукой. Как просто было немного надавить, чтобы из его горла потекла кровь. И резать, пока он не захлебнется собственной кровью и не посмотрит на меня мертвыми глазами — как в моем сне. *К'ааханаании* начинает мурлыкать прелюдию.

Я устремляюсь вперед прежде, чем успеваю подумать, уже сжимая в кармане «глок». Вижу, как Кай спотыкается, и Длиннорукий напрягает объятия, чтобы не дать ему упасть. Что-то ярко-серебристое вспыхивает в дымном воздухе, и я останавливаюсь. Вот еще раз. Кай держит что-то в руке. Нет, не в руке. Оно надето ему на запястье. Он в наручниках, и Длиннорукий волочит его за собой — почти теряющего сознание.

Я проклинаю себя за идиотизм и готовность увидеть предательство на каждом шагу — даже

в тех случаях, когда в этом нет никакого смысла. Именно это пытался растолковать мне Кай.

Я смотрю, как они сворачивают в узкий переулок между продуктовыми лавками, и спешу за ними следом. Затем снова замечаю их на середине улицы, покрытой падающим пеплом. Вижу, как Кай пошатывается в опасной близости от Длиннорукого и вновь спотыкается, после чего Пес-Законник вновь поднимает его на ноги. Я теряю их из виду, когда они резко поворачивают направо и исчезают за обшитой жестью хижиной. Я задумываюсь. Если я пересеку дорогу следом за ними, я стану на какое-то время уязвимой. Но если стану ждать слишком долго, они могут окончательно потеряться из виду, и в следующий раз я, возможно, увижу Кая только по ту сторону стены тюремной камеры. Или еще что похуже.

На мгновение на меня находит искушение позволить им исчезнуть в тумане. Пусть Кай разбирается с Псом-Законником без меня. Я напоминаю себе, что Кай Арвизо не моя проблема, и вообще — я едва его знаю. Но потом вспоминаю, с какой гордостью Тах называл своего внука «великим целителем» и как хвастался, что тот может вылечить всю Динету. Даже если Тах ошибался, он доверил мне безопасность Кая. И, черт возьми,

сам Кай хотел стать моим другом.

Поэтому я опускаю голову и быстро перехожу через дорогу, беспрестанно оглядываясь.

Затем сворачиваю за угол хижины.

И замираю на месте.

Я с ужасом вижу, как в двадцати ярдах от меня Длиннорукий поднимает массивный кулак и готовится ударить Кая в затылок. А тот даже не знает об этом.

Резкий удар гнет его шею вперед, подбородок врезается в грудину. Кай спотыкается и пытается поднять руки, но они скованы у него за спиной. Длиннорукий не дает ему времени прийти в себя. Он обходит Кая вокруг и хватает его голову обеими руками. Затем сильно бьет Кая лицом о колено. Голова откидывается назад с такой силой, что на мгновение кажется, будто позвоночник Кая прогнулся назад. Ноги его слабеют, и он падает в сухую грязь. Голова ударяется о пыльную землю с такой силой, что сразу отскакивает.

Длиннорукий отставляет назад ногу, обутую в окованный сталью ботинок. И бьет раз, другой, третий, четвертый Кая под ребра и по почкам. Тело Кая дергается и вздрагивает как тряпичная кукла.

Я тупо смотрю на это, ошеломленная внезапной

вспышкой насилия.

Единственное, что мой мозг способен воспринять, — это то, что Кай не издал ни звука. Его жестоко избивает человек вдвое его крупнее, а он ни разу не вскрикнул.

А потом я вижу кровь. Целое озеро красного цвета. Растекающееся вокруг головы Кая.

Воспоминания опаляют мой разум, как лесной пожар. Вкус ужаса и беспомощности вспыхивает на моем языке — как эхо вспышки зла, рожденного той холодной февральской ночью. Мое зрение затуманивается, затем обостряется до чего-то сверхъестественного. Время замедляется. И расширяется. *К'ааханаании.* Живая Стрела. Жажда крови, раскаленная добела, затапливает мои вены, разгораясь и растекаясь по всему телу.

Длиннорукий наклоняется, тяжело дыша после своего ужасного «труда». Положив руки на колени, здоровяк рассматривает результаты своей работы. С ворчанием выпрямляется. Отступив назад на несколько шагов, он тянется к бедру и вытаскивает пистолет из кобуры на боку. Медленно-медленно рука поворачивается. Он направляет пистолет на Кая.

Я начинаю движение. Мой «глок» уже вынут из кармана. Я удерживаю его двумя руками

и продолжаю бежать вперед. Должно быть, я кричу, потому что он поворачивается ко мне. Его челюсть отвисает, а глаза расширяются от удивления.

Я Живая Стрела, которая не может испытывать сомнений. Поэтому я не сомневаюсь. И не боюсь превратиться в чудовище.

Я жму на спусковой крючок. Один, два, пять раз подряд.

И каждый раз пули попадают точно в лицо Длиннорукому.

Глава 20

Трясутся. Мои руки трясутся.

От адреналина и ярости. А еще от страха. От страха за то, что я опоздала.

Я опускаюсь на колени рядом с ним. Кладу дрожащие пальцы на его шею. Его кожа вся красная от крови, и мои руки стали липкими. Но пульс бьется сильно.

— Кай.

Я легонько его встряхиваю. Промокаю лицо краем рукава, стараясь очистить кровавое месиво вокруг рта и носа, чтобы облегчить ему дыхание. У него что-то застряло во рту. Я раздвигаю его зубы и вижу там галстук. Длиннорукий засунул его ему в глотку.

По телу пробегает дрожь. Я стараюсь удержать в себе часть ясности и энергии Живой Стрелы, но сила клана уже оставила меня.

— Ты должен очнуться, Кай. Нам надо уходить.

Я снова встряхиваю его, на этот раз сильнее. Он издает какой-то звук. Тяжело кашляя, он втягивает воздух в свои избитые легкие, затем инстинктивно пытается подтянуть колени к

телу, чтобы защитить себя.

— Нет, нет.

Я тяну его за плечи, пытаюсь усадить. Он слишком слаб, чтобы мне сопротивляться. Кончиком ножа я взламываю наручники и пытаюсь поднять его на руки, но он кажется чудовищно тяжелым. Потеря адреналина оставила меня без сил, необходимых для того, чтобы его тащить. Я замираю, услышав, как мне кажется, шаги. Показалось. Но я вполне осознаю, что обнаружение нас — это лишь вопрос времени.

К горлу подступает желчь, меня захлестывает паника. Я заставляю ее отступить. Надо сосредоточиться на том, что есть здесь и сейчас.

Я должна утащить Кая. Должна убрать нас обоих с глаз долой, прежде чем остальные Псы-Законники захотят узнать, почему Длиннорукий не вернулся. Я бросаю взгляд через плечо. То, что осталось от Пса, лежит бесформенной кучей в нескольких футах от нас с лицом, превратившимся в кусок сырого мяса.

Я знала, что испытаю какую-то эмоцию, увидев его таким, увидев, что я наделала, но, к моему удивлению, я чувствую только удовлетворение. Вчерашние слова Длиннорукого звучат в моих ушах: *«Может, не тебе следует охотиться на*

чудовищ, а наоборот — кто-то должен охотиться на тебя?»

— Мэгз? — Глаза Кая открыты, но выглядят как узкие щелочки.

Я сглатываю, и улыбка облегчения пытается озарить мое лицо.

— Ты можешь идти? — спрашиваю я.

Он кивает. Почти незаметно и очень слабо, но это кивок. Совместными усилиями мы поднимаем его на ноги.

— Нужно вернуться к грузовику, — говорю я. — Тебе нужен врач, а нам обоим следует убираться отсюда как можно дальше.

Он издает хрюкающий звук, который я расцениваю как «да».

— Если получится вытащить тебя из города, я знаю место, где можно затаиться на некоторое время. Там, где тебя осмотрят. Где можно будет разузнать про Таха, если он еще живой. Но нам…

Я осекаюсь. Кай смотрит мне за спину, и я знаю, что он там видит. Сейчас он в ужасе отшатнется. И спросит, как я могла совершить такое. Посмотрит на меня и увидит чудовище.

Его глаза широко раскрыты, а лицо бледное, как у призрака, и измазано кровью. Он судорожно сглатывает.

— Идем, — говорит он и осторожно поднимает руку, чтобы я могла его поддержать.

Но не успели мы сделать десяти шагов, как его начинает тошнить. Он отворачивает голову в сторону и исторгает из себя рвоту — снова и снова, пока не пустеет желудок и спазмы не сменяются мокрым болезненным дыханием. Все это время я поддерживаю его на весу и жду, прекрасно осознавая, что каждая лишняя секунда задержки — это дополнительная секунда нашей уязвимости.

— Надо идти, Кай.

Он снова кивает и тут же вздрагивает.

— Голова, — стонет он, еле ворочая толстым неуклюжим языком.

— У тебя, наверное, сотрясение мозга, — говорю я, толкая его вперед на шаркающих ногах. — Тошнота, головокружение, потеря памяти, — перечисляю я симптомы, — это абсолютно нормально.

— А я думал, меня стошнило от его развороченной головы, — отвечает он, слабо смеясь. Через секунду смех превращается в резкий кашель и заканчивается рвотным позывом. Он пытается отдышаться.

Я ухмыляюсь, почему-то испытав иррациональную благодарность за эту сомнительную шутку.

— Просто шевели ногами, ладно?

Мы снова начинаем наше неловкое шарканье. Я мельком вижу свой грузовик, припаркованный у дороги всего в двухстах ярдах[57] от нас. Эти двести ярдов тянутся, как две тысячи.

Я открываю пассажирскую дверь и помогаю Каю сесть, когда раздаются первые крики. Каждый мускул дергается, пытаясь заставить меня посмотреть назад, чтобы убедиться в том, что они нашли тело Длиннорукого и заметили нас. Но я держу голову опущенной и торопливо проскальзываю на водительское сиденье, стараясь не привлекать к себе внимания, после чего сразу завожу двигатель.

И только благополучно оказавшись за рулем и выехав на дорогу, я позволяю себе бросить быстрый взгляд на улицу, которую мы оставили всего несколько минут назад. Я различаю фигурки в форме цвета хаки. Улавливаю шум, суету и тревогу, когда они хлопочут над телом Длиннорукого. Одного взгляда достаточно. Я больше не оглядываюсь, а смотрю только вперед, стараясь слиться с потоком машин. Затем сворачиваю на Шоссе 264 и проезжаю мимо поворота на север, который

---

[57] Примечания: 57
Примерно 183 метра.

ведет обратно в Хрустальную Долину. Вместо этого я держу путь на восток, в так называемую Зону Шахматной Доски — единственное место в Динете, где Псы-Законники не имеют никакого влияния.

Кай прислонился к двери. Глаза его закрыты, рот расслаблен, дыхание поверхностное. Я встряхиваю его, чтобы разбудить.

— Не спи с сотрясением головы, — предупреждаю я.

Он приоткрывает один заплывший глаз. Кожа вокруг него уже стала черно-фиолетовой.

— Не знал, что тебе не все равно, Мэгз, — шепчет он сухими окровавленными губами.

— Мне все равно.

— Ты ужасно плохая лгунья.

Я отворачиваюсь от него и смотрю на дорогу.

Мы молчим, отдаляясь от города в открытую пустыню. Красные скалистые утесы Тсэ-Бонито сменяются низкими холмами, широкими пространствами засушливой коричневой земли и сухим кустарником. Небо чистое, безупречно-синего бриллиантового цвета. Все признаки огня и дыма растворились в нем по мере того, как за нашей спиной накопилось приличное число миль. Через некоторое время Кай заговаривает

снова — хриплым свистящим голосом, словно ему трудно дышать:

— Куда ты меня везешь?

— Я знакома с одной женщиной, живущей в Зоне Шахматной Доски. Тамошняя земля разбита на участки еще со времен «Акта Дэвиса»[58]. Один акр земли навахо, другой — билигаанов и так далее. Присутствие ОГПП или полицейских навахо там не приветствуется. Что еще более важно — ее участок защищен двадцатифутовым забором с колючей проволокой и полудюжиной «AR-15»[59]. Если она нас впустит, мы окажемся в безопасном месте, где можно будет решить, что делать дальше.

— Если?

— Грейс Гудэйкр трудно понять. Мы не совсем друзья, но она известна как владелица безопас-

---

[58] Примечания: 58

Акт Дэвиса (*àíãë*. The Dawes Act of 1887) — закон США, принятый Конгрессом в 1887 году, который постановил регистрировать земли индейских племен и делить их на индивидуальные участки. Индейцы, которые соглашались проживать отдельно от племени на зарегистрированном участке, могли получить гражданство США. Акт также позволил государству занимать оставшиеся после распределения земли и продавать их не коренным американцам.

[59] Примечания: 59

«AR-15» — американская полуавтоматическая винтовка под патрон 5,56×45 мм. Выпускается с 1963 года, продается в качестве гражданского оружия для самообороны, охоты и т. д., является штатным оружием полиции.

ного места, в котором можно скрыться от закона. Больше всего в мире она ненавидит Псов-Законников.

Я бросаю взгляд на Кая. Он наблюдает, как мои пальцы нервно барабанят по рулю. Я заставляю себя прекратить.

— Предложу ей что-нибудь ценное, — говорю я в качестве объяснения. — И буду надеяться, что сегодня она окажется щедра.

Кай устраивается в своем гнезде между дверью и сиденьем. Затем снова закрывает глаза, морщась от болезненных спазмов.

— Ты ее уболтаешь, — говорит он. — Я в тебя верю.

Я прикусываю губу и прибавляю газу, уже не столь уверенная в успехе задуманного. Бросаю взгляд в зеркало заднего вида — уже в третий или четвертый раз за последнюю минуту. По-прежнему чисто. Никто за нами не гонится. Но я не смогу расслабиться, пока мы не окажемся в безопасном месте. Там, где можно будет осмотреть раны Кая. Тогда я позволю себе подумать о том, что делать дальше. О Длинноруком. О Тахе.

— Он погиб, Мэгги.

Глаза Кая открыты и смотрят на меня. Я пытаюсь сглотнуть, но что-то застревает у меня

в горле. Он немного оседает и отворачивается, чтобы посмотреть в окно назад.

— Ты не можешь этого знать.

— Длиннорукий сказал, что видел его тело.

— Длиннорукий — лживый козел.

— А зачем ему лгать? Мне очень жаль, — говорит он, — я знаю, что ты любила дедушку, как родного.

— Нет.

— Но я…

— Вот дом Грейс, — прерываю я его, указывая головой на строение слева от нас.

Там, на поляне у обочины шоссе, другими словами, посреди ничего, укрывшись за металлической оградой высотой в три роста самого высокого человека в Динете и увенчанной спиралью из колючей проволоки, расположен «Всеамериканский бар» Грейс. На самом деле это огромный сарай примерно восьмисот футов в поперечнике и вдвое меньше в глубину, обшитый серыми панелями, которые когда-то должны были напоминать дерево, но теперь в основном выглядят как алюминиевый сайдинг. На старинной неоновой вывеске иногда мигают слова «ОТКРЫТО» или «ЗАКРЫТО» в зависимости от времени суток и наличия горючего в генераторе,

а пластиковые баннеры возрастом старше Большой Воды провозглашают «Всеамериканский бар» «ДОМОМ КОРОЛЯ ПИВА». Конечно, Грейс больше не торгует пивом Budweiser, поскольку Сент-Луис утонул вместе со всем Средним Западом, но вывеска продолжает излучать оптимизм. Все остальное в этом месте как бы кричит «Оставь всякую надежду!». Есть только один вход и один выход через металлические ворота, возле которых сидит тяжеловооруженная охрана в пуленепробиваемой сторожке.

Замедлив грузовик, я подъезжаю к воротам, затем опускаю стекло и останавливаюсь.

Из сторожки выходит чернокожий паренек не старше четырнадцати лет, одетый в полную военную форму и армейские ботинки, и целится в меня из автоматической винтовки. У него светло-коричневая кожа, неуместная копна рыжих курчавых волос и яркие веснушки. Тощие руки больше смахивают на щенячьи лапки, неумело обхватившие оружие, но я знаю, что недооценивать его не стоит.

— Ты похож на маму, — говорю я вместо приветствия.

— До заката бар закрыт, — отвечает он равнодушным голосом.

— Я здесь не для того, чтоб пить. Я здесь для того, чтобы повидаться с твоей мамой.

Паренек хмурится.

— А вы кто, к чертям, такие?

— Я Мэгги Хоски. Она меня знает.

Подросток внимательно смотрит. Я чувствую, как его цепкий взгляд изучает меня, замечает ружье на полочке и кровь, размазанную по лицу и рукам, и наконец останавливается на Кае, который закрыл глаза и, кажется, снова спит.

— Что, черт возьми, с ним стряслось? — спрашивает парень. — Он ведь не дохлый, правда? Хотя выглядит как кусок дерьма.

— Нет, он не дохлый. Его отделали Псы-Законники.

Что-то в плечах парня расслабляется, и он расплывается в улыбке, превращаясь в подростка, каковым он, в сущности, и является.

— Сраные Псы-Законники! — говорит он с яростью человека, которому никогда не доводилось видеть их вблизи.

— Это точно, — соглашаюсь я. — Ну что, теперь мы можем войти и повидать Грейс?

Он вытаскивает старомодную рацию из кармашка на поясе и отворачивается от меня, чтобы с кем-то поговорить. *К'ааханаании* внутри на-

чинает нашептывать, что пока он стоит ко мне спиной, достаточно просто вытащить «глок» из кармана и всадить ему пулю в затылок. Конечно, мгновенно набегут остальные охранники, и я точно знаю, что тот, кто окажется достаточно глуп, чтобы убить одного из сыновей Грейс, долго не проживет.

Но хотя бы не придется больше видеть этого «мистера Веснушку».

Я отгоняю от себя плохие мысли и стараюсь сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить *К'ааханаании.*

Парень поворачивается, улыбается и машет мне рукой.

— Мама в баре! — кричит он, когда я въезжаю в ворота. — Она сказала, объезжайте и вставайте сзади. Кто-нибудь подскажет, где именно.

Я проезжаю через пыльную парковку, поворачиваю и останавливаюсь у задней стены бара. Справа — безупречно чистый трейлер двойной ширины, выкрашенный в белый цвет и обрамленный широким гостеприимным крыльцом. В окнах — цветочные короба. Перед входом сидят два человека в креслах-качалках, вольготно расположив на коленях винтовки. Увидев нас, они встают и спускаются вниз по ступенькам.

Это близнецы — мужчина и женщина. Оба выглядят как вариации того же самого подростка, который сидит у парадных ворот. У обоих одинаковая веснушчатая кожа и рыжие вьющиеся волосы. Женщина указывает мне на ряд гаражей напротив дома, а мужчина спешит вперед, чтобы открыть одну из полудюжины гаражных дверей. Я осторожно заезжаю в гараж, стараясь не поцарапать машину. Еще до того, как я глушу двигатель, мужчина открывает пассажирскую дверь и вытаскивает Кая из грузовичка так легко, будто тот ничего не весит. Он выходит из гаража вместе с Каем и несет его к трейлеру. Вот так запросто.

Несколько удивленная, я выскакиваю из кабины и собираюсь последовать за ними, но женщина преграждает путь мускулистой рукой.

— Куда он его понес? — встревоженно спрашиваю я.

— Мы о нем позаботимся. Мама хочет тебя видеть.

Я подумываю о том, как прорваться мимо нее и проследовать за Каем. Мужчина уже добрался до крыльца и толкает плечом входную дверь трейлера. Я смотрю, как они исчезают внутри.

— Мне надо быть с ним, — протестую я.

Но женщина неумолимо качает головой:

— Сначала мама.

Что ж, она права. Я здесь гость, и если хозяин просит, отказывать нельзя. Я жестом показываю ей, чтобы она шла вперед. Женщина закрывает гараж с моим грузовичком внутри, и мы идем к задней двери «Всеамериканского бара».

Дверь гостеприимно распахивается, и мы погружаемся в вечные сумерки, свойственные всем хорошим дешевым барам. Прямо впереди — деревянный танцпол, а слева, на прямоугольнике из оранжевого ковролина, раскинувшегося от стены до стены и видавшего лучшие времена, расставлены низкие круглые столики на колесиках и приземистые стулья в тон. Вдоль передней стены тянется длинный деревянный бар, вдоль которого выстроилась шеренга облупленных барных табуретов, ожидающих посетителей.

Грейс Гудэйкр, как всегда, сидит за стойкой бара. Это невысокая женщина с орехово-коричневым лицом, усеянным пятнами и веснушками. Белые волнистые волосы заплетены в афрокосички и собраны в толстую косу на затылке. Она улыбается тепло и приветливо, но глаза смотрят настороженно. Грейс бросает короткий взгляд в сторону моей сопровождающей, и ее дочь тут же

отходит к двери с винтовкой наперевес.

Грейс жестом приглашает меня пройти вперед. Я пересекаю пустой танцпол, подхожу к стойке и присаживаюсь на один из пустых барных табуретов. Хозяйка наливает пиво из крана и ставит кружку передо мной.

— Вообще-то я не пью пиво, — говорю я.

Она коротко отстукивает костяшками пальцев по стойке.

— Ты пьешь то, что я разрешу тебе пить. Я помню, как ты вела себя здесь в прошлый раз. Надралась виски и стала плакаться о своем мужике. Клариссе пришлось выволакивать тебя и класть в твой грузовик, чтобы ты могла проспаться. Поэтому отныне ты пьешь пиво.

Я густо краснею. Бросаю взгляд через плечо на ее дочь, которая, вероятно, и есть та самая Кларисса.

— На самом деле я не помню этого, Грейс.

— Зато помню я. Этого достаточно.

Мы смотрим друг на друга и чувствуем, как нарастает между нами напряжение. Я в ее власти, и мне это не нравится. Это как зубная боль. Но я пришла к ней, потому что мне нужна помощь. И она прекрасно об этом знает.

Поэтому я делаю глоток пива. Алкогольный

напиток омывает пищевод, и я почти непроизвольно закрываю глаза. Пиво прохладное и бодрящее, а я даже не подозревала, насколько хочу пить. Я делаю еще несколько больших глотков, прежде чем поставить кружку на стойку.

Грейс смотрит на меня, выжидательно подняв брови.

— Довольно неплохое, — признаю я.

Грейс фыркает, что должно означать нечто вроде «я же тебе говорила». Она выиграла первый раунд — установила, кто тут главный, и теперь спокойно занялась протиркой стаканов, будто мы старые друзья.

— Так что же тебя привело ко мне, Мэгги Хоски?

— Мне нужно место, где можно отсидеться на какое-то время. Скорее всего, меня ищут злые Псы из ОГПП.

Она смотрит на кровь, размазанную по моей груди, рукам и лицу.

— Чем заплатишь?

— У меня сейчас мало что есть. Ситуация немного… вышла из-под контроля.

Ее губы разочарованно кривятся. Она поднимает руку, и Кларисса, выскользнув из кресла, выходит через заднюю дверь. Через некоторое

время она возвращается, неся с собой содержимое моего грузовичка. Кларисса раскладывает вещи на стойке, и Грейс начинает в них ловко рыться маленькими шустрыми руками. Ее взгляд останавливается на моем дробовике, и я хмурюсь.

— Дробовик я не отдам, — говорю я.

Грейс пожимает плечами.

— На кой мне твой помповый кусок дерьма, когда у меня есть целый арсенал «AR-15»? — спрашивает она.

— Полностью согласна, — говорю я.

Грейс криво ухмыляется.

— Забери свою чертову пушку, Мэгги, — говорит она, и я тут же беру дробовик, пока она не передумала.

— Кстати, не такой уж это и кусок дерьма, — ворчу я. — Эту рукоятку я делала специально под свою руку. Пришлось два дня подряд выкапывать корни люцерны. Но оно того стоило. Эй, куртку я тоже не дам!

Грейс толкает кожаную куртку в мою сторону, даже не потрудившись поднять глаза.

— Это кофе? — спрашивает она, постукивая пальцами по металлической банке, в которой хранится драгоценное зелье.

Я машу рукой:

— Бери.

Всем нужен этот чертов кофе. Если в обмен на него я смогу получить немного доброй воли Грейс, то оно станет ценнее золота.

— У тебя что, и вправду ничего нет? Разве охота за головами не должна приносить доход побольше, чем вот это?

Я вспоминаю о ковре, который оставила на полу Капитула Лукачикая.

— Я уже сказала, ситуация вышла из-под контроля.

Острые ногти снова барабанят по стойке.

— Кофе — только аванс, — говорит она. — Отныне ты мне должна. Это будет честно и справедливо. И не дай бог ты меня обманешь.

— Хорошо.

— Когда-нибудь ты окажешь мне услугу. Не сейчас. Как я понимаю, ты увязла в чем-то таком, что меня не касается. Но если решишь проблему и останешься живой, то вернешься ко мне. И тогда мы поговорим.

— Хорошо.

Она проводит рукой по стойке, отодвигая забракованный товар — провизию на пару дней, патроны для дробовика и сумку Койота. Она даже не спросила о сумке. Такое чувство, что она видит

в ней совсем не то, что вижу я.

— Убери этот хлам отсюда, — велит она дочери, и та мгновенно срывается выполнять приказ.

— Эй, поосторожнее с моим хламом, — говорю я Клариссе, когда она уносит его, по-видимому, обратно к грузовику.

Я поворачиваюсь к стойке и вижу, что Грейс смотрит на меня оценивающим взглядом.

— А что это у тебя в кармане?

Я вытаскиваю «глок» и кладу его на стойку бара.

— Он на предохранителе?

— У «глоков» нет отдельного предохранителя. Просто не жми на спусковой крючок. Для безопасности этого достаточно.

Грейс закатывает глаза.

— Как глупо. Никогда не любила автоматические пистолеты. Вот револьверы — совсем другое дело. — Она указывает на пистолет рукой, которой держит полотенце. — Это как-то связано с тем, почему ты здесь?

— Можно и так сказать.

— Тогда мне точно его не надо.

«Глок» вновь оказывается у меня в кармане.

— Теперь расскажи о человеке, с которым ты приехала.

— До него докопался Пес-Законник.

— И «случайно» попал под огонь из этого пистолета?

— Это был Длиннорукий.

Грейс пристально смотрит на меня. Я смотрю на нее в ответ. Молчание тянется долго, потом она слегка вздрагивает и первой отводит глаза.

— Ты хочешь, чтобы мы уехали, Грейс? — спрашиваю я тихим голосом.

Я не знаю, куда мы поедем, но если она ответит «да», я ни за что не останусь там, где меня не хотят видеть. Надеюсь, она оставит хотя бы Кая. Главное, чтобы он был в безопасности, а с тем, что будет дальше, я справлюсь как-нибудь сама.

Грейс вздыхает.

— Нет, я этого не хочу, — говорит она. — Но в следующий раз не надо сидеть и пить пиво в моем баре с таким видом, будто твоя главная неприятность — это друг, избитый в драке. Разве мать не учила тебя, что нельзя откладывать плохие вести на потом? — Она издает лающий смешок. — Ладно, я сама виновата. Забыла, с кем имею дело.

Она бормочет длинное многосложное ругательство, в котором по-всякому склоняется мое имя и звучат еще какие-то слова, которых я не пони-

маю, но в целом ясно, что это не комплимент.

С кривой усмешкой она лезет рукой под стойку бара и достает оттуда бутылку с янтарной жидкостью. Берет с полки позади себя два стакана и наливает нам по порции виски. Один стакан толкает ко мне. С благодарностью я отодвигаю пивную кружку в сторону и делаю глоток виски, позволяя ему обжечь мне горло. Грейс опрокидывает напиток одним быстрым движением.

Затем снова смотрит на меня, подняв указательный палец.

— Даю тебе двадцать четыре часа, а потом ты исчезаешь. Ни минутой больше, даже если ты захочешь мне еще что-нибудь предложить. А теперь иди и проверь, как там дела у твоего дружка. Ты удивительно легкомысленно подходишь к выбору мужчин, Мэгги Хоски. Научи его хотя бы драться.

Я киваю и быстро допиваю остатки виски. Нет смысла утруждать себя объяснениями, что Кай — это не мой парень. Кларисса уже вернулась, и я иду за ней к трейлеру. Выйдя за порог, я оглядываюсь и вижу, как Грейс наливает себе еще виски. Затем дверь захлопывается у меня перед носом.

Глава 21

Дочь Грейс приводит меня к тому безупречному трейлеру на заднем дворе. Там она показывает на ванную, где я смываю кровь Кая, и стоит над душой, пока я не закончу, затем ведет меня в аккуратную гостиную и приказывает ждать. Я оглядываю частный дом Грейс, куда меня никогда раньше не пускали. В пространстве комнаты доминируют два здоровых дивана, украшенных яркими рельефными узорами в виде цветков лаванды и маленькими подушечками в тон. Рядом стоят два плетеных кресла, подобранные со вкусом. Еще несколько подушечек свалено в кучу у подножия дивана — словно здесь часто собирается множество людей и подушки служат дополнительными местами для сидения. На стенах, выкрашенных в бледно-лиловый цвет, развешаны гроздья фотографий в белых рамках. На первой фотографии, которая бросается мне в глаза, я вижу женщину с темно-коричневой кожей, покрытой веснушками, с толстой косой, заплетенной из афрокосичек, и улыбкой на красивом молодом лице. Грейс на фото обнимает очень

бледного мужчину с копной рыжих вьющихся волос и дружелюбными голубыми глазами.

Я подхожу к фотографии ближе. Никогда не видела Рика, мужа Грейс. Она никогда о нем не говорила, по крайней мере, со мной, но я знаю, что он умер вскоре после Большой Воды. Ходят слухи, что его убили возле его же закусочной в Тсэ-Бонито из-за мелочи в кармане. Говорят, там была пара Псов-Законников, которые видели все это, но стояли в стороне и молча наблюдали, как вор чистит карманы истекающего кровью Рика. Если это правда, то понятно, почему Грейс так ненавидит Псов-Законников.

Я наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть детали. Какие они здесь счастливые. Настоящая семья. Остальные фотографии о том же. Вот Грейс со всеми своими детьми: здесь и разнополые близнецы, и старший мальчик, которого я не знаю, и ушастый малыш — должно быть, тот самый «мистер Веснушка», который стоит теперь у ворот. На следующем фото Рик и близнецы в младенческом возрасте, а следом за ней по одной фотографии близнецов в выпускном классе — еще из тех времен, когда существовали настоящие школы и среднее образование. После фотографий с первого курса фотолетопись прерывается — ви-

димо, в результате удара Большой Воды, так что я делаю вывод, что близнецы на несколько лет меня старше.

Остальная часть дома такая же аккуратная и чистая, как гостиная. Я вижу красивую просторную кухню, оформленную в таких же лавандово-белых тонах, как остальная часть дома. На подоконнике даже сидит полосатая кошка. Время здесь будто остановилось, словно никаких ужасов Большой Воды в этом месте никогда не было. За исключением, конечно, потери Рика.

Я слышу, как закрывается дверь, и вижу возвращающуюся по длинному узкому коридору Клариссу.

— Можно идти, — говорит она и машет мне рукой.

— Послушай, Кларисса, — начинаю я.

Но она резко меня обрывает:

— Рисса. Только мама зовет меня Клариссой. Ты будешь звать Риссой.

— Хорошо, Рисса, — соглашаюсь я и следую за ее широкой спиной по коридору. Я сама немаленькая женщина, но Рисса шире меня на добрых

три дюйма[60] и тяжелее на тридцать фунтов[61] крепких мышц. Это не может не вызывать почтение. — Я слышала, что как-то ночью несколько месяцев назад тебе пришлось относить меня к грузовику.

Она перебрасывает через плечо толстую рыжеватую косу.

— Такое иногда случается. С тобой не было никаких проблем.

— Я не кричала и не бредила? Не выкрикивала каких-нибудь имен?

— Мое точно не выкрикивала. Хотя про какого-то Нейзгани болтала много. — Она прочищает горло. — По твоим словам — тот еще козел. Извини, если тебе неприятно о нем вспоминать.

— Мне совершенно все равно.

Мы останавливаемся перед закрытой дверью спальни.

— Твой друг здесь. В последний раз, когда я к нему заходила, он спал. Так что если хочешь с ним повидаться, особо не шуми.

— Как он?

— Ну ты сама видела его лицо. Нос сломан, гла-

---

[60] Примечания: 60
7,62 см.

[61] Примечания: 61
13,6 кг.

за заплыли. Скорее всего, сотрясение мозга. Он еще удивительно неплохо держится, учитывая, как сильно ему надрали задницу. Вероятно, будет мочиться кровью в течение нескольких дней. — На ее веснушчатых щеках вспыхивает румянец, словно она сказала что-то предосудительное.

Она берется за ручку двери, но в этот момент я вдруг понимаю, что не смогу туда войти. Я останавливаю ее рукой. Она замирает. Смотрит сначала на мою руку на своем плече, затем на меня.

— Нет, — говорю я, чувствуя, как внезапно пересохло в горле. — Я не пойду туда. Пусть отдохнет.

— Ты уверена?

— Если ты говоришь, что с ним все в порядке…

— Несколько дней постельного режима, не более того, — пожимает она плечами.

Затем с любопытством смотрит на меня орехово-карими глазами.

— Ага. Звучит здорово. — Я убираю руку с ее плеча и разворачиваюсь, чтобы пройти по коридору обратно. Подальше от Кая. Немного помедлив, я добавляю: — Скажи, что я купила для него у Грейс двадцать четыре часа, после чего пусть он сам решает свои проблемы.

Рисса хмурится. Любопытство переходит в за-

мешательство.

— Почему бы тебе самой не сказать ему об этом?

— Потому что я уезжаю.

Глава 22

Я действительно собралась уехать. Загрузила машину, надела кожаную куртку, засунула дробовик в кобуру. Но потом подумала, что ехать на грузовичке в дневную жару слишком для него рискованно, поэтому решила идти на восток пешком, пока не появится возможность позаимствовать у кого-нибудь более подходящее транспортное средство. Впрочем, я дойду до Хрустальной Долины и пешком, если придется. Это не так уж далеко — может, миль пятьдесят[62] по прямой. Доберусь за несколько дней.

Ради Таха. Я убеждаю себя, что оставляю Кая ради Таха. Потому что дала обещание сберечь его внука. Но часть меня знает, что это не так. Это и для меня тоже. Потому что вид избитого, истекающего кровью Кая что-то сделал со мной. Возбудил чувства, которые я не хочу испытывать. Случилось именно то, о чем я говорила Таху в самом начале: все, что я могу показать Каю, — это только смерть.

Но когда сгущаются сумерки и вокруг «Всеа-

---

[62] Примечания: 62
Примерно 80 км.

мериканского бара» зажигаются огни, сигнализируя о том, что заведение открыто для ночных посетителей, я все еще сижу на крыльце в кресле-качалке и натачиваю свой «Böker».

И именно здесь находит меня Грейс.

После чего встает надо мной во все пять футов[63] своего роста. Нельзя сказать, что она «возвышается», но эта женщина умеет обозначить свое присутствие. Она упирает руки в бока, прищуривается и издает лающий смешок.

— Ты выглядишь мрачной, девочка. Кого ты собралась убить своим огромным ножом?

— Того, кто этого заслуживает, Грейс.

Она смотрит на меня с минуту.

— Иисус, Мария и святой Иосиф! Мэгги, я же пошутила.

Грейс присаживается в кресло рядом со мной. Шлепает своей вездесущей барной тряпкой по руке и бормочет что-то очень неразборчивое. Я почти уверена, что она снова обкладывает меня бранными словами, но ничего не отвечаю.

— Мне уже сказали о том, что произошло в Тсэ-Бонито, — говорит она. — Клиенты быстро приносят новости. Говорят, там случился пожар.

---

[63] Примечания: 63
Около 153 см.

И что старый знахарь…

— Чего тебе надо, Грейс? — прерываю я ее.

Она замолкает, не сводя взгляда с линии горизонта.

— Все скорбят по-разному, — говорит она, и в голосе ее слышится сочувствие. — Когда я потеряла своего Рика, люди ждали, что я начну выть и рвать на себе волосы. Но я даже не заплакала, ни разу! Вместо этого полностью отдалась работе и своим детям. Позволила делам съесть все мои слезы. — Она тяжело вздыхает от разбуженных воспоминаний. — Но когда я потеряла ребенка, моего первенца Клетуса, мне хотелось плакать так, что я готова была затопить всю Динету. Мне было очень-очень плохо. — Она промакивает себе лоб тряпкой. — И не думай, что я когда-нибудь перестану оплакивать свое дитя.

Я понимаю, что она пытается сделать. Она пытается сказать мне, что оплакивать Таха — это нормально.

— Мы не знаем наверняка, мертв он или нет, — говорю я.

Она ничего не отвечает, только раскачивается в кресле.

— Я в порядке, Грейс, — продолжаю я. — Мне доводилось видеть много смертей. Я потеряла

семью, а Тах не был даже… Мы с ним не были родственниками. Мы даже не общались с прошлой весны. Поэтому если ты ждешь, что я сломаюсь и начну рыдать у тебя на плече или что-то в этом роде…

Она фыркает.

— Боже упаси!

— Ну да.

Она молчит некоторое время, затем говорит:

— Этот Нейзгани умеет испортить тебе настроение.

Я удивленно смотрю на нее. Впервые за много дней я совершенно не думала о своем наставнике.

— Он не имеет к этому никакого отношения.

— Ну уж нет! Быть воспитанным таким человеком. Любить его… Конечно, он имеет самое прямое отношение!

Я краснею. Грейс просто кивает.

— Я вырастила четверых детей, Мэгги. Трое еще при мне, хотя Бог посчитал нужным забрать моего старшего. — Она всасывает воздух сквозь зубы и смотрит вместе со мной на закат. — Я знаю, как выглядят заболевшие дети.

— Я не ребенок.

— Мы все дети Божьи.

— И мне не нужна мать.

— Все нуждаются в матерях, — возражает она, поднимая бровь, — даже такие крутые, как ты. Но не жди от меня, что я ее заменю. У меня и так полно забот о том, как сберечь жизни моих не в меру воинственных детишек. Я понятия не имею, что с тобой делать.

— Тогда зачем мы тут сидим и разговариваем?

— Я просто хочу сказать, что если Нейзгани научил тебя свежевать кошку, это не значит, что существует только один способ. Или что кошку вообще надо свежевать.

Я морщусь, но она совершенно серьезна.

— Не пойми меня неправильно, но ты хреново воспроизводишь народные мудрости. Наверное, будет лучше ограничиться розливом напитков в баре.

Короткий взрыв смеха.

— Фу-ты, ну-ты, какая крутышка!

— Рада, что тебя это забавляет.

— О, мне совсем не смешно, Мэгги. Ты меня до смерти пугаешь. Думаю, я буду только рада, когда ты наконец уедешь.

Я вздыхаю, чувствуя себя опустошенной. Вот еще один человек, который не хочет, чтобы я была рядом.

— Уже скоро, Грейс. Очень скоро.

— Что ж… — Она вытягивает ноги, потом стучит одним башмаком по деревянному полу. — Что ж… — Долгий-долгий вздох. — Старый Чак Бегей рассказывает, что на всех выездах из Тсэ-Бонито расставлены полицейские кордоны. Главная магистраль перекрыта, и Псы-Законники трясут людей, как дьяволы, готовые порвать город на части. Чак думает, что это из-за пожара, но ты упомянула про Длиннорукого… — говорит она, позволяя имени повиснуть в вечернем воздухе.

— Скорее всего, так и есть, — признаю я.

— Они будут тебя искать?

— Может, будут. А может, и нет. Но Кая, скорее всего, видели с ним. Максимум через несколько дней кто-нибудь обязательно сложит два плюс два и захочет задать мне пару вопросов.

— Думаю, достаточно скоро они узнают, что вы с мальчиком находитесь здесь.

— Тогда, наверное, будет лучше, если мы уйдем.

— Я говорю не о том, чтобы вы уходили, — отвечает она, — а о том, чего нам следует ожидать, вот и все.

Я киваю:

— Понятно.

Она сидит молча еще несколько минут и потом говорит:

— Что ж, пойду-ка я обратно в бар. Займусь тем, что у меня получается лучше всего.

Она одаривает меня натянутой улыбкой и поднимается с кресла.

Скрип шагов по деревянному полу подсказывает мне, что мы больше не одни. Грейс поднимает глаза, и то, что она видит поверх моего плеча, заставляет ее улыбнуться по-настоящему.

— Какой красивый молодой человек, — говорит она, и я понимаю, что это может быть только о Кае. — Теперь понятно, почему Мэгги притащила тебя сюда и позволила нам тебя подштопать. Но тебе стоит научиться самообороне. Если ты с этой девочкой продолжишь бодаться с Псами-Законниками, то тебе придется учиться давать сдачи. Ты меня понял?

— Так точно, мэм! — доносится откуда-то сзади голос Кая.

Я почти вижу отблеск той ослепительной улыбки, которой он сейчас одаривает Грейс.

Грейс кладет руку мне на плечо. Я напрягаюсь от прикосновения, но она, сделав вид, что не заметила этого, наклоняется к моему уху:

— Подумай над моими словами, Мэгги. — Грейс

выпрямляется и указывает на Кая: — А ты заставь ее слушать, потому что меня она слушать не хочет. Почему-то мне кажется, что такой красивый молодой человек, как ты, имеет все возможности заставить девушку отнестись к себе всерьез.

— Господи, Грейс! — смущенно говорю я.

Но Кай ловко выкручивается из этой неловкой ситуации. Он произносит шутку про свой серебряный язык, который очень любят дамы, от чего Грейс, рассмеявшись, объявляет себя шокированной и слишком старой для всего этого. Потом она спускается по лестнице, пересекает пыльный двор и возвращается в бар. Я наблюдаю за ней, пока дверь не захлопывается.

Кай присаживается в кресло-качалку рядом со мной.

— Не думал, что твое военизированное убежище окажется долбаным баром. Оказывается, ты небезнадежна, Мэгз.

Теперь на Кае совсем другая одежда. Красная футболка с принтом «AC/DC» на груди и черные брюки-карго[64]. Кроме того, на нем настоящие военные ботинки — из тех, которые высотой до

[64] Примечания: 64

Брюки-карго — штаны прямого кроя из плотного материала. Отличительная особенность — большое количество крупных карманов, которые могут быть нашиты на самых разных местах.

середины икр и на шнуровке. Размер одежды слишком маленький для гардероба близнецов, но и слишком большой для ребенка у ворот, поэтому я делаю вывод, что она из кучи тряпья, которую Грейс держит специально для своих нескончаемых гостей-неудачников. В любом случае она намного лучше, чем парадный костюм и модные туфли.

Черные волосы Кая мокры и зачесаны назад, а не торчат в обычном тщательно выстроенном беспорядке. Лицо выглядит безупречно — гладкая кожа на высоких скулах, полные губы изогнуты в полуулыбке. Но глаза его покраснели, и мне приходит в голову, что он наверняка плакал, причем не из-за себя, а из-за Таха. И тот факт, что я не могу проронить ни единой слезинки по своему другу, который спасал меня не раз и не два, ложится на сердце десятитонным грузом. Я молюсь, чтобы Грейс оказалась права со своей банальной мудростью о том, что все скорбят по-разному. И о том, чтобы я вообще оказалась способной скорбеть.

Я ощущаю какой-то непорядок в его внешности, и наконец в голове моей щелкает.

— Какого черта, Кай? Твое лицо! Оно безупречно!

— Наконец-то ты нашла в себе силы признать-

ся, что находишь меня привлекательным.

Это шутка, но его голос остается напряженным и осторожным. Он звучит так, будто его тело остается единым целым благодаря надежде и молитве, а не коже и костям.

— Хватит уже умничать. Почему ты так хорошо выглядишь?

— Может быть, благодаря генам?

Снова эта его ослепительная улыбка. Ну, может, уже не такая ослепительная, но все-таки.

— Кай, давай рассказывай. Ты выздоровел. Полностью.

Это не совсем правда. Я вижу след синяка под его слегка опухшим глазом — светлую желто-зеленую линию, словно с момента избиения прошло несколько дней, а не часов.

— Не вполне. Ребрам еще больно, когда я делаю слишком глубокий вдох. А если встану слишком резко, то меня вырвет. Я уже имел возможность в этом убедиться.

— Это сделали близнецы Грейс? — Моя рука непроизвольно тянется вперед, к его щеке, но я резко останавливаюсь и кладу руку обратно на колено. — Я же помню, каким тебя привезла. Ты был похож на зверски избитого. Черт, да я сама видела, как тебя жестоко бьют.

Он опускает глаза и говорит:

– *Азее'тсо*[65]*Дине*, помнишь? Клан *Великих Целителей*?

Да, я помню.

— Тах сказал, что твои молитвы очень сильны. Я думала, это о молитвах, которые делают сильными других. А они делают сильным тебя?

— Вообще-то и то и другое, — признается он. — Скорее всего, я неуязвим.

Это еще одна шутка, но что-то в его голосе выдает, что он понимает, насколько был близок к смерти.

— Только не думай, что я захочу это проверить, — тихо добавляет Кай.

— Конечно, — соглашаюсь я, а сама думаю: сумели бы молитвы спасти его, если бы Длиннорукий успел всадить ему пулю в голову?

Мы оба молчим, прислушиваясь к вечерним звукам. Через некоторое время Кай начинает говорить:

— Там, в Бурке… — Он скребет рукой по щеке и продолжает: — Там, в Бурке, была одна девушка. Ее звали Лакрима. Это означает «слезы». Она была прекрасна. Принцесса семейства Уриосте, буду-

---

[65] Примечания: 65
Великие лекари (*îàâàð.*).

щая водяная баронесса. Ее семейство устраивало огромные празднества «Фиеста де Бурке» — костюмированные балы на их территории в горах. Театрализованные представления с королями и королевами, реконструкции в испанском духе. Все эти старорежимные штучки. У нас с Альваро тоже были соответствующие костюмы. Он играл роль конкистадора, а я Короля Бурь. Собственно, я его и уговорил пойти на один из этих праздников. Там мы с ней и познакомились. А потом… — Он слабо усмехнулся. — Банальная книжная история, не так ли? А я такой дурак…

Не знаю, к чему он клонит, но уже догадываюсь, чем все закончится. Владетельная принцесса и бедный индейский мальчик…

— Не дурак, если любил.

— Хорошо, назовем это «романтичностью», — кивает он. Затем теребит нитку, вылезшую из футболки. — Я не любил ее, Мэгз. Я ее хотел… — Он делает грубый жест двумя руками. — Вначале мы отдавались друг другу со страстью. Но через несколько недель, когда нас поймали, она кинула меня на растерзание волкам. В самом деле — не отказываться же от семьи ради кого-то вроде меня. Такое богатство и такую власть не бросают из-за нескольких жарких ночей, проведенных в

трущобах с грязным навахо.

— И что потом?

— Потом меня приговорили к публичному избиению. И изгнанию.

— За то, что встречался с девушкой?

— За то, что лишил девственности принцессу, хотя даже смешно было предполагать, что я стал первым посетителем ее «сада». Но Уриосте могущественны и придерживаются старомодных нравов. Если они настаивают, что принцесса была девственницей, используя меня, чтобы доказать свою правоту, то кто им рискнет возразить? — Кай сглатывает. — Они переломали мне ноги. — Затем поднимает руку и касается локтя. — Потом здесь. — Трогает длинным пальцем щеку. — И челюсть. После этого я уже не выглядел таким привлекательным. Трудно поверить, да? — Он улыбается легкой грустной улыбкой. — Но дело не только в этом. Хуже всего — унижение. Отец, друзья, все, кто меня знал, стали свидетелями этого позора. — Он быстрым рывком выдирает нитку из футболки. — Мне дали время до заката следующего дня, чтобы убраться из Бурке. Альваро заплатил одному знакомому парню, чтобы тот отвез меня к *аччею*. Дедушка был единственным известным нам человеком,

который мог бы меня принять. Таким, каким я стал. Изуродованным калекой. К тому же он был знахарем, так что мы подумали, что только он мог бы снять боль… — Его голос затихает, глаза полны воспоминаний. — Мы думали, что я никогда больше не смогу ходить. Но, проснувшись после первой же ночи в доме Таха, я почувствовал, что боль отступила. Перебитые ноги и рука срослись. А глаза стали серебряными.

Так и знала, что мне это не показалось!

— Сила клана, — выдыхаю я. — Это не просто специальные молитвы. У тебя есть сила клана, которая проявляется как исцеление.

Он кивает:

— Не знаю, какое отношение имеет к этому цвет глаз, но чем больше я использую силу, тем заметнее он меняется.

Слегка обалдевшая, я откидываюсь на спинку кресла. Цвет глаз странный, выбивающий из колеи, но теперь, когда я знаю, что это побочный эффект от проявления силы клана, он становится хотя бы объяснимым.

— Так вот почему ты решил, что сможешь поговорить с Длинноруким? Ты не боялся получить травму, потому что знал, что вылечишься?

Кай медлит, прежде чем ответить.

— Типа того, — наконец признается он. — Но он набросился на меня со спины прежде, чем я успел что-то сказать. Взял в удушающий захват, чтобы я не мог говорить. И начал что-то кричать о… — Кай колеблется и решает не говорить то, что хотел сказать. — Это было глупо. Я повел себя глупо. Хотя следовало такое предвидеть. Я просто подумал, что вчерашние мои слова на него по-прежнему будут действовать.

— С такими ребятами, как Длиннорукий, это не работает. Все Псы одинаковые.

— Да, когда нет возможности их вразумить. Но у меня не было даже шанса. Вот если бы…

— Кай!

Он поднимает руку в знак капитуляции:

— Ты права. Ты права. Я облажался. Рад, что ты оказалась там и сыграла роль героя.

Мне хочется рассмеяться, но смех застревает в горле.

— Вообще-то герои не стреляют в полицейских. Подбери другое слово.

— Я уже подобрал, — отвечает он тихо и настойчиво.

Я краснею под тяжестью его взгляда и сумрачных вспышек в глазах. Он берет меня за руку, и я впервые ее не отдергиваю. Мы молча сидим и

смотрим на чистое небо и тонкую линию облаков над горизонтом, окрашенных в оранжевые, пурпурные и темно-синие оттенки. Из «Всеамериканского бара» доносится музыка в стиле кантри. Вечеринка набирает обороты.

— Хочешь поговорить о дедушке?

— Нет.

— Мэгги…

Я убираю руку.

— Скажешь еще хоть слово, и я уйду.

Кай откидывается назад и проводит рукой по глазам. Ладонь становится влажной. Я знаю, что должна попытаться утешить его. Но не могу. От одной этой мысли в душе поднимается нечто вроде ужаса. Он снова вытирает лицо, на этот раз краем футболки. Проходит несколько минут, прежде чем он начинает говорить:

— Я слышал, ты сказала дочери Грейс, что уезжаешь…

Его голос хриплый, но в хрипоте этой слышится и другая эмоция помимо печали. Какое-то напряжение. Волнение. Что-то такое, наверное, что имеет смысл.

— Ага. Говорила. Так и есть.

— Тогда почему же ты не уехала?

— Не знаю.

И это честный ответ. Честный настолько, насколько я могу себе позволить. В остальном я не могу признаться ни ему, ни себе. Я даже не уверена точно, есть ли это «остальное».

Я жду, что он начнет подталкивать меня к этому — поумничает или скажет по обычаю какую-нибудь дурацкую шутку, чтобы попытаться развеять темноту, сгустившуюся между нами. Но он молчит.

— Кай… — заговариваю я первой.

— Ненавижу всю эту депрессивную херню, — прерывает он меня со смехом и проводит рукой по волосам, заставляя их встать дыбом. — Люди умирают, верно? Черт возьми, да они все время мрут!

— Мы не можем точно знать…

Он выпрямляется в кресле и склоняется ко мне:.

— Живи, пока есть возможность, да? Так обычно говорят?

— Кто говорит? — осторожно спрашиваю я, опасаясь внезапной перемены его настроения.

— Не знаю. Люди. — Он смотрит на меня, пока в нем что-то не ломается и он не падает обратно в кресло. Затем, издав короткий горький смешок, он поворачивается ко мне с улыбкой: — Как ду-

маешь, у меня получится уговорить тебя выпить по паре кружек пива и потанцевать под кантри?

Но я думаю совсем о другом, поэтому говорю ему:

— Ты должен уйти, Кай. Так будет безопаснее.

— Уйти?

— Сейчас самое время. Ты не понимаешь, во что влип. И дальше будет только хуже. Думаю, тебе пора уходить. — Мой голос силен. Убедителен. Так хорошо я никогда в жизни не лгала. — Уверена, что кто-нибудь из близнецов Грейс сможет отвезти тебя как можно дальше от Стены. Отсюда до открытой пустыни не больше двадцати миль. Кругом Зона Шахматной Доски, никаких полицейских.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — Он делает паузу. — А что будешь делать ты?

— Мне все еще нужно найти колдуна, помнишь?

Он молчит с минуту.

— Я не могу уйти.

— Нет, — возражаю я, — будет неправильно, если ты останешься. Ты потерял… В любом случае сейчас самое время. Я знаю, ты не можешь вернуться в Бурке, но есть и другие места. Озеро Пауэлл, например. Или Нью-Денвер. А еще

лучше…

— Я сказал, не могу!

— Но…

— Мэгги, стоп! Я никуда не пойду.

Его глаза впиваются в мои, и в них кипит пламя угасающего заката.

На секунду я сбиваюсь с мыслей. Вместо этого почему-то начинаю вспоминать о том, как его рука была в моей, и о том, как его смех вытаскивал меня из мрачных закоулков подсознания.

— Скажи «да», Мэгз, — говорит он тихим настойчивым голосом. — Попроси меня остаться.

Я закрываю глаза и вдыхаю ночной воздух.

— Остаться?

— Конечно. Мы же напарники.

Спустя некоторое время я встаю и засовываю дробовик в кобуру за спиной. Руки по привычке проверяют оружие: ножи, ружье, патроны в патронташе вокруг бедер, полупустой «глок», засунутый за пояс. Затем я одариваю Кая улыбкой.

— Тогда пошли.

— Что бы вы ни собрались делать, но придется подождать, — останавливает меня чей-то голос.

Я оборачиваюсь и вижу Риссу. Она пересекает двор и поднимается по лестнице, прыгая через две ступеньки. По пятам за ней следует ее брат-

близнец. На плечевом ремне, перекинутом через спину, у нее висит винтовка «AR-15», а из кобуры на бедре торчит рукоятка револьвера под патрон «магнум» сорок четвертого калибра[66]. На ногах коричневые камуфляжные штаны и черные армейские ботинки на шнуровке. На лице — полосы из настоящей краски черного и песочного цветов. Длинные рыжие волосы она заплела в две тугих косы.

Брат одет почти точно так же плюс кожаная перчатка на одной руке, к ладони которой привязано нечто, напоминающее старые наручные часы. Липучкой к запястью прикреплена пластиковая зажигалка и пластиковая трубочка, соединяющая зажигалку с циферблатом «часов».

— Что это такое? — спрашиваю я, глядя на странное устройство. — Что вообще происходит?

— Нам сообщили по радио, — говорит Рисса, — что в Рок-Спрингс происходит что-то ужасное.

Я перевожу взгляд на Кая:

— Кажется, на днях ты говорил что-то про Рок-Спрингс?

---

[66] Примечания: 66

44 Remington Magnum, или просто.44 Magnum — револьверный боеприпас высокой мощности, разработанный на базе удлиненного патрона с пулей диаметром 10,9 мм. Отличается значительным убойным эффектом.

Он кивает:

— Город беженцев по эту сторону восточной Стены. Я провел в нем день по пути в Тсэ-Бонито, пока оформляли мои документы. Ну и что за напасть там случилась?

Близнец с зажигалочно-часовым приспособлением — Грейс, кажется, зовет его Клайвом — смотрит на меня очень мрачно:

— Нелюди.

Глава 23

— Какого вида? — спрашиваю я.

Рисса пожимает плечами.

— Парень, с которым я разговаривала, выл как истеричка. Твердил что-то о зомби, но даже для Динеты это немного перебор.

Что-то щекочет меня за шею сзади — беспокойство, которое только сформировалось, но неуклонно возрастает.

— Почему он решил, что это зомби? Что он еще говорил?

— Он сказал, что они жрут мозги.

Клайв издает смешок, но я не могу понять, посчитал ли он идею о зомби смешной или это просто реакция от испуга.

— Они не зомби, — говорю я близнецам, когда мысль моя полностью созревает, — но мне кажется, я знаю, кто они такие. Несколько дней назад я столкнулась с одним из них возле Лукачикая. А также видела, что они сделали с Краун-Пойнтом.

Рисса прекращает теребить свое оружие и осматривает меня с ног до головы:

— Точно. Ты же Убийца Чудовищ.

Я открываю рот, чтобы возразить, сказать ей, что Убийца Чудовищ — это Нейзгани, а не я, но ее брат не дает мне вставить слова:

— Как нам с ними справиться? Мы можем нанести упреждающий удар? У нас найдется огневая мощь.

Он ободряюще похлопывает рукой по своей винтовке.

— Там живут люди, — возражает Кай. — Семьи с детьми. Нельзя просто так ворваться и начать палить во все подряд. — Он поворачивается ко мне: — Как думаешь, Мэгги?

Гудэйкры тоже поворачиваются, и теперь все смотрят на меня. Я понимаю, что они хотят, чтобы я повела их в бой. Но я не командир. Я всегда следовала за Нейзгани или работала в одиночку. И теперь вовсе не уверена, что смогу дать им то, что они хотят.

— Ты эксперт по монстрам, — говорит Кай тихим ободряющим голосом, — мы все тебе доверяем.

Я молчу еще с минуту. Вглядываюсь в спокойные глаза Кая. А потом в две пары одинаковых карих глаз — не столь доверчивых, но приготовившихся слушать. Они уже готовы поверить, что мои слова могут помочь им сохранить жизни.

Но я не уверена, что получится. Что *у меня* получится. Точно так же, как я не смогла спасти Таха в Тсэ-Бонито или Кая от избиения, Рок-Спрингс может стать еще одной точкой на карте моих личных неудач. На карте, которая со временем станет слишком большой и подробной. Но сейчас эти рассуждения ничего не стоят. Кому-то придется что-то делать, и похоже, что придется именно мне.

Черт побери, остается только надеяться, что я все сделаю правильно.

— Ладно, слушайте, — начинаю я, и они тут же окружают меня плотнее. — Если это действительно те существа, о которых я думаю, то убить их будет непросто. Стрелять в них бесполезно. Нужно отрезать головы.

— Или сжигать? — спрашивает Клайв, сгибая свое зажигалочно-часовое приспособление. Я начинаю понимать, что это какой-то хитроумный огнемет.

— Рок-Спрингс — палаточный городок, — говорит Кай.

— Ясно. Значит, огонь отменяется. Пожар быстро выйдет из-под контроля, и в итоге мы причиним больше вреда, чем пользы. Эти существа довольно тупые, но сильные и удивительно

быстрые. При них может оказаться какое-нибудь грубое оружие, но для огнестрела у них недостает ловкости. Ах да, еще они кусаются.

Клайв вздрагивает. Понятно. Значит, его смех был от страха. Полезно знать о таких вещах заранее.

— Но их зубы, — продолжаю я, — не очень острые. Защитную одежду они прокусить не смогут.

Я смотрю на одолженную футболку Кая.

— Я подберу для него что-нибудь покрепче, — говорит Клайв, — но только при условии, если он поедет с нами.

С тех пор как Кая избили, прошло меньше восьми часов, и, честно говоря, я не вполне уверена, что он готов к еще одному бою.

Похоже, об этом думаю не только я, поскольку Рисса вставляет:

— Без обид, но ты уверен, что в состоянии помогать? Тебя привезли сюда с разбитым лицом и вмятиной в форме ботинка, оставленной на почках. Ты серьезно решил пойти сражаться с монстрами?

Ее слова циничны, но она смотрит на гладкое лицо Кая с таким же недоверием, как и все мы.

— Серьезно. — Он колеблется, бросая быстрый взгляд на меня. — Я смогу помочь.

— Тогда ты в деле.

Мое слово окончательно. Я не стану ронять его авторитет перед Гудэйкрами попытками переубедить. Он этого не заслужил.

Рисса смотрит на Клайва, и мне это не очень нравится, но тот только пожимает плечами.

— Конечно. Почему нет. Его бьют, а он крепчает! — говорит он и тут же хлопает Кая по спине так, что тот вздрагивает. — У нас завелся навахский кролик Энерджайзер.

Рисса хихикает.

— Нормально. Ну что, Кролик, как у тебя с оружием?

— Я не нуждаюсь в оружии.

Рисса усмехается:

— Это ты сейчас так говоришь. Но в любом случае я никуда с тобой не поеду, пока ты не будешь готов прикрывать мне спину.

— Оставь его в покое, — вмешиваюсь я. — Он не возьмет оружие. У него имеются свои средства.

Рисса протестует, но брат ее одергивает, и она принимается многозначительно смотреть в лицо Кая. Что-то незримое происходит между ними, после чего Рисса сдается.

— Это далеко? — спрашиваю я у Клайва.

Он щурится вдаль, словно Рок-Спрингс можно

увидеть отсюда.

— Примерно в двадцати минутах езды на восток, если сядем на байки и помчимся как демоны.

— На байки?

Он указывает на открытый гаражный отсек — через двое ворот от того, где стоит мой грузовик. Через проем видны два черных электромотоцикла с толстыми колесами и массивными подвесками. Они выглядят быстрыми и крепкими, но на этом мои познания о мотоциклах заканчиваются.

— Ты когда-нибудь водила такие? — спрашивает Клайв.

— Не уверена.

— Ясно. Значит, поедешь со мной, а Кролик — с Риссой. — Он смотрит на вечернее небо. Еще чуть-чуть, и настанет полная тьма. — Пошли, ребята. Монстры сами себя не прикончат.

Глава 24

Спустя несколько минут мы мчимся по открытой пустыне на двух внедорожных мотоциклах «Кавасаки». Я устроилась позади Клайва, а Кай едет с Риссой. На моих глазах надежно сидят выданные мне очки. Я, Клайв и мотоцикл слились в единое целое. У меня есть мои обостренные чувства, которые приходят с силами клана, у него — огнемет на запястье. Он даже устраивает мне небольшую демонстрацию, прежде чем я сажусь на мотоцикл.

— Ништяк, — говорю я, когда пламя начинает плясать в его руке.

— А ты сомневалась! — отвечает он с довольным оскалом.

Дорога не отнимает много времени. Расчет Клайва был верен, и мы въезжаем на окраину маленького пыльного лагеря всего через несколько минут после наступления полной темноты. Клайв останавливает мотоцикл футах в двадцати[67] от ближайшей палатки, и некоторое время мы ждем, когда к нам присоединятся Рисса и Кай.

---

[67] Примечания: 67
Примерно шесть метров.

Стены палаток немного колеблются на легком ветерке. В основном это горбы мышиного цвета, рассчитанные на двух-трех человек, но местами попадаются и старомодные каркасные палатки белого цвета, которые можно увидеть в древних фильмах про армию. Очень много палаток из парашютного материала, застегивающихся на молнии самыми причудливыми способами. Окраины палаточного городка отмечены столбами, увенчанными огромными галогенными лампами, из которых горит только одна, но и та беспорядочно моргает, будто закоротило генератор. Остальная часть городка погружена в полную тьму.

Ни единого звука. Ни единого человека.

И этого достаточно, чтобы по спине побежали мурашки. Потом я делаю глубокий вдох, и в нос ударяет вонь. Это запах колдовства — того же самого, что был на горе.

— Они еще здесь, — шепчу я. — Чуете этот запах?

Рисса хмурится:

— Нет. Но я и не одна из вас.

Я не знаю, что конкретно она имеет в виду: что у нее нет силы клана или что она не *дине*. Конечно, она права в любом случае, но запах

настолько силен, что я решила, что его может почувствовать любой — и обладающий силами кланов, и *дине*, и кто угодно.

Я смотрю на Кая.

— Я чувствую, — говорит он и поднимает очки на лоб. — Пахнет как в склепе.

Я не знаю, что такое «склеп», но понимаю, что это должно значить. Смерть. Он хочет сказать, что здесь пахнет смертью.

Близнецы молча обмениваются взглядами. Ветер немного усиливается. Редкие облака над нами обкладывают луну.

— Где все люди? — спрашивает Кай.

— Кролик прав, — говорит Рисса. — Здесь должны быть люди.

— Десятки людей, — подтверждает Кай. — Это первый городок после того, как минуешь Стену. Все, кто въезжает в Динету с востока, останавливаются здесь для прохождения обязательных процедур. Он никогда не бывает пустым.

— Не может же быть так, что все мертвы, — говорит Рисса.

— Может, — возражаю я, думая о Краун-Пойнте. — Но в любом случае должны быть тела, а я их не вижу. Возможно, монстры охотятся за едой.

— Их что, всех *съели*? — Голос Клайва внезапно

дает петуха.

Я улавливаю в дуновении ветра запах озона. И точно — у основания столба виднеется опаленный участок. Нейзгани. Это не может быть совпадением.

— Они прячутся, — предполагает Кай. — Все люди спрятались.

— Допустим, — соглашается Клайв, — но куда?

Кай становится задумчивым на пару секунд, а потом улыбается и говорит:

— В туннели.

Мы в четверти мили от Рок-Спрингс, смотрим в никуда. Справа от меня большой холм из камней и огромных валунов. Кай уверен, что если где-то и есть туннели, то они должны начинаться здесь, уходить под землю и достигать Стены. Отсюда Стены не видно — уже слишком темно, чтобы можно было разглядеть хоть что-то дальше ближайших футов, но мы знаем, что она присутствует рядом, словно нависающий молчаливый гигант.

— Ну и как мы найдем вход в эти туннели? — спрашивает Рисса.

— Я только слышал о них, — отвечает Кай. — Это контрабандные туннели. Для тех, кто не хочет, чтобы о ввозимых ими товарах знал по-

граничный контроль. Поэтому они должны находиться где-то рядом со Стеной, а ближайший к ней населенный пункт — это Рок-Спрингс, и у меня есть чувство, что…

Рисса сплевывает на пыльную землю и говорит то, о чем все мы думаем:

— Ни людей, ни монстров. Больше всего это похоже на ложную тревогу.

Я бы согласилась с ней, если бы не одна деталь:

— Этот запах…

А еще — след молнии.

— И тот факт, что нет ни одного человека, — напоминает Кай. — Это ненормально. Говорю вам, обычно здесь…

— Верю! — обрывает его Рисса. — Наверняка во всех этих палатках кто-то живет. Но сейчас их нет. Вот и расскажи мне, что это значит. Они мертвы? Они прячутся? Что? — Она отходит от нас на несколько шагов, звякая снаряжением и превращаясь в смутный силуэт во тьме. — Не знаю… Сегодня мы вряд ли найдем ответ. — Она идет обратно к мотоциклам, стоящим в ста футах[68] от нас. — Вернемся завтра, когда рассветет.

---

[68] Примечания: 68
Примерно 30,5 метра.

Посмотрим, что здесь можно будет найти. Потому что сейчас…

Она не успевает закончить фразу, поскольку откуда ни возьмись появляется *тсэ наайее* с огромным мечом в руке и вспарывает ей живот.

Три действия происходят одновременно: Рисса кричит и падает на колени, отчаянно пытаясь удержать свои внутренности на месте, *тсэ наайее* отводит руку назад для нового удара — на этот раз по шее Риссы, а мой обсидиановый метательный нож уже летит по воздуху, прежде чем мозг успевает осознать, что его бросила я. Благодаря инстинктам, тренировке и скорости силы клана нож попадает прямо в глаз монстру. Он (или оно) кричит, роняет меч на землю и хватается обеими руками за маленький нож. Но пальцы его толстые и неуклюжие, и он не может выдернуть лезвие, у которого нет рукояти.

Я вытаскиваю свой Böker и через пару секунд оказываюсь возле *тсэ наайее*. Затем рублю охотничьим ножом по его шее до тех пор, пока он не перестает двигаться. Краем глаза я вижу, как Клайв берет винтовку на изготовку и вглядывается во тьму в поисках других существ. И ему не приходится разочаровываться. Я насчитываю двух… нет, трех несущихся к нам из темноты

чудовищ и ругаюсь, когда Клайв принимается поливать их пулями. В панике Клайв забыл, что я говорила про огнестрельное оружие. Монстры замедляются, и один из них даже спотыкается, но затем они встряхиваются и продолжают бежать к нам.

— Огонь! — ору я.

Он продолжает стрелять, и я понимаю, что он меня не понял. Не стрельба! Я хотела, чтобы он включил свой огнемет.

Кай уже со мной рядом.

— Иди! — кричит он. — Иди помоги ему! Я возьму на себя Риссу.

Рисса. Я была так поглощена тем, чтобы уничтожить монстра, что совсем забыла о Риссе. Она лежит на земле в ярде от меня, схватившись за живот. Она почти не издает звуков, только тихонечко хнычет. Кровь и выпуклости внутренних органов темно и влажно поблескивают в свете звезд.

— Мэгги! — повторяет Кай. — Быстро к Клайву!

Я встаю и начинаю двигаться. И успеваю дотянуться до плеча Клайва как раз в тот момент, когда чудовища на нас набрасываются. У меня не больше секунды, чтобы крикнуть «Сожги их!» и схватить Клайва за руку. Он сгибает запястье,

выпуская струю топлива, а я нажимаю на кнопку зажигалки. Монстр валит Клайва на землю, но он успевает протянуть руку и ударить его огненной ладонью. Существо кричит. Его густые лохматые волосы вспыхивают пламенем, а кожа трещит, словно растопка.

Другой напрыгивает на меня. Я не вижу его, но чувствую приближение тела. Я пригибаюсь и поворачиваюсь, ощутив пугающий ветерок от пронесшегося над головой мачете. Но я уже там, где хочу быть. Böker перерезает ахилловы сухожилия.

Продолжая движение, я встречаю следующего. В этот раз я не даю ему ни единого шанса, начисто снося голову первым же взмахом.

Клайв вскакивает на ноги. *Тсэ наайее*, чье лицо он поджег, все еще дымится. Тот, кого я искалечила, пытается уползти прочь, а у двух оставшихся больше нет голов.

— Еще есть? — кричу я, напряженно вглядываясь во тьму. Я чувствую, как силы покидают меня, и пост-эффект от Х*онагаании* уже начинает отдаваться в мышцах. — Ты видишь кого-нибудь еще?

Никто не отвечает мне, и я ковыляю обратно — туда, где Кай держит на коленях Риссу. Оторвав

подол ее рубашки, он соорудил что-то вроде полевой повязки, которой туго обмотал ей живот. Повязка слабо пахнет кедром, и я понимаю, что она, должно быть, покрыта мазью.

— Ей требуется медицинская помощь, — говорит Кай напряженным от волнения голосом. — Более серьезная, чем я могу ей здесь предоставить. Нам нужно отвезти ее домой.

Клайв присоединяется к нам. Лицо его настолько побледнело, что веснушки стали похожи на брызги крови. Глаза сильно блестят, но голос остается спокойным, когда он говорит:

— Поможешь отнести ее к мотоциклам?

Кай вскидывает голову. Он фиксирует взгляд на чем-то вдалеке, и глаза его становятся огромными. Мускул на челюсти Кая начинает дергаться, и от выражения его лица я чувствую, как к моей спине прикасаются холодные пальцы. Я поворачиваюсь и вижу то же, что и он.

Еще дюжина *тсэ наайее* перелезла через скалы и направляется прямо к нам.

Я выпрямляюсь, ощущая протестующие мышцы.

— Клайв, нужен твой огнемет. Я двигаюсь быстро, но они слишком разрежены. Не думаю, что у меня получится справиться со всеми до того, как

они до нас доберутся.

Клайв поднимает ладонь и сгибает запястье, но механизм заклинивает. Он крутит прозрачную трубочку, соединяющую источник топлива и циферблат часов, но уже ясно, что что-то не так.

— Она забилась, — бормочет он. — Или сломалась, когда я упал.

Он хлопает устройством по бедру, пытаясь заставить его работать, но без толку. Топливо течь не будет. Поэтому огнемета у нас больше нет.

Я сглатываю и чувствую, как глубоко в тело проникают эти холодные пальцы и сжимают там все внутри. Я изнурена и чуть ли не падаю от усталости после использования своих клановых сил, но понимаю, что обязана сделать больше.

— Постараюсь сдержать их, насколько смогу, — говорю я. — А вам придется пробежаться до мотоциклов.

— Мы не оставим тебя, — возражает Клайв.

— Нет, ты сделаешь, что я сказала, если не хочешь, чтобы твоя сестра умерла.

Я думаю о словах Грейс, которые она сказала мне там, на крыльце — о том, что она уже потеряла половину своей семьи. Я ни за что не хочу, чтобы из-за меня она потеряла остальных.

— Она не захотела бы, чтобы я убегал.

— Черт возьми, просто бегите!

— Погодите! — останавливает нас Кай.

Он осторожно кладет голову Риссы на землю и встает между мной и Клайвом. Удушливый запах становится сильнее. Монстры приближаются. Пятьдесят футов, сорок…

— Дай мне зажигалку, — говорит он.

Клайв хмурится, но вытаскивает зажигалку из сломанного устройства и протягивает ее Каю.

— Держи ножи наготове, — говорит Кай мне, — чисто на всякий случай. А ты, Клайв, иди к сестре и будь готов бежать по моему приказу.

В его голосе прорезалась спокойная властность, которой я никогда раньше не замечала. Его слова не подразумевают возражений. Мы с Клайвом оба делаем то, что он говорит.

Кай делает шаг вперед. И начинает петь низким голосом. Слова навахо — мягкие и глубокие.

Он подпускает их ближе, на расстояние в двадцать футов[69]. Голос по-прежнему ровен.

Пятнадцать футов. Двенадцать.

И вдруг он щелкает зажигалкой, наклоняется над пламенем и дует.

Его дыхание улавливает огонь и заставляет

---

[69] Примечания: 69
6 метров.

его кружиться. Вихрь сначала маленький, затем растет. Становится высотой с ребенка, потом еще выше. Закручивается в циклон синих, оранжевых, желтых и красных оттенков, пока не разрастается до огромного огненного смерча, который становится все быстрее и быстрее. Пламя такое яркое, что я невольно отшатываюсь. Я пытаюсь устоять на месте, но инферно заставляет меня отступить. Я слышу пение Кая и тихие проклятия Клайва, пока все звуки не поглощаются огненным торнадо, которое само по себе начинает напоминать живое существо. Затем оно разворачивается и глотает атакующих *тсэ наайее.*

Они сгорают на месте. Пламя смещается вправо, оставляя за собой костры в виде пылающих мертвых тел. Они горят быстро, ярко и горячо, как сухой хворост. Плоть и кости превращаются в ничто до тех пор, пока в Рок-Спрингсе не остается никаких следов чудовищ.

Огонь исчезает так же быстро, как появился. Единственным признаком его существования остается пепел, лениво падающий на землю под дуновениями чуть заметного ветерка.

Несколько секунд мы молчим.

А потом Кай падает на колени и начинает зады-

хаться. Его лицо покрывается потом. Он тяжело дышит и пытается втянуть воздух, словно только что пробежал по открытой пустыне с полной выкладкой. Я хочу поднять его, но он отмахивается и продолжает сидеть на коленях, уперев руки в бедра и стараясь вдохнуть воздух в легкие.

— Что, черт возьми, это было? — доносится из-за спины голос Клайва, избавляя меня от необходимости самой задавать вопросы.

— Всего лишь немного ветра, — удается выдавить Каю. — Я даже не был уверен, что получится, но…

Но у него получилось. Никогда в жизни не видела ничего подобного. Даже когда была с Нейзгани. Теперь я начинаю понимать, что хотел сказать мне Тах.

— Погодный Путь… — шепчу я слова, предназначенные только для его ушей.

Он морщится, но не отвечает. Хотя я и сама не уверена, задала ли ему вопрос.

Ошеломленные, мы смотрим на то место, где совсем недавно были монстры.

Наконец Кай нарушает тягостное молчание.

— Надо отвезти Риссу домой, — говорит он и смотрит через плечо на меня и Клайва.

Клайв бросает на Кая немного странный взгляд.

Что в нем? Уважение или страх? Но, как бы то ни было, он кивает и осторожно поднимает потерявшую сознание сестру. Я помогаю привязать Риссу частично к нему, частично к мотоциклу полосками ткани и веревкой, которую я отрезала от рухнувшей палатки. Затем он заводит мотоцикл и уезжает, а мы с Каем стоим и смотрим вслед, пока звук мотора не растворяется в ночной пустыне.

— С ней все будет в порядке, — тихо говорит Кай. — Эта мазь — антибиотик, но ей нужно еще наложить швы. И исцеляющая молитва не повредит. Главное, чтобы Клайв о ней позаботился, пока мы не вернемся.

— Что это было, Кай? — спрашиваю теперь я, когда мы остались одни.

Он смотрит вдаль, будто меня не слышит, но я знаю, что он прекрасно понял мой вопрос.

— Это Тах тебя научил?

Он смеется.

— Нет.

— Тогда что это? Какая-то магия *буркеньо*?

Он резко поворачивается и смотрит на меня.

— Я никогда не видела ничего подобного. Ты вызвал ветер.

— Ветер уже был, — объясняет он. Его дыхание

нормализовалось, целительная суперспособность, безусловно, действует, но голос стал смертельно усталым. — Я просто… уговорил его стать чем-то бóльшим. А огонь… появился отсюда. — Он поднимает и показывает мне зажигалку Клайва. — Я не могу создавать элементы с нуля, но если они уже есть… их можно уговорить.

— Это и есть Погодный Путь?

Он не отвечает. Между нами вырастает тишина и ветер — самый обычный ветер, который немного усилился и стал сотрясать палатки и нарядные флагштоки позади нас.

Я потираю руки, ощущая холод. Какой бы силой ни обладал Кай — целительной, чужеземной, клановой или комбинацией из всех трех, — его, скорее всего, будут больше бояться, чем боготворить. В глубине души я это понимаю. Тот, кто умеет создавать торнадо, способен разрушать целые города, и это опасно. А опасных людей следует контролировать. А если контролировать не получается, то лучше всего подавить. Неудивительно, что он хранит свои секреты.

— Как думаешь, они ушли? — спрашивает он.

— Я больше не чувствую запаха, — отвечаю я, на время оставляя тему о его способностях.

— Я тоже, — соглашается он. — Но это не зна-

чит, что они не смогут вернуться.

— Интересно, что случилось со здешними людьми? Здесь же нет *ч'йидии*, не так ли? Таких, как в Краун-Пойнте.

— Нет. Скорее всего, все попрятались, — отвечает он. — Наверное, это безопаснее, чем торчать здесь, как мы, представляя собой отличную мишень для всего, что может выскочить из-за хребта.

Наверное, он прав.

— Ты видела? — спрашивает он. — Такое чувство, что эти твари появляются из воздуха. Как думаешь, откуда они берутся? Кто их создает? И зачем?

Я вспоминаю след от удара молнии возле главного лагеря, и внутри меня начинает формироваться ужасное подозрение. Это кажется возмутительным, даже богохульным, но даже Тах намекал на это. Нейзгани думает не так, как смертные люди. И у него есть доступ к священным предметам, которые можно использовать для создания чудовищ. Внезапно меня пронизывает жуткий озноб.

Я пытаюсь стряхнуть его с себя. Всплескиваю руками и кручу шеей.

Кай смотрит, как я возвращаюсь к оставшемуся

мотоциклу. Как перекидываю ногу, сажусь и надеваю очки. Пока я не готова делиться своими подозрениями. Они слишком возмутительны. И… убийственны.

— Поехали, — говорю я, все еще переживая от мысли, что нашим колдуном может оказаться сам Нейзгани.

А потом понимаю, что Кай не двигается.

Глаза его опущены. Он ждет с таким видом, будто не вполне уверен, что ему будут рады. Возможно, он и владеет какой-то безумной магией, которая превосходит все, что я когда-либо видела, но он только что спас наши жизни. Я поднимаю голову и смотрю на него.

— Эй, только не говори мне, что ты слишком горд для того, чтобы садиться сзади, как девчонка.

Он поднимает глаза и расплывается в своей фирменной улыбке. Затем подбегает к мотоциклу и, смеясь, проскальзывает на заднее сиденье. Потом надевает свои собственные очки и обхватывает мою талию руками. После чего крепко прижимается грудью к моей спине и сдавливает меня бедрами. Коротко рассмеявшись, я качаю головой. Кем бы он ни был, но бесстыже заигрывать он никогда не забывает.

— О чем ты только думаешь? — спрашиваю я.

— О Мэгз, — вздыхает он, и я чувствую его дыхание на своей шее. — Разве в этом есть какая-то тайна?

Глава 25

Мы въезжаем с Каем на мотоцикле в ворота «Всеамериканского бара», и «мистер Веснушка», чьего имени я до сих пор не знаю, машет нам с глупой улыбкой, подняв вверх большой палец.

— Полагаю, это значит, что Рисса до сих пор жива, — говорю я через плечо Каю.

Он бормочет у меня за спиной нечто похожее на «я же тебе говорил». Я глубоко вдыхаю через нос и чувствую головокружительное облегчение. Несмотря на заверения Кая в обратном, меня всю дорогу терзала мысль, что мы увидим еще одну скорбящую мать и еще одну смерть, которая ляжет к моим ногам.

Я ставлю мотоцикл рядом с его близнецом, припаркованным у крыльца трейлера. Замечаю пятна крови на приборной панели. Если бы я не знала уже, что с Риссой все в порядке, то сочла бы это печальным предзнаменованием.

Кай обхватывает мою руку своей и слегка ее пожимает. Я так удивлена, что позволяю ему за себя подержаться, ощущая кожей его сухую прохладную ладонь. Он подмигивает мне, прежде

чем отпустить, затем открывает дверь и ждет, чтобы я вошла первой. Я немного медлю, подготавливая себя к разносу, который, как я уверена, устроит для меня Грейс, и нельзя сказать, чтобы я этого не заслуживала. Ее близнецы доверились мне. На время я стала их предводителем, что накладывало определенную ответственность за их здоровье, и в результате потерпела неудачу.

Мне приходит в голову, что Грейс может сделать нечто бóльшее, чем просто наорать. Она может вышвырнуть меня вон. При всем том, что Рок-Спрингс выглядел совсем другим миром, мы отъехали от «Всеамериканского бара» всего на несколько часов. Мы по-прежнему нуждаемся в безопасном убежище на ночь, но, похоже, я его только что лишилась.

Я захожу внутрь и вижу Клайва и Грейс, сидящих на лавандовом диване с цветочным рисунком. Он держит маленькую мамину руку в своей огромной. И пока они сидят так близко, эти двое выглядят настолько похожими друг на друга, что я останавливаюсь. Возможно, рыжие волосы он унаследовал от отца, но эти румяные щеки и рот — безусловно, от Грейс. Очевидно, она плакала, поскольку вытирает лицо салфеткой, которая заменила в ее руке барную тряпку. Она

поднимает голову, когда я вхожу, и, глядя на меня с непонятным выражением, поднимается с дивана. Я гляжу на Клайва, пытаясь понять, чего от них ожидать, но его взгляд абсолютно чист.

Грейс подходит ко мне, огибая кофейный столик, и я напрягаюсь. Подняв руки, она широко разводит их, и я готовлюсь к удару. Но вместо этого она делает самую ужасную вещь на свете. Она обхватывает меня и крепко обнимает.

Я замираю с глупым видом — как олень, застигнутый светом фар. Не хочу показаться жалкой, но я не помню, чтобы меня когда-нибудь кто-нибудь обнимал. Разве что *нали* однажды, года четыре назад. Или Нейзгани? От одной мысли об этом мне хочется рассмеяться. И теперь эта Грейс — такая маленькая и острая на язык — держится за меня так, будто я что-то для нее значу.

Я стою смирно, позволяя ей обнимать себя то ли из вежливости, то ли от огромного шока. Наконец она размыкает объятия, отодвигается на расстояние вытянутой руки и смотрит на меня большими, блестящими от слез глазами. Затем Грейс поворачивается к подошедшему ко мне Каю и проделывает то же самое с ним. Поскольку Кай не такой эмоциональный инвалид, как я, он расслабляется и обнимает ее в ответ. Она держит

его с минуту, потом отпускает и выпрямляется, чтобы посмотреть на нас обоих.

Я ожидала самого худшего, но теперь понятия не имею, что последует дальше. Поэтому слова, которые она произносит, ошеломляют меня до глубины души:

— Твой долг выплачен, Мэгги Хоски, — говорит она. — Выплачен навсегда. Отныне ты и Кай желанные гости в моем доме и можете проводить здесь столько времени, сколько захотите.

Мои брови взлетают вверх, челюсть отвисает. Кай бормочет слова благодарности от имени нас обоих. Грейс шмыгает носом и вытирает глаза. Затем обходит меня, слегка касаясь плечом, и идет к входной двери. Я слышу, как дверь плотно закрывается за ней, как скрипят ступеньки крыльца. Грейс возвращается в бар, чтобы закончить свои ночные дела.

Кай шаркает ножкой, и я поворачиваюсь к нему. На лице его написано смущение.

— Интересно, значит ли это, что теперь мы можем пить бесплатно?

Клайв взрывается оглушительным хохотом. Кай краснеет и улыбается вслед за ним, и вскоре они начинают смеяться оба, а я по-прежнему не могу взять в толк, что это такое сейчас про-

изошло.

— Значит, она не сердится? — выдавливаю я из себя мучающий меня вопрос.

— Ну что ты, нет, конечно, — отвечает Клайв. — Она считает, что ты спасла жизни нам обоим. Если бы ты не оказалась здесь вовремя со своими знаниями о монстрах, то мы бы отправились вдвоем. И принялись бы стрелять в этих тварей со вполне предсказуемым результатом. Скорее всего, без вас мы бы уже оба были мертвы.

— Но Рисса…

— Она раненая, но живая. Мама зашила ей живот и сказала, что полевая повязка Кая значительно ускорила процесс заживления. Скоро она будет на ногах.

Лицо Кая беспокойно морщится.

— Я все еще считаю, что ей нужна молитва.

Клайв качает головой:

— Пусть сначала отдохнет. Тело нуждается во сне, прежде чем ты начнешь жечь над ним табак. — Он вскакивает с места и с глупой ухмылкой огибает столик, готовясь заключить нас в объятия. Я отскакиваю в сторону, прежде чем он успевает прикоснуться ко мне, но Кай безропотно позволяет мясистому бицепсу Клайва обвить его плечи. — Но я бы не стал слишком рассчитывать

на бесплатную выпивку, Кролик. Конечно, мама благодарна, что ты спас жизнь моей сестре и все такое, но в ее баре никто не пьет бесплатно. Это закон. Но я так тебе скажу: первый раунд будет за мой счет.

Кай усмехается.

— Ты идешь, Мэгз? Героические поступки возбуждают сильную жажду.

Я беспомощно моргаю. Слышу, как они разговаривают, смеются и шутят, но звуки доносятся словно из-под воды или откуда-то издалека.

— Нет. Вы идите. Мне надо поспать.

— Ну же, Мэгги, — умоляет Клайв. — Всего по одной. Расскажешь, как ты так ловко управляешься со своими крутыми ножами.

Я морщусь, и Кай, не сводя с меня глаз, тащит Клайва к двери.

— Дай ей немного времени, чтобы прийти в себя, Клайв, — говорит он. — Она не привыкла быть героем.

Клайв ворчит, но позволяет себя увести.

— Тогда отдельный тост за тебя, — говорит он через плечо, и они оба скрываются за дверью.

Я жду, пока они пересекут двор, и слышу короткий взрыв шума, музыки и смеха, когда они заходят через заднюю дверь во «Всеамериканский

бар». Затем наступает тишина. Убедившись, что я осталась одна, я тащусь по коридору к одной из незанятых комнат. По дороге вижу «больничную палату» Риссы и заглядываю внутрь. Девушка мирно спит. Глядя на нее, совершенно невозможно подумать, что всего час назад она пыталась удержать свои выпадающие внутренности. Уже не в первый раз за сегодня я поражаюсь мастерству Кая.

Кровать в гостевой комнате узкая и простая, но простыни чистые и пахнут летом, а подушка похожа на мягкое облако. Я не потрудилась даже снять свое забрызганное кровью снаряжение. Просто сбрасываю со спины кобуру с дробовиком, прячу «глок» под подушку и падаю в постель. Затем раздается легкий скрип двери, я приоткрываю один глаз и вижу полосатую кошку Грейс, крадущуюся в мою комнату. Прежде чем дверь захлопывается, она запрыгивает ко мне на кровать. У меня даже нет сил предупредить ее о том, что я «собачница». Кошка сворачивается калачиком у моих ног и принимается удовлетворенно мурлыкать.

В этот раз у меня не возникает никаких проблем с засыпанием.

Глава 26

Просыпаюсь я на следующий день как раз к ужину.

— Уже ужин? — недоверчиво переспрашиваю я Грейс, просунувшую голову в дверь и позвавшую меня к столу.

Она хихикает.

— Ты не одна такая. Клайв проснулся всего полминуты назад. Но он и твой парень гудели в баре до рассвета. Правда, Каю это не помешало потом прочитать утреннюю молитву над моим ребенком. — У нее снова в руках тряпка, и она хлопает ею себя по руке, трясясь плечами от смеха. — Твой мальчик просто нечто. Настоящий очаровашка.

Я сажусь и протираю заспанные глаза.

— Ага. Ты не первая, кто мне об этом говорит.

— Он еще и танцор!

Грейс поднимает руки, словно обхватывая невидимого партнера, и делает круг по моей комнате. Никогда ее такой не видела. Видимо, мне надо пересмотреть все, что я знаю об этой женщине.

— Он что, танцевал с тобой?

— Не только со мной, но и со всеми остальными, кто был в баре ночью, — подтверждает она. — Настоящий очаровашка.

— Да, ты уже говорила.

Она видит, что мне не так весело, как ей, и опускает руки на бедра.

— Ну ладно, пойдем ужинать. Накормить тебя — это самое меньшее, что я могу сделать после того, как ты спасла моих близнецов.

Кай, Клайв и Рисса уже сидят за обеденным столом, громко разговаривая, смеясь и раскладывая еду по тарелкам. Я улавливаю запах карне адовада[70], и мой желудок тут же начинает урчать от голода. Я задумываюсь над тем, где Грейс могла раздобыть мясо. Но, в конце концов, она одна из богатейших людей в Восточной Динете — с таким-то оружием и алкогольным бизнесом.

— Убийца Чудовищ! — добродушно приветствует меня Клайв. — Присоединяйся к нам. Прошлой ночью получилась совершенно адская вечеринка. Жаль, что ты все пропустила.

— Уже наслышана, — отвечаю я и присаживаюсь на свободный стул рядом с Риссой.

---

[70] Примечания: 70

Carne adovada — тушеная свинина в красном чили (блюдо мексиканской кухни).

Я замечаю, что перед ней стоит миска с прозрачным бульоном, а не красная свинина в чили, которая так восхитительно пахнет. Я киваю ей, и она кивает мне в ответ.

— Твой парень — настоящий зверь! — кричит Клайв, жизнерадостный, как щенок.

— М-да?

Я тянусь к поварешке, чтобы положить себе еды. Кроме мяса, на столе имеется дрожжевой хлеб. Я беру ломоть и макаю его в соус чили.

— О да, ты бы видела, как он…

Но от знания о том, что я могла там увидеть, меня избавляет входная дверь, которая распахивается и с грохотом бьет о стену. Клайв тут же вскакивает с места и тянется за пистолетом, пристегнутым к бедру, но в проеме двери показывается голова «мистера Веснушки».

— До сих пор жуете, ребята?

— Заходи, поешь, — велит Грейс младшему сыну. — Я приготовила нечто особенное для наших гостей.

«Мистер Веснушка» склоняет голову набок.

— Тут кое-кто хочет видеть Мэгги.

Я замираю с ложкой, недонесенной ко рту, и бросаю нервный взгляд на Кая. Кто мог знать о том, что я нахожусь здесь?

— В смысле, «кое-кто»? — спрашивает Грейс.

— Он сказал, что его зовут Ма'йи.

Ма'йи сидит на крыльце, вольготно покачиваясь в одном из кресел Грейс. Он снова одет в вариацию своего любимого костюма западного джентльмена, но в этот раз в светло-голубых и оранжевых тонах, с накинутым поверх плеч обычным верблюжьим пальто. В руке он лениво вертит трость, слегка постукивая ею по доскам крыльца — и это единственный признак переполняющего его раздражения. Ввиду отсутствия шляпы на голове бледная кожа открыта заходящему солнцу, а волосы слегка шелестят на едва заметном ветру.

Я прислоняюсь к столбу, прямо за его плечом, и скрещиваю руки.

— Ты что здесь делаешь?

Койот непринужденно осматривает двор, окидывает взглядом «Всеамериканский бар», колючую проволоку ограды и длинный ряд гаражей, после чего говорит:

— Это место совсем не похоже на Каньон-де-Шей.

— Я была немного занята.

— О да. Я знаю. Прекрасно знаю. — Он цокает, щелкая длинным языком по острым зубам. За-

тем поворачивается всем телом и смотрит на меня сверкающими золотистыми глазами: — Я начинаю думать, что ты не относишься к нашей дружбе всерьез.

Я разнимаю руки и сажусь в кресло-качалку рядом с ним.

— Вчера случилось кое-что плохое.

Я не хочу вдаваться в подробности, поскольку не вижу ничего хорошего в том, чтобы рассказывать Ма'йи о Тахе.

— Ах да. Знахарь… — говорит он с драматически-возвышенными нотками в голосе.

— Откуда ты знаешь о Тахе?

— Я Койот. Я знаю…

— Да, да, знаешь все. Но какое это имеет отношение к тебе? Если ты здесь только для того, чтобы пожаловаться, что я не выполняю твою работу…

Он поднимает руку, заставляя меня замолчать.

— Я пришел сюда… кстати, где мы находимся?

— В заведении Грейс. Это «Всеамериканский бар».

Койот принюхивается.

— Ты в этом уверена? Впрочем, неважно. Итак, я пришел сюда не только для того, чтобы проверить твои успехи в выполнении моего задания.

Я пришел, поскольку узнал кое-что о чудовищах, которых вы ищете. — Он делает театральную паузу. — Думаю, на вашем языке это называется «подсказкой».

— О *тсэ наайее*? — раздается голос Кая. Я не знала, что он вышел вслед за мной, но теперь он делает шаг вперед, чтобы предстать перед Ма'йи. — И что же именно?

— О, Кай Арвизо! — У Ма'йи загораются глаза. — Как приятно увидеть тебя снова. — Его хитрые глаза закатываются в мою сторону. — Вы с Магдаленой уже стали любовниками?

Я громко выдыхаю.

— Ты можешь не отвлекаться, Ма'йи?

— Значит, со временем… — говорит он и снова поворачивается ко мне. — Огненное сверло!

— Что?

— Сверло. — Он машет когтистой рукой. — Инструмент, который использовал *Хаащ'еешжини*, чтобы зажечь звезды.

Мы с Каем переглядываемся. Это тот бог из записей, найденных в Краун-Пойнте. Тот самый, кого я назвала «поджигателем звезд».

— И как это может быть связано с монстрами?

— Я рассказал вам все, что знаю. Но у меня есть коллега, которая торгует такими вещами. Она

знает больше, и у нее может найтись даже то самое сверло. Ты придешь к ней, узнаешь, что она знает, и, может быть, у тебя появится инструмент, который оживляет твоих чудовищ.

— Ты хочешь сказать, это огненное сверло используется для оживления *тсэ наайее*?

— Вполне возможно, Мэгги, — говорит Кай. — Вероятно, информация об этом находится на CD.

— Но тебе-то что за дело, Ма'йи? Зачем ты нам помогаешь? Почему мы должны доверять тебе?

Его лицо поникает, и он одаривает меня таким взглядом, который можно охарактеризовать только как «щенячий».

— Ты ранишь меня в самое сердце. Разве мы не договорились? Разве не закрепили договор совместной трапезой, как старые друзья? Я поклялся рассказывать тебе все, что буду узнавать о чудовищах, а ты, в свою очередь, должна съездить для меня в Каньон-де-Шей.

Он проницателен. Я выполню то, что он хочет. Поскольку это первая реальная зацепка, которая появилась у нас за последнее время, и она неплохо вписывается в общую картину.

— Ладно.

Он наклоняется вперед.

— «Ладно», и все?

— Спасибо.

Ма’йи отвешивает мне легкий поклон, не вставая с места.

— Всегда рад помочь.

— Ну и где нам искать твою подругу с огненным сверлом?

— Насколько я понимаю, юный Кай Арвизо уже посещал это место. Всего три дня назад он общался там с покойником.

— О чем он говорит? — поворачиваюсь я к Каю.

Кай вздрагивает, прежде чем вымученно-насмешливо покачать головой. Он явно понял, на что намекает Койот.

— О чем он говорит? — переспрашиваю я. — Где ты встречался с покойником?

Кай смотрит на Койота, задумчиво поджав губы, словно переосмысливая все хорошее, что он успел подумать о Ма’йи.

— Покойник — это Длиннорукий, верно? В общем, он говорит о Тсэ-Бонито, вернее, о конкретном месте в этом городке. Он говорит о Шалимаре.

Глава 27

— Ты уверен, что это необходимо?

Час спустя я сижу в ванной трейлера Грейс вместе с Клайвом, который трудится над моими волосами. Для помешанного на оружии качка у него оказались великолепные навыки стилиста.

— Я полон противоречий, — подмигнул он мне, прежде чем взяться за дело, и я рассмеялась, не ожидая многого.

Но уже скоро мне становится не до смеха.

Он формирует из передней части моих волос длинную челку, которая спадает на одну сторону лица. Это выглядит круто, но непрактично и ужасно раздражает, как все остальное, что он сделал со мной сегодня вечером. Он подвел мне глаза черным карандашом, а губы выкрасил в темно-алый цвет. Я не пользовалась косметикой со средней школы. Я даже не знала, что она до сих пор существует, пока Клайв не достал свои запасы, которые обрадовали бы даже трансвестита. Что, впрочем, оказалось довольно близко к истине.

— Откуда у тебя все это? — спрашиваю я с изум-

лением, пока он роется в коробке с помадой, тенями для век и бог знает чем еще.

Клайв пожимает плечами.

— От старого дружка, который любил переодеваться в женщину. Он меня бросил, а я сохранил его вещи. С тех пор собираю и прикупаю при случае чего-нибудь новенькое. Побалуйся, пока есть возможность. Никогда ведь не знаешь, когда тебя снова призовут как Убийцу Чудовищ.

— Я думала, ты любишь оружие! — выпаливаю я.

Он смеется.

— Это ты так спрашиваешь о моей ориентации? — Он проводит большим пальцем по моей щеке, втирая контурный крем. — Разве нельзя любить оружие и гламур одновременно? Одно не исключает другого, знаешь ли.

— Ну да. Наверное.

— Не будь смешной, — говорит он недовольно, нанося мне на лицо какую-то финишную пудру. Затем окидывает меня критическим взглядом и дергает подбородком, показывая, что я должна развернуться и посмотреть на себя в зеркало.

Я разворачиваюсь. Из зеркала на меня смотрит незнакомка.

Я ерзаю на табуретке. Одергиваю короткий

топ, который Клайв выкопал для меня из коробки со старой одеждой. Он состоит из двух V-образных черных лент, которые идут от плеч и соединяются вместе чуть выше пупка, придавая выражению «низкий вырез» совершенно новый смысл. Тонкая горизонтальная кожаная ленточка удерживает топ на груди. Я по-прежнему в легинсах и мокасинах, но между верхом штанов и низом топа остается открытыми добрых три дюйма моей кожи. На бедрах, как обычно, висит охотничий нож в ножнах на низком кожаном ремне, а за спиной — ружье. Но в дополнение к этому Клайв откопал где-то патронташ, который пересекает мою грудь, словно лента участницы некоего смертельного конкурса красоты. Патронташ уже заполнен моими патронами — как специальными для сверхъестественных целей, так и обычными, предназначенными для убийства людей. Он даже нашел кобуру для «глока», который теперь висит у меня на бедре.

— Все это будет дико бесить, — бормочу я, двигая плечами, чтобы почувствовать вес амуниции. Ремни впиваются в голую кожу, но каждый раз, когда я жалуюсь, Клайв говорит мне, что это необходимо. — Может, я надену свою старую кожаную куртку? — говорю я. — Она для того и

предназначена. Чтобы защищать тело.

— Нет, если не хочешь испортить внешний вид.

— На кой мне такой внешний вид? Я что — Безумный Макс?

— Ты Убийца Чудовищ, — говорит он. — И должна соответствовать.

Наши глаза встречаются в зеркале. Я не знаю, что еще сказать.

Он вздыхает от моей непонятливости.

— Если так будет удобнее, считай это маскировочным костюмом.

— Маскировочным?

— Пойми, Шалимар — это не совсем обычное место. Это как… ну, в общем, увидишь сама. Но поверь, хочешь ты или нет, но тебе придется выглядеть эффектно. Ты видела, во что был одет Кай, когда ты впервые привезла его сюда?

Бирюзовые брюки, костюмная рубашка и галстук. Серебристые туфли.

— Люди одеваются, чтобы производить впечатление на других людей, — продолжает он. — Кроме того, учитывая железо, которое ты постоянно носишь на себе, нужно сделать так, чтобы оно выглядело как естественная часть образа, а не признак желания кого-нибудь убить.

— Не вижу особой разницы.

Клайв вздыхает еще раз, измученный моей безнадежной тупостью.

— Я знаю.

Он перехватывает мою руку, когда я пытаюсь убрать длинную челку с глаз. Я морщусь, но уступаю мужчине контроль над моей прической. Очевидно, он понимает в этом больше, чем я. Он «колдует» надо мной еще несколько минут и наконец, удовлетворившись результатом, указывает на дверь. Маневрируя вокруг него, я протискиваюсь к выходу, желая поскорее убраться к черту из этого вызывающего клаустрофобию пространства.

Но час от часу не легче.

У противоположной стены стоит Кай, одетый словно какой-нибудь футуристический вождь навахо. На нем мягкие черные штаны из овечьей кожи, заправленные в черные мокасины до колен, свободная и длинная темно-синяя мятая бархатная рубаха, туго стянутая замшевыми лентами на плечах и ремнем вокруг талии, укра-

шенным серебряными кончо[71]. На шее ожерелье из белых ракушек, в ушах черные жемчужные серьги-капельки, на каждом пальце сверкает по кольцу. Волосы вновь находятся в живописном беспорядке — в виде торчащих пучков с посеребренными концами. Вокруг лба обернута темно-синяя тканевая лента, завязанная сбоку в узел. Глаза обведены серебристой краской.

Я замираю и таращусь на него, как школьница, впервые увидевшая кинозвезду. Нет, это даже круче, чем кинозвезда или мальчик из бойз-бэнда.

Но, к моему удивлению, Кай смотрит на меня и сам с трудом подбирает слова:

— Ты выглядишь…

— Как горячая наемная убийца? Как бомбически сексуальная телохранительница? — предлагает варианты стоящий сзади Клайв.

— Перестань ему подсказывать, — бормочу я и вновь одергиваю то, что заменило мне рубашку.

Кай не сводит с меня глаз, и я начинаю неловко переступать на месте, чувствуя, как приливает

---

[71] Примечания: 71

Кончо (кончас) — исп. «ракушки». Овальные или круглые украшения из серебра, мельхиора или золота для браслетов, ремней, уздечек, седел и т. д. Были очень популярны на Юго-Западе Северной Америки как среди белых, так и индейцев.

к щекам жар.

— Опасно, — говорит наконец Кай. — В смысле, ты выглядишь опасно.

Я выдыхаю и хлопаю в ладоши.

— Отлично. Ты тоже ничего. Шик-блеск, все такое. Выглядишь по-царски.

Он тихо хихикает.

Я понимаю, что сболтнула какую-то чушь, но его глаза по-прежнему горят огнем.

— Теперь, когда комплименты закончились, мы можем идти? — спрашиваю я, направляясь к двери. — Ты забрал кольца Ма'йи?

Ма'йи сам настоял, чтобы мы взяли их с собой — чисто на всякий случай, если вдруг почувствуем необходимость немедленно отправиться в Каньон-де-Шей. Кай согласился их нести, поэтому я не стала спорить.

Кай хлопает по небольшому мешочку, привязанному к поясу.

— Пришлось лишиться сумки Койота, но взамен Грейс дала мне мешок и одежду. А также побрякушки. Стоило всего лишь пообещать душу в качестве оплаты.

— Ты дешево отделался, — бормочу я. — С меня она взяла кофе.

Койот ждет нас у подножия лестницы. Он

поворачивается на звук открываемой двери и удивленно открывает рот. В этот раз пройдоха искренне теряет дар речи. Я спускаюсь по лестнице первой.

— Ну и как это работает?

— Воистину, ты создание, рожденное для насилия, — бормочет Ма'йи, окидывая взглядом мой убийственный шик. — Как тебя называл Нейзгани? *Чинибаа*?

Я тыкаю в него указательным пальцем и говорю с угрозой:

— Лучше не начинай.

Он поднимает руки с невинным видом.

Мы встаем на площадке между трейлером, баром и гаражами. Кай, я и Ма'йи между нами. Рисса присоединяется к Клайву на крыльце, и даже Грейс выходит из задней двери бара, чтобы взглянуть на шоу. Бар открылся четверть часа назад, и несколько подошедших к этому времени посетителей собрались у двери за ее спиной.

— Сколько зрителей, — ворчу я. — Круто.

— Люди любят зрелища, — журит меня Койот. — На самом деле вы двое сегодня просто роскошны! Я и не знал, что ты способна на такое великолепие, Магдалена. Все оружие сидит на тебе как влитое.

Я вздыхаю и натягиваю чертовы ремни, впившиеся мне в спину.

— Спасибо, Ма'йи. Это именно то, что мечтает услышать каждая девушка.

Койот протягивает нам руки — одну мне, другую Каю.

Я хмурюсь.

— Нам обязательно держаться за руки?

— Возможно, нет, — признается он, — но позвольте старому Койоту насладиться сегодня кратким мигом прикосновения к молодой плоти — пусть даже в виде рукопожатия.

Крепко сжав руку Койота, Кай наклоняется ко мне и шепчет:

— Скажи спасибо, что он не заставил нас обниматься.

В его словах есть резон.

— Готовы, детки?

Я беру пройдоху за руку, смотрю на Кая, и, несмотря на горести последних дней, на моем лице появляется улыбка.

— Всегда хотела это сделать, — признаюсь я.

В следующий миг мои ноздри наполняются запахом озона, и мир вспыхивает пламенем.

Не проходит и секунды, как молния бьет в Тсэ-Бонито, и вот мы стоим втроем — убийца

монстров, принц *дине* и пройдоха. Я немного опасалась, что мы окажемся посреди скопления Псов-Законников или перед полицейским заграждением, но улица, на которой мы находимся, пуста. Я озираюсь во все стороны и не наблюдаю ни души. Словно мы оказались в нашем собственном карманном мире.

Я откидываю волосы с лица и смотрю на здание, возвышающееся перед нами. Это какой-то заброшенный мотель. Перед ним — широкая парковка, покрытая растрескавшимся асфальтом и перекати-полем. Рядом — подъездная дорога, упирающаяся в стеклянные двойные двери, за которыми располагаются стойка регистрации и сувенирный магазин. Ну или располагались когда-то. Теперь двери заколочены досками, а внутри темнота, кажущаяся немного зловещей. Наружная вывеска с помощью винтажного шрифта 1950-х годов сообщает нам, что это место называется «Шалимар». Вероятно, именно тогда же здесь останавливался последний гость.

— И что теперь? — спрашиваю я.

Кай смотрит на здание с непроницаемым лицом.

— Зайдем внутрь.

— Но здесь ничего нет. Здание заброшено.

— Только до захода солнца, — поправляет меня Ма’йи. — И только для тех, кто не знает, как правильно смотреть.

— Ты зайдешь? — спрашиваю я у него.

— Я уже заходил сегодня, — отвечает он, взбивая когтями голубой шейный платок цвета яиц дрозда. — Ту, которая вам нужна, зовут Мосы[72]. У нее найдется то, что вы ищете. — Он смотрит на свои карманные часы.

— Спасибо, Ма’йи, — говорю я.

Несмотря на все наши ссоры, я не могу не признать, что он выполняет свою часть сделки.

— О, не благодари преждевременно, — предупреждает он с улыбкой. — Прежде чем все закончится, ты вполне можешь меня проклясть. Вам пора… — Он машет рукой в сторону здания.

Я поворачиваюсь в сторону входной двери, но Кай кладет руку мне на плечо.

— Погоди, — шепчет он, провожая глазами Койота.

Несколько секунд мы стоим и смотрим, как он идет по пустынной улице Тсэ-Бонито, размахивая тростью.

Кай ждет до тех пор, пока Ма’йи не исчезнет

---

[72] Примечания: 72
Кошка (*ìàâàð.*).

окончательно, после чего лезет под рубашку и вытаскивает оттуда маленький желтый мешочек, привязанный кожаной веревочкой к шее. Он открывает его и достает пакетик с чем-то похожим на мелкий желтоватый песочек и небольшую емкость с серебристой мазью.

— Почему ты не хотел, чтобы Ма'йи увидел твою аптечку?

— Это то, о чем ему лучше не знать.

Я удивлена, что он беспокоится об осведомленности Ма'йи, но не могу с ним не согласиться. Да, сейчас Ма'йи помогает, но только ради собственных целей. И ему по-прежнему опасно доверять.

Вначале Кай открывает мешочек с желтым песком.

— Возьми, — говорит он и протягивает его мне. — Оближи мизинец, окуни его в мешочек, затем возьми мизинец в рот. — Он вздыхает, увидев подозрительность в моем взгляде. — Обещаю, он не причинит тебе вреда.

Я выполняю то, о чем он просит. Вкус у вещества острый и неприятный.

— Что это?

— Горький Корень. Спасает от дурных снадобий и сглаза. Но бесполезен против кулака или пистолета. — Он многозначительно смотрит на

меня. — Любая опасность здесь на более тонком уровне. Мосы — это *бикъэайе'йи*, а не взбешенный полицейский или безмозглый монстр. А вот это, — он поднимает емкость с серебристой краской, — поможет бороться с вещами, которые не всегда видны.

Я беру маленькую баночку.

— Что, опять макияж? А я думала, что уже достаточно накрасилась.

Он одаривает меня легкой улыбкой.

— Вокруг моих глаз именно эта мазь.

— Она тебе идет, красавчик.

— Это снадобье, — терпеливо объясняет он. — Нанеси вокруг глаз, и оно поможет тебе видеть сквозь иллюзии.

Кай наносит смесь мне на веки, нежно прикасаясь пальцами к коже. Его лицо оказывается в нескольких дюймах от моего, и теплое дыхание заставляет мои ресницы дрожать. На таком расстоянии от него пахнет кедром с легкой примесью чистого табака. Это запах хороших снадобий, напоминающий о хогане Таха. Я вдыхаю его, закрыв глаза. Через мгновение Кай отступает, и вместе с ним уходит аромат.

— Что теперь видишь?

Я распахиваю глаза и начинаю недоуменно

озираться, пока он не берет меня за плечи и не разворачивает лицом к старому мотелю. Только теперь на его вывеске читаются сияющие большие буквы:

«ШАЛИМАР: ИНДЕЙСКАЯ ТОРГОВАЯ ФАКТОРИЯ С ТАНЦЕВАЛЬНЫМ ЗАЛОМ»

— И как я раньше об этом не знала? — шепчу я, пораженная такой метаморфозой.

— А ты часто бываешь в Тсэ-Бонито?

— Терпеть его не могу. Приезжаю сюда только в крайнем случае.

Кай хихикает.

— А я обнаружил Шалимар в первую же ночь, как только здесь появился.

— М-да? Неужели?

Он пожимает плечами.

— В отличие от тебя я люблю общаться с людьми, а это своего рода место встреч. Когда я только приехал сюда, мне было скучно. И одиноко. Вот я и решил познакомиться с местными жителями. Поверь, в этом нет ничего дурного.

— Только не говори мне, — говорю я, глядя на него с серьезным выражением лица, — что там подают шампанское.

Он смеется. С легким трепетом я понимаю, что начинаю доверять этому смеху.

Переведя дыхание, Кай говорит:

— Я помню, ты так и не ответила на мое предложение стать друзьями. Но может, после всего того, что случилось с нами… — он так и не договаривает свой вопрос.

Я ухмыляюсь.

— Не испытывай судьбу, Кролик.

Кай стонет.

— Пожалуйста, хоть ты не начинай!

— В смысле? Я слышала, мальчики любят прозвища. Они помогают им чувствовать свою исключительность.

— «Кролик» не помогает чувствовать исключительность, скорее наоборот.

— Ну не знаю. Мне нравится.

Покачав головой в шутливом отчаянии, он протягивает мне ладонь. Я не берусь за нее, предпочитая держать одну руку возле пистолета, а другую свободной. Но придерживаю дверь за него, и мы входим в Шалимар вместе.

Глава 28

Первое, что меня поражает, — это шум. Танцевальная музыка гремит в ушах, пол вибрирует от звуков тяжелого басового барабана. Моя рука нервно тянется к охотничьему ножу. Если кто-нибудь захочет к нам подкрасться, я даже не услышу шагов.

Мы стоим наверху длинной широкой лестницы, которая через две дюжины каменных ступеней исчезает в тумане подземного мира. Сквозь облака внизу прорываются пульсирующие огни — розовые, фиолетовые, бордовые и пурпурные.

— Это что, шутка такая? Танцевальный клуб посреди зачуханной резервации?

— Что?! — кричит Кай.

Я качаю головой. Увидев на вывеске слова «танцевальный зал», я представила себе нечто похожее на «Всеамериканский бар» Грейс. С

Хэнком Уильямсом[73] и Лоретой Линн[74] в музыкальном автомате. Но тут что-то совсем другое. И этот диссонанс ошеломляет.

— Удостоверения личностей! — раздается чей-то голос справа от меня.

Я поворачиваюсь, держа руку на рукояти ножа, пока не понимаю, что это всего лишь контроль на входе. На одиноком барном стуле сидит молодой человек и выжидающе на меня смотрит. Он *дине*, который выглядел бы довольно невзрачно в своих обвислых штанах и холщовой куртке не по размеру, если бы не одна деталь. Вернее, две: его уши. На них надето нечто вроде протеза, делающего уши изящно изогнутыми, поднимающимися выше линии волос и встречающимися над темечком.

Я с трудом отрываю взгляд от его странных ушей и замечаю у него в руках блокнот.

---

[73] Примечания: 73

Хэнк Уильямс (1923–1953) — американский автор-исполнитель, считающийся отцом современной музыки кантри. За пять лет активной музыкальной деятельности, прерванной смертью в 29-летнем возрасте, Уильямс написал большое число песен, надолго определивших облик музыки хонки-тонк и кантри в целом.

[74] Примечания: 74

Лоре́тта Линн (1932 г. р.) — американская певица и композитор, одна из наиболее популярных исполнительниц кантри в 1960—1980-х годах. За всю свою музыкальную карьеру записала более сорока музыкальных альбомов.

— Чтобы попасть туда, мы должны быть в каком-то списке?

Кай толкает меня плечом.

— Просто представься, — шепчет он мне в ухо.

— Что?

— Путь навахо. Назови свои кланы, можно только первые два. И тебя сразу пропустят.

Я говорю то, что он советует.

— Меня зовут Магдалена Хоски. Я из клана *Бродяжников*. Рождена для клана *Живой Стрелы*. Таким образом, я *дине*.

Большеухий парень делает пометку в блокноте, удовлетворенно хмыкает и поворачивается к Каю. Тот наклоняется и бормочет свое представление так тихо, что я не могу его расслышать. Привратник прилежно записывает и его кланы, после чего жестом приглашает нас спуститься по лестнице.

Я остаюсь стоять на месте.

— Мы ищем женщину по имени Мосы. Ты ее знаешь?

Привратник вскакивает так, словно он не привык, чтобы к нему обращались напрямую. И тупо смотрит на меня.

— Она нас ждет, — добавляю я.

Не знаю, правда это или нет, но попробовать

стоит.

Теперь парень выглядит по-настоящему обескураженным. Он облизывает губы и переводит взгляд на мое оружие.

— Сегодня никто не увидит Мосы, — говорит он высоким нервным голосом. — Это приказ!

— Но это важно, — настаиваю я.

— Никто, — визжит он, переводя взгляд с меня на Кая. — Даже самые крупные игроки!

Кай молчал, наблюдая за нами, но теперь он прикасается к моей руке.

— Идем, Мэгги, — говорит он. — Он не сможет нам помочь.

— Но он знает… — возражаю я, но чувствую, что разговариваю с воздухом. Кай уже на полпути вниз по лестнице. Я его догоняю. — Почему ты не дал мне немного надавить на этого парня? Я могла бы его уговорить пустить нас к Мосы.

Кай бросает быстрый взгляд через плечо и через секунду уже оказывается рядом с моим ухом и шепчет, едва издавая звук:

— Знаешь, кто этот парень у двери? Он из *Джаа'йаалоолии Дине — Людей с Торчащими Ушами*.

— Это его клан? Так вот почему он носит наушники? — спрашиваю я, прикасаясь к собственным

ушам.

— Ничего он не носит. Это его собственные уши, — объясняет он. — У них великолепный слух. А еще, говорят, они умеют отличать правду от лжи. Представь, что с этого момента кто-то будет слушать все, что мы говорим. Они станут следить за нами, я уверен. Если помощник Койота ждет нас, то Мосы обязательно узнает, что мы пришли. Поверь мне.

Я оглядываюсь через плечо. Лестница позади нас пуста, за исключением привратника *Джаа'йаалоолии Дине* наверху. И он смотрит на меня — холодным умным взглядом, в котором от прежней робости не осталось и следа. По позвоночнику пробегает холодок, инстинкты шепчут об угрозе. Я догадывалась, что Шалимар окажется странным. Но совсем не ждала, что он будет полон чудовищ.

Я поворачиваюсь и наклоняюсь к Каю, чтобы перекинуться с ним парой слов.

— Значит, снадобье на моих глазах позволяет видеть сквозь иллюзии? — спрашиваю я.

— Да. Нормальные уши — это тоже иллюзия.

— Монстры прячутся у всех на виду, — бормочу я.

И вот сейчас мы идем прямо в их логово.

Наконец мы добираемся до подножия лестницы. Я щурюсь, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте перед нами. Но за ней — лишь туман и мельтешащие цветные огни. Музыка по-прежнему гремит оглушительно. Меня начинает мутить. Внезапно мне начинает казаться, что нам не стоит туда идти. Я останавливаю Кая, схватив его за руку.

— Во что мы ввязываемся, Кай?

Кай не отвечает. Он уже разглядывает в темноте что-то такое, что я не вижу.

— Кай?

Он оборачивается ко мне и несколько раз медленно моргает.

— Просто старайся держать разум открытым. И не удивляйся, если увидишь что-нибудь странное… По-настоящему странное.

«Странное» — это еще слабо сказано.

Логика подсказывает, что мы должны быть под землей. Мы только что вошли через двери и спустились на двадцать или тридцать футов[75] вниз по лестнице. Но потолок Шалимара, напоминающий звездное пустынное небо, простирается по меньшей мере в сотне футов над моей голо-

[75] Примечания: 75
От 6 до 9 метров.

вой. Потолок, бросающий вызов логике, по идее, должен дарить ощущение простора, но вместо этого меня охватывает клаустрофобия. Я не могу забыть, что мы находимся глубоко под землей.

Мы оказываемся в длинном помещении, которое тянется как минимум на сотню ярдов вдаль. Я не вижу точно, где оно заканчивается, только смутно предполагаю, где находится дальняя стена. Пространство не столько широкое, сколько длинное. Вдаль оно по меньшей мере вдвое шире, чем поперек, и стены окрашены так, чтобы напоминать внутренний двор мотеля 1950-х годов, если на него смотреть сверху лестницы. Но все выглядит двумерным, будто голливудские декорации — вот поддельный номер мотеля цвета лайма с поддельной дверью, которая на самом деле не открывается, а рядом — такой же поддельный интерьер закусочной с красными виниловыми барными стульями, неоновым музыкальным автоматом, картинами с улыбающимися девушками с пышными начесами и вырезанными пуделями на стенах. Все какое-то плоское и странно сбивающее с толку.

По периметру клуба расставлены длинные столы из белого пластика, подобные которым моя *нали* обычно покупала в «Уолмарте». За каждым

третьим или четвертым из них стоит бармен, оживленно торгующий текилой из агавы или пивом из кактусов. В промежутках между барными стойками торговцы заставили столы различными товарами и с энтузиазмом расхваливают их, перекрикивая вездесущую басовитую музыку. Кажется, здесь продается все. Я вижу старую расчлененную электронику с разложенными по столу внутренностями в виде проводов и системных плат. Рядом — груда одежды, большая часть которой выглядит поношенной или изготовленной вручную. Имеется и стол с оружием. На нем в основном представлены ножи или остро заточенные предметы, напоминающие ножи, но помимо этого я замечаю также закрытый шкаф у стены, в котором хранится огнестрел. Стволы красиво разложены по стеклянной полке, рядом лежат магазины с боеприпасами. Возле торговца оружием расположилась молодая женщина, продающая кедровые шишки и листовой табак, а чуть дальше я вижу парнишку, предлагающего покупателям мятые банки с супом «Кэмпбелл»[76]

---

[76] Примечания: 76

Campbell Soup Company — американская компания, крупнейший в мире производитель консервированных супов. Банка супа «Кэмпбелл» получила мировую известность как арт-объект эпохи поп-арта, став источником вдохновения для серии работ американского художника Энди Уорхола.

и консервированной фасолью пинто[77], аккуратно собранные в высокие пирамиды. Над головой парня висит нацарапанная от руки вывеска: «ЛЮБЫЕ СДЕЛКИ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ».

Я радуюсь тому, что оружие по-прежнему со мной. И причиной тому — не активно действующий черный рынок, не пространство, бросающее вызов законам физики, и не здешняя потусторонняя атмосфера. Меня пугают покупатели.

Со снадобьем Кая, нанесенным на глаза, я вижу детей Динеты безо всяких иллюзий — и они похожи на порождения снов. Или скорее кошмаров.

Я узнаю здесь многие кланы. *Атс'оос Дине*, или *Пернатых Людей,* несложно отличить от остальных. Их оперенные тела покрыты серыми, коричневыми и белыми ястребиными пятнами. Некоторые носят более вычурное оперение — красных, желтых и синих цветов. У всех есть дополнительные веки, двигающиеся горизонтально через глаза. У стойки бара сидят два представителя *Великих Людей-Оленей* с огромными трехконечными рогами на головах. Они носят широкие юбки из оленьей кожи, из-под

[77] Примечания: 77

Сорт фасоли с характерной расцветкой в виде рассеянных красно-коричневых пятен на бежевом фоне. Из-за расцветки получили название «пинто», что в переводе с испанского означает «окрашенная».

которых выглядывают изящные черные копыта. Вон тот человек, одетый в лоскутное меховое пальто, который роется в беспорядочной куче автомобильных запчастей, может быть только из *Кроличьего* клана, поскольку длинные уши и огромные зубы невозможно спутать ни с чем.

Наш путь пересекает пара с бокалами в руках. Их наряды довольно изящны: женщина облачена в бледно-розовое платье со стразами и красивые туфли на высоких шпильках. Мужчина, одетый в белый костюм, похож на гангстера из старых фильмов. Понятия не имею, где они могли обзавестись такой одеждой, но, учитывая те наряды, которые Клайв подобрал для нас с Каем, удивляться не приходится. Но вовсе не из-за одежды я таращусь на пару во все глаза. И мужчина, и женщина похожи на изможденные скелеты. Кожа туго натянута на кости, скулы непристойно выступают вперед. С головы свисают длинные ломкие волосы, а увядшие тела настолько худые, что причудливая одежда свисает с них, как с вешалок.

– *Дичин Дине*, — поясняет Кай, увидев мой пристальный взгляд, — *Голодающие Люди*.

Кай ведет меня к длинному бару в форме человеческой почки. Несколько покупателей — в

основном женщины, но и мужчины тоже — разглядывают его, когда он проходит мимо. Я вижу, как их жадные глаза изучают его лицо и оценивают драгоценности, которые он надел. Кажется, Кай ничего не замечает. А если и замечает, то умело это скрывает. Я придвигаюсь к нему чуть ближе и кладу руку на рукоять ножа, после чего посетители начинают поспешно отводить глаза.

Я наклоняюсь к Каю. На самом деле музыка немного поутихла, и теперь мы можем беседовать нормально, но из опасения быть услышанной *Людьми с Торчащими Ушами* я продолжаю говорить шепотом:

— Я кажусь тебе другой?

— Хмм…

— С этим твоим снадобьем на глазах. Я не… — пытаюсь я спросить, но осекаюсь.

Я понимаю, что сейчас следует сосредоточиться на поисках Мосы, но мне важно это знать… Важно знать, может ли лишенный иллюзий Кай увидеть меня настоящую. Если да, то похожа ли я на чудовище? Подхватила ли я зло, как заразу, о чем предупреждал меня Нейзгани?

Но я не могу заставить себя спросить об этом прямо, поскольку мне кажется, что я уже знаю ответ.

Кай ловит взгляд бармена и просит жестом ему налить, после чего вопросительно смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой. Кай бросает на стол бара одно из полудюжины бронзовых колец, которые он носит на мизинце, затем поворачивается и протягивает мне стакан текилы. Я открываю рот, чтобы возразить, но он мне шепчет:

— Тебе не обязательно пить. Можешь просто притворяться, что пьешь, но обязательно постарайся расслабиться. У тебя такой вид, будто ты собираешься кого-то застрелить.

Он произносит все это с улыбкой, прихлебывая из своего стакана и оглядывая толпу.

Я понимаю, что он ни на секунду не забывает о любопытных взглядах, которые на нас бросают. Он начеку — точно так же, как я. Эта мысль немного успокаивает меня, я беру стакан и делаю вид, что отпиваю. Сивушный запах немедленно бьет мне в нос, и я задерживаю дыхание. Никогда не любила текилу.

— Хочешь узнать, как ты выглядишь? — спрашивает он меня.

Сердце начинает биться чаще. Он действительно услышал мой вопрос. Я киваю. И перестаю дышать.

— Как Убийца Чудовищ. — Кай слегка салютует мне стаканом и выпивает текилу залпом.

Я хмурюсь.

— И что это значит?

Он делает знак бармену, чтобы тот налил еще. Берет стакан и немедленно заглатывает напиток в один присест. Затем вытирает рот и говорит:

— Сама-то как думаешь?

— Ты хочешь сказать, что я не выгляжу как-то иначе?

— Я хочу? — Он наклоняет голову и криво мне улыбается.

Не знаю, но такое ощущение, что он уже пьян или стремительно пьянеет.

— Думаешь, пить столько текилы сейчас — это хорошая идея?

— Ни в коем случае, — отвечает он и жестом просит у бармена еще одну порцию.

— Тогда что ты творишь?

— Умираю, — бормочет он так тихо, что я не уверена, правильно ли его поняла.

— Ты… что?

Он резко поворачивается и смотрит на меня блестящими глазами.

— Ты не ответила на мой вопрос, Мэгз.

— Какой вопрос?

Кажется, в своем раздражении я забыла, о чем он меня спрашивал.

— Я выгляжу как-то иначе? — спрашивает он. И разводит руки в стороны, чтобы я получше его рассмотрела.

Не хочу признаваться в этом, но он выглядит лучше. Кожа превратилась в светящуюся бронзу, а глаза покрылись потусторонним серебром, на которое стало трудно смотреть. Изгиб челюсти теперь сильнее и изящнее. Он стал излучать какую-то харизму, невероятное притяжение, превосходящее все, что было раньше. Оно почти сверхъестественное. Нет, не почти. Так и есть.

— Ты выглядишь так же, — лгу я.

Сверкнув серьгами, он кивает с таким видом, будто точно знает, что я увидела и почему солгала.

— Вот видишь, Убийца Чудовищ? Мы все *лжецы*.

Понятия не имею, что на это ответить.

— Что происходит, Кай? — спрашиваю я. — Что на тебя нашло?

Он печально качает головой.

— Давай просто найдем эту Мосы и уберемся отсюда, — говорит он, вздрогнув всем телом. — От этого места у меня голова кругом.

Не могу с ним не согласиться.

Он выпрямляется.

— Пойду немного осмотрюсь. Может, что-нибудь выясню.

— Мы должны держаться вместе, — протестую я.

Эти жадные глаза вокруг не дают мне покоя.

— Нет. Тут есть… В общем, будет лучше, если я схожу один. — Он смеется, и я улавливаю запах алкоголя в его дыхании. — Никто не будет разговаривать со мной, если ты станешь расхаживать рядом с таким видом, будто собираешься воткнуть в них нож. Мне надо побродить одному. Я обязательно вернусь.

— Не думаю, что…

— Я смогу о себе позаботиться, ты же знаешь…

Мне это не нравится, но пусть будет так. Он взрослый человек, и я не собираюсь с ним спорить.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Он тут же наклоняется и касается губами моей щеки. Я напрягаюсь, когда противоречивая смесь из запаха кедра и алкоголя достигает моего носа.

— Слева от тебя, — шепчет он, обдав дыханием мне ухо, прежде чем отойти.

Затем поворачивается и через несколько се-

кунд сливается с толпой, насколько для него это вообще возможно. Я выжидаю несколько секунд, прежде чем посмотреть налево, и не сразу замечаю того, кого он хотел мне показать: мужчину с телосложением игрока в американский футбол и копной рыжих волос.

А он-то что здесь забыл?

С краю толпы с несколько застенчивой улыбкой стоит Клайв. Он одет в костюм в техасском стиле и галстук-боло[78]. Костюм слишком узок для его крупного тела и крепких мышц, к тому же он некрасивого коричневого оттенка. В целом выглядит так, будто Рэмбо напялил на себя одежду Хауди Дуди[79].

— Я ожидала бóльшего, — поддразниваю я, подходя к нему и указывая на его наряд, — учитывая, как ты одел меня.

Он пожимает плечами и поправляет боло.

— Не смог найти ничего получше в своем гардеробе.

---

[78] Примечания: 78

Галстук-боло — тип галстука, характерный для южных и западных штатов Соединенных Штатов Америки, в виде шнурка с орнаментальным зажимом или оригинальным узлом. Неотъемлемый атрибут стереотипного ковбоя.

[79] Примечания: 79

Хауди Дуди — заглавный персонаж детского телевизионного кукольного шоу, демонстрировавшегося с 1947 по 1960 г. Был одет в характерный «ковбойский» костюмчик.

— С удовольствием бы с тобой поменялась. Держу пари, в топе с бретельками ты бы смотрелся на отлично! — Затем я задаю очевидный вопрос: — А что ты здесь делаешь? Зашел поправить мне волосы?

Он смеется и качает головой.

— Ничего подобного. Хотя… — Он облизывает палец и тянется вперед, будто собираясь коснуться моего лица.

Я живо отступаю назад и непроизвольно хватаюсь за нож.

Клайв мгновенно бледнеет.

— Просто хотел стереть эту серебристую дрянь с твоих глаз. Даже по моим меркам это перебор.

Я смущенно краснею и опускаю руку.

— Извини, — говорю я и потираю свои голые руки. — Не бери в голову. Просто я не люблю, когда ко мне прикасаются, — слабо пытаюсь я оправдаться.

— Ладно, — отвечает он. — Я был уверен, что потеряю почку еще тогда, когда делал тебе челку.

Я хмурюсь.

— Ха, ха. Очень смешно.

— Я уважаю твои умения, но у тебя очень специфическая репутация, — говорит он, прислоняясь спиной к бару и делая глоток пива. — И не делай

вид, будто ты этого не знаешь.

— Репутация психопатки?

— Ну это слишком сильно сказано. Остановимся на склонности к насилию и антисоциальном поведении.

Клайв говорит это с улыбкой, но слышать все равно больно.

— Можно подумать, для тебя это сюрприз, — продолжает он, разглядывая мое лицо. Затем Клайв окидывает взглядом толпу. — Но кто-то же прикасался к тебе, пока наносил эту мазь на глаза. Интересно, кем был этот счастливчик?

— А сам как думаешь?

Я не собираюсь рассказывать ему, что это не для красоты, а для более практичных целей. Если Кай не хотел показывать снадобье Койоту, то, может, и Клайву не следует об этом знать?

— Между прочим, где этот твой великолепный мужчина? — спрашивает Клайв, все еще оглядывая помещение.

— Не знаю, — признаюсь я. — Он ускакал без меня. Сказал, что ему надо что-то выяснить.

Он моргает длинными рыжими ресницами.

— Звучит немного настораживающе.

Я пожимаю плечами.

— Он вполне взрослый мальчик.

— Да уж, это точно, — говорит Клайв с хитрецой в голосе. Затем смеется, заметив мое удивление. — Не переживай. Не собираюсь я отбивать твоего мужика. Но чисто для справки знай: он танцевал со мной прошлой ночью.

— Ты танцевал с Каем?

— И не раз. Между прочим, он весьма неплох. Хотя я до сих пор не могу поверить, что он знахарь.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду только одно: разве не должны существовать правила, которые запрещают знахарям быть настолько сексуальными?

Я согласна с ним, но вслух говорю:

— Если тебя это утешит, он еще не закончил обучение.

— В Рок-Спрингс ты видела то же, что и я, — говорит он неожиданно серьезным тоном. Вся шутливая фамильярность, которая была в нем секунду назад, внезапно куда-то исчезла. Он делает глоток пива, прежде чем продолжить. — Как бы то ни было, вам удалось найти ту зацепку, о которой говорил Койот?

— Пока нет, — отвечаю я, радуясь возможности сменить тему.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Я суживаю глаза, ощутив внезапное подозрение.

— Ты так и не сказал, зачем ты здесь, Клайв.

— О, некоторые посетители «Всеамериканского бара» говорили, что сегодня вечером здесь состоится драка. Какой-то эпический бой. Я решил, что имеет смысл проверить. А так как вы все равно собирались сюда, я подумал, что заодно смогу чем-нибудь помочь.

— Хозяева Шалимара устраивают бои?

— Время от времени. Обычно это довольно впечатляющее зрелище.

Я оглядываю зал, но не могу понять, где здесь может находиться арена для боев. За одной из плоских двумерных дверей? В кроличьей норе без дна? Или, может, в гардеробе?

— А где это место?

— Хороший вопрос, — отвечает Клайв. — Никто точно не знает. Оно появляется и исчезает по собственному распорядку. Иногда здесь, иногда там… — Он изображает рукой взрыв. — Полагаю, такое в порядке вещей, когда заведением управляет кошка.

— А Кай знает? О боях, я имею в виду.

— Понятия не имею. Но ты можешь спросить у него сама.

Он кивает головой в сторону толпы, и я вижу идущего к нам Кая.

— Я узнал, что в Шалимаре сегодня будут бои, — говорит Кай.

Он снова выглядит вполне нормальным — никаких признаков опьянения. Я не задумывалась об этом раньше, но его целебная сила, должно быть, нейтрализует воздействие алкоголя. То, что Кай пытается в нем утопить, не тонет надолго.

— Вначале будут обычные турнирные схватки, — объясняет он, — но с финальным боем связана некая тайна. Ходят слухи о каком-то забойном реванше.

— Я слышал то же самое, — подтверждает Клайв. — Можно поднять много денег, если угадать со ставкой.

На бои взглянуть интересно, но азартные игры меня не привлекают. Это скорее сфера интересов Ма'йи — с их невероятными выигрышами и потенциалом для хитрого обмана. И тут я вспоминаю, как привратник говорил что-то о «крупных игроках».

— Клайв, здесь есть местный букмекер? Тот, кто принимает все ставки от имени хозяев боев?

— Конечно, — отвечает Клайв.

— Это может быть женщина по имени Мосы?

— Ага. Это именно та кошка, о которой я тебе говорил. — Он прищуривает свои карие глаза. — Мне показалось, ты сказала, что никогда не бывала здесь раньше…

— Должно быть, это ее… — размышляю я.

— Ты что задумала, Мэгз? — встревоженно спрашивает Кай.

— Я хорошо дерусь, — отвечаю я.

И это правда. Конечно, я не владею никакими причудливыми «боевыми искусствами», но Нейзгани, помимо прочего, не пренебрегал моей рукопашной подготовкой. Моя техника более приземленная и грязная — быстро напрыгивай, сильно бей и тут же отбегай. А если сюда добавить еще и силы кланов, то я не сомневаюсь, что смогу продержаться несколько раундов. Этого должно хватить, чтобы привлечь внимание главного букмекера Шалимара.

Кай трет переносицу, зажмурив глаза.

— Думаешь, если ты согласишься драться, это действительно приблизит нас к ней?

— В противном случае мы не приблизимся даже к арене, — вмешивается Клайв. — Тот парень у двери сказал, что все билеты на бои распроданы. Насколько я понял, допускаются только новые участники и их команды поддержки.

— Тогда я это сделаю, — говорю я. — Нам нужно это огненное сверло, и если ради него придется выбить дерьмо из нескольких «бычков», значит, так тому и быть.

Кай долго смотрит на меня, прежде чем заговорить.

— Тебе не нужно драться, — наконец говорит он, показывая три бумажных листка.

— Что это?

— Наши пропуска.

Я беру у него билеты.

— Ты где их взял?

— Откуда они у тебя? — спрашивает Клайв, выхватывая у меня билеты. — Господи, это же места в первом ряду!

Кай качает головой.

— Так мы идем туда или нет?

Я одариваю мальчиков улыбкой.

— Черт, конечно да!

Глава 29

Несмотря на обещанный VIP-статус наших билетов, мы, как и все остальные, застреваем в пестрой очереди ожидающих зрителей. Очередь движется медленно, в основном из-за двух мускулистых представителей *Медвежьего* клана, обыскивающих всех входящих на предмет наличия оружия.

— Свое оружие я не отдам, — говорю я Клайву, когда мы подходим к контрольно-пропускному пункту.

— Похоже, у тебя нет выбора, — отвечает он.

Клайв прав. Я вижу, как мужчина через несколько человек от нас вытаскивает из-за голенища сапога девятидюймовое[80] лезвие и бросает его в предложенный металлический ящик. Один из парней Медвежьего клана запирает ящик маленьким, висящим на веревочке ключом, толкает его на полку, заставленную дюжиной точно таких же ящиков, после чего вручает мужчине его ключик, вероятно, единственный. Мужчина, очевидно, уже знакомый с процедурой, надевает

---

[80] Примечания: 80
Почти 23 см.

веревочку с ключом на шею и как ни в чем не бывало идет внутрь.

— Кажется, система довольно безопасная, — говорит Кай.

Похоже, я стану единственной, у кого будет ключ от ящичка с моими вещами — при условии, конечно, что никто не украдет сами ящики. Предполагаю, что воровство здесь не одобряется — по крайней мере, в зоне боев. И сурово наказывается. Пусть клиенты будут счастливы, и да не оскудеет поток денег! Таким должен быть девиз Шалимара.

Когда мы подходим к столу, один из здоровенных вышибал бросает на меня взгляд, и его губы недовольно кривятся. Он хмыкает и достает из-под стола металлический ящик увеличенных размеров. Жестами велит мне приступать к делу. Вначале я снимаю патронташ, затем заплечную кобуру с дробовиком. Вытаскиваю «глок» и кладу его в ящик. Потом ножи — все три. Закрываю ящик, беру ключ, и мы с Клайвом переступаем через черту. Кай идет за нами, отстав на несколько шагов. Затем мы проходим через рамки металлоискателей и вступаем в толпу, собравшуюся на главное спортивное событие.

— Ты уже бывал в таких местах, Клайв? — спра-

шиваю я, пока мы идем к арене. — Как тут все организовано?

Арена не сказать чтобы огромная, но и не маленькая. И прошли мы к ней не через шкаф или кроличью нору, а через самую обычную дверь, сливавшуюся с детальной картиной, на которой изображен Кораль О-кей. Здесь хватит места, наверное, для двухсот человек или даже больше. И это впечатляет — учитывая, что мы по-прежнему находимся под землей. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом: кем или чем создано это место? Само поле боя — это чисто выметенный участок почвы, который опустили ниже уровня пола примерно на дюжину футов[81]. Трибуны, которые выглядят так, будто их притащили из спортивного зала средней школы, предоставляют зрителям прекрасный вид на действие, происходящее на ринге.

А там уже что-то произошло. Мы пропустили первый поединок, и теперь грязный пол покрыт свежими пятнами еще не свернувшейся крови. Запах насилия проносится в воздухе, ускоряя мое сердцебиение и возбуждая нервы предвкушением. Должна признаться, я взволнована.

---

[81] Примечания: 81
Примерно 3,5 метра.

Трибуны постепенно заполняются людьми (кажется, сегодня на них негде будет яблоку упасть), и атмосфера вокруг бойцовской ямы напитывается электричеством.

— Первая половина ночи — турнирные бои, один из которых только что завершился, — поясняет Клайв, пока мы пробираемся сквозь толпу, а потом смотрим вдвоем на окровавленный ринг. — После каждого раунда победитель проходит дальше, а проигравший вылетает. Во второй половине ночи — запланированные поединки. Иногда победители турнира претендуют на участие в них, ведь именно там разыгрываются большие деньги.

Я понимающе киваю:

— Значит, тот, кто сумеет выжить в турнире, получит возможность поучаствовать в эксклюзивных боях. К тому времени, пока они доберутся до следующего этапа, они одолеют горстку любителей и, вероятно, не будут чувствовать особого напряжения. Но загвоздка в том, что они понятия не имеют, с кем им придется сражаться дальше. Те, кто уже включен в списки, имеют несомненное преимущество.

— Задача выглядит слишком сложной, если ты так ставишь вопрос.

— Возможно. Но если создать определенный ажиотаж своими победами в турнире, а затем принять участие в списочных боях, то можно существенно поднять ставки, в результате чего вернуться домой богатым человеком.

— Да, если ты проживешь достаточно долго, чтобы успеть сосчитать выигрыш…

— Сначала рукопашные схватки в открытом турнире, верно? А что потом? Поединки с холодным оружием?

Он смотрит на меня, удивленно выгнув бровь:

— Ты уже занималась этим раньше?

— Перед такой толпой — никогда, — признаюсь я. — Но мне нравилось участвовать в боях — еще с моим старым наставником. Не ради денег, просто из любви к дракам. Поэтому я понимаю, как это работает.

— В общем, ты права. Открытый турнир — это возможность попасть в списочные поединки. А там уже начнутся схватки с холодным оружием до первой крови.

— Как такое вообще разрешают?

— В этом зале полно денег. А когда речь заходит о деньгах, служители закона предпочитают отводить глаза.

— Серьезно?

— Разве ты не заметила, как тщательно изымается оружие при входе? Охрана — это Псы-Законники.

Я собираюсь задать еще один вопрос, но чувствую вдруг чужую руку на плече. К счастью, это Кай.

— Посмотри туда, направо, — шепчет он мне в ухо, — мимо двух здоровяков в черных футболках охраны.

Я смотрю, напрягая глаза. Там, внутри стеклянной будки, возвышающейся на добрых десять футов над самой высокой трибуной и предоставляющей своему обитателю прекрасный обзор на переполненный зал, сидит та, кто может быть только Мосы.

Я не знала точно, как должна выглядеть женщина, которую мы ищем, поскольку Ма'йи говорил, как всегда, загадками и не дал нам никакого описания, кроме имени и пола. Я знаю, что «*мосы*» на языке навахо означает «*кошка*», и решила, что она должна быть чем-то похожа на кошку. Но я не была уверена, относится ли она к кошачьим так же, как Ма'йи к собачьим, или просто какая-то женщина взяла себе такой псевдоним, чтобы производить впечатление. И вот теперь я поняла.

Она маленькая, не более четырех с половиной футов[82] ростом. Учитывая причудливые манифестации сил кланов в этом месте, ее внешний вид может оказаться еще одним странным проявлением крови *дине*, но я чувствую, что это не так. Мое отточенное чутье на монстров выделяет ее как нечто нечеловеческое. Нечто бессмертное. Нечто Другое.

Глаза Мосы огромны. Они слишком велики для маленького личика в форме сердца с заостренным подбородком. Над короткой стрижкой с прямой челкой торчат треугольные кошачьи ушки, а между плоским носом и слегка развернутым книзу ртом бело-серым цветом мерцают вибриссы[83]. На ней ярко-зеленое вечернее платье с широкой юбкой и пышными рукавами, какие, должно быть, были популярны на вечеринках и телешоу в 1950-х годах. На голове прозрачный козырек, а за одно из кошачьих ушей заложен карандаш. Очевидно, это только для образа, поскольку маленькие когтистые ручки с

---

[82] Примечания: 82

1 м 37 см.

[83] Примечания: 83

Вибриссы — осязательные механочувствительные длинные жесткие волосы кошачьих, выступающие над поверхностью шёрстного покрова (в просторечии — усы).

неимоверной скоростью хлещут по клавиатуре ноутбука, стоящего перед ней. Там же, за стеклом будки, возле нее стоят четыре женщины, одетые так же скромно, как их начальница — в одинаковые платья разных оттенков. Они кричат наперебой и принимают ставки, как опытные биржевые маклеры. Но они, по крайней мере, выглядят как люди, если не обращать внимания на ярко-красные щеки — отличительный признак их клана.

— Это Мосы, — говорю я. — И как же, черт возьми, мы до нее доберемся?

— Похоже, нам не придется придумывать.

Прямо к нам приближаются два больших охранника из Медвежьего клана. Они огромные, широкоплечие и лохматые, как их клановое животное. Один из них — тот самый парень, который забирал у меня оружие. Я включаю режим повышенной готовности. Клайв говорил, что это подрабатывающие вне службы Псы-Законники. Скорее всего, они нас не узнали, но чем черт не шутит.

— Не надо, — говорит Кай, заметив мое беспокойство. — Лучше взгляни туда.

Он снова указывает на Мосы в ее стеклянной коробке, и на этот раз она смотрит в нашу сторо-

ну. Ее взгляд, прорезающий хаос окружающего пространства, тяжело ложится прямо на меня.

— С вами хочет встретиться босс, — раздается басовитый голос одного из охранников.

Он кладет тяжелую руку мне на плечо.

— Весьма рады вашему приглашению, — вежливо отвечает Кай.

Охранники смеются:

— Не ты. Нам велели привести щенка Нейзгани. И больше никого.

— Щенка Нейзгани?

Даже не знаю, оскорбление это или комплимент.

— Но она не пойдет без нас, — протестует Кай.

— Приказ касается только ее, — возражает охранник.

— Я понимаю вас, но давайте проявим благоразумие. Мы не позволим ей уйти с вами одной, так что вы должны пойти нам навстречу, — говорит Кай.

Он пристально смотрит на охранника, сверкая серебром глаз, которое я хорошо вижу благодаря его снадобью.

Охранник хмыкает и обменивается взглядом со своим напарником. Напарник пожимает плечами и смотрит куда-то за мое плечо. Я обора-

чиваюсь и вижу, как Мосы слегка кивает в нашу сторону.

— Хорошо. Веди с собой свой маленький зверинец. Он все равно не поможет тебе на ринге.

С этими словами он разворачивается и идет в ту сторону, откуда пришел. Нам не остается ничего другого, кроме как проследовать за ним.

Я бросаю взгляд на Клайва — широкого и мускулистого, но выглядящего совершенно невинно со своими вьющимися волосами и веснушками. А потом на Кая, изучающего меня так, будто я самая важная вещь в мире.

— Мне кажется, вы оба чокнутые, — признаюсь я, — и вас, скорее всего, убьют, если вы не прекратите творить херню. Но я ценю этот жест.

— Это не жест, Мэгги, — говорит Кай. — Мы тебя прикроем.

— Клайв? — спрашиваю я.

Лицо рыжеволосого парня становится торжественным.

— Ты спасла и мою жизнь, и жизнь моей сестры. Можешь ни о чем даже не спрашивать.

Что ж, в данной ситуации это скорее хорошо, чем плохо. Я рада, что они способны сами принимать решения. Если они хотят последовать за мной в неизвестность, то кто я такая, чтобы их

останавливать?

— Ну ладно, — говорю я. Мои руки рефлекторно пытаются проверить оружие, пока я не вспоминаю, что его у меня забрали. — Идемте на встречу с Мосы.

Логово Мосы — а его действительно можно назвать только «логовом» — обустроено прямо в земле, в пещерных глубинах Шалимара. Охранники ведут нас по винтовой лестнице, опускающейся значительно ниже главного помещения клуба, а затем мы идем по проходу, который выглядит так, будто его прокопали прямо в красном грунте Динеты. Округлый земляной туннель тщательно «утоптан» со всех сторон — как сверху, так и снизу. Мы движемся сквозь тьму, как кроты. У меня отличное ночное зрение, но здесь даже мне приходится полагаться на наших провожатых из Медвежьего клана с газовыми фонарями в руках. Вдруг я слышу над нами крики и топот толпы. Теперь мы находимся прямо под бойцовской ямой, где продолжаются схватки, и каждый раз, когда раздается глухой стук, на наши головы сыплются мелкие камешки вперемешку с пылью.

Наконец мы достигаем устья туннеля, за которым он расширяется до подземной пещеры,

достаточно широкой для того, чтобы вместить не только нас, но и еще человек пятнадцать, если возникнет такая необходимость. Пещера округлая, с высокой площадкой в дальнем конце и коридором, изгибающимся за углом слева от нас. Полы застелены шкурками, а над площадкой, подобно декоративным светильникам, подвешены за хвосты тушки мелких грызунов. Я вижу коричневых длинноухих мышей и крупных крыс, распространенных в Тсэ-Бонито. Есть даже несколько серых белок. Все они глядят в пустоту пещеры маленькими черными мертвыми глазками. Я невольно вздрагиваю. Странное теперь сменилось жутким.

Кай, стоящий так близко, что наши плечи соприкасаются, шепчет мне в ухо:

— Что это за место?

— Кажется, Мосы *настоящая* кошка, — шепчу я в ответ.

Его взгляд блуждает по потолку.

— По крайней мере, это объясняет наличие мертвых животных.

Я пытаюсь вспомнить все, что знаю о кошках, и понимаю, что знаю очень мало. У меня никогда не было домашней кошки, а дикие животные в горах — рыси и львы — обычно прячутся, когда

я бываю рядом. Кошка Грейс, похоже, отнеслась ко мне хорошо, но кто на самом деле ведает, что у них на уме? К тому же я не вполне уверена, что даже глубокие познания о кошках помогли бы мне понять Мосы, хотя основы знаний о повадках койотов не раз выручали меня при общении с Ма'йи.

На помост по винтовой лестнице, уходящей куда-то вверх, спускается наша хозяйка, кружась в зеленом вечернем платье. Я догадываюсь, что на вершине этой лестницы находится стеклянная будка бойцовской ямы. Это не идеальный выход, поскольку я не знаю, удастся ли разбить стекло, но, похоже, это единственный путь наружу из пещеры, кроме того, по которому мы только что пришли. Если дело дойдет до «жареного», я как-нибудь придумаю, как разбить стекло.

Мосы ненадолго останавливается на нижней ступеньке, чтобы рассмотреть нас получше. Она старше, чем я ожидала. Издали она казалась молодой, но теперь я вижу седые пряди в ее волосах и намек на тонкие морщинки вокруг глаз и рта. Но что такое возраст для бессмертного существа? Истинный вопрос заключается в том, для чего Мосы выбрала именно эту маску. Какой цели это служит и чего она надеется достичь, явившись

уважаемой матроной, а не кем-то еще? Если это должно было убедить меня в том, что она принимает мои интересы близко к сердцу, то оно не сработало.

Ее взгляд скользит по нам, прежде чем ненадолго остановиться на Кае. Она улыбается ему, словно старому знакомому. Это странно, но я уже не в первый раз замечаю, что Кай вызывает необычную реакцию у людей, в особенности у *бикъэайе'йи.*

А Мосы, безусловно, одна из них.

Наконец она обращает внимание на меня. Жестом приглашает подойти к ней. У края возвышения лежит груда кроличьих шкур. Я иду по ним, и ноги в мокасинах беззвучно погружаются в густую меховую массу.

— Добро пожаловать, дитя, — произносит она с каким-то любопытным мурлыканьем. — Дай мне хорошенько тебя рассмотреть.

Я стою неподвижно в полумраке пещеры и жду, пока она на меня наглядится.

— А я думала, кошки отлично видят в темноте, — с вызовом говорю я.

— Так и есть, дитя. А еще мы можем слышать, как бьется твое сердце. И, помимо прочего, чуять запах твоего смятения.

Она фыркает, подергивая носом.

Это не страшно. Я жду, пока она обходит меня кругом — так близко, что я чувствую прикосновения ее «усов» к моим голым рукам.

— Итак, ты оружие Нейзгани. Его боевое дитя.

Опять про Нейзгани. Возможно, Ма'йи рассказал Мосы о моем бывшем наставнике?

— О тебе мне поведал не Ма'йи. Это была Мать.

— Мать Нейзгани? Меняющаяся Женщина?

Мне никогда не приходило в голову, что мать Нейзгани может знать обо мне, а тем более кому-то рассказывать.

— Хмм… именно так. Она добра к нам: к Кошке, Буйволу, Оленю. Даже к Койоту. Это мы общаемся с ней в ее Западном Доме, а не ты, пятипалая, со своими проблемами и склонностью к бунту.

Возможно, я должна почувствовать себя уязвленной, но одна мысль о том, что можно проводить время с Меняющейся Женщиной, повергает меня в дрожь. Не потому, что она Священная Особа, обладающая могуществом за пределами моего понимания, а потому, что Нейзгани — ее сын.

Заметив, что я побледнела, Мосы улыбается:

— О, не волнуйся. Мы не говорили ни о чем таком, что не было бы уже известно.

— Как это понимать?

— Именно так. — Она прикладывает палец к носу, а затем указывает им сначала на мое сердце, а потом в область паха. — Именно так.

Становится жутко до глубины души. Я чувствую, что запас моего терпения начинает иссякать. Сейчас я не в том настроении, чтобы играть в «угадайку» с Кошкой. Мы пришли сюда по определенной причине, а не для того, чтобы препарировать мои отношения с Нейзгани с еще одним любопытным сплетничающим *бикъэайе'йи.* Понятия не имею, почему им всем так интересна моя личная жизнь, и у нас нет времени это выяснять.

— Ма'йи рассказал тебе, почему мы хотели встретиться с тобой?

Мосы склоняет голову набок, все еще расхаживая по кругу. Мне хочется схватить ее и заставить стоять неподвижно. Даже рука дергается от желания.

— Он сказал, что у тебя есть кое-что, — говорю я. — Нечто такое, с помощью чего можно создавать монстров.

— Ты уже посмотрела на наших завсегдатаев? Тебе понравились наши маленькие бои?

Я моргаю от неожиданной смены темы разговора.

— Мы немного опоздали, поэтому пока не видели драк, — признаюсь я. — Но все-таки насчет предмета… Ма'йи назвал его «огненным сверлом».

— Кошки, безусловно, охотники. Но не истинные бойцы. Мы сражаемся, когда нас загоняют в угол, но предпочитаем заниматься преследованием добычи. Больше всего мы любим погоню.

Я скашиваю глаза на Кая. Он лучше меня умеет обращаться со словами, к тому же Мосы заинтересовалась им так, как никем из нас. Может быть, ему удастся заставить Кошку сказать то, что нам нужно.

Кай ловит мой взгляд. Затем откашливается и делает шаг вперед.

— Это все ваша добыча? — спрашивает он, указав на скопление грызунов, свисающих с потолка.

Мосы останавливается как вкопанная и смотрит на Кая. На мгновение мне начинает казаться, что она сейчас бросится на него, но вместо этого Мосы разражается смехом. Высокий скрежещущий смех длится достаточно долго для того, чтобы Кай посмотрел на меня с озадаченным выражением своего прекрасного лица. Будь я проклята, если понимаю, почему Кошка так истерично

хихикает, поэтому просто пожимаю плечами.

— Нет, глупое дитя, — говорит Мосы, переведя дыхание после того, как смех ее затихает. — Это подарки от моих любимых. — Она указывает на многочисленных домашних кошек, которые свободно бродят вокруг ее логова. — Я развешиваю их, чтобы выказать должное уважение.

— Что-то вроде сумасшедшей мамаши, вешающей рисунки своего ребенка на дверцу холодильника? — спрашиваю я.

Она улыбается, глядя на меня неприятным взглядом, и обнажает удлиненные передние зубы.

— Прошу прощения, Мосы, — говорит Кай, не теряя ни секунды. — Я должен был догадаться, что такая великая охотница, как вы, должна выслеживать более ценную добычу.

— Ммммммм, — одобрительно мурлычет Мосы.

Она переводит взгляд на меня, а потом снова на Кая, к чему-то прислушиваясь.

— Мы пришли, потому что Койот рассказал нам, что у вас есть нечто такое, что поможет выяснить, кто создает чудовищ, терроризирующих Динету.

Кай подходит к нам, осторожно ступая по кроличьим шкуркам. Затем протягивает руку, берет

Мосы за пальцы и осторожно тянет вниз, приглашая присесть среди мягкой массы шкурок мертвых грызунов. Он делает мне знак, чтобы я сделала то же самое, и я неохотно присоединяюсь к ним, опустившись на пятки. Свободной рукой Кай машет Клайву, и тот садится следом за нами.

— Мммммм… а ты приятный молодой человек, — мурлычет Мосы, не сводя глаз с Кая. Затем проводит рукой вверх и вниз по мягкому бархату рукава его рубахи, после чего возвращает свои пальцы в его ладонь. — Да, приятный молодой человек. Когда-нибудь ты подаришь Людям самое сильное исцеление. Да, так и будет… Если, конечно, сумеешь выжить.

Она смотрит на меня и хихикает, будто выживание Кая — это очень смешная шутка.

Кай бледнеет, но продолжает улыбаться. Он сжимает руку сумасшедшей Кошки, будто в их разговоре нет ничего особенного.

— Вы слышали об этих чудовищах? — спрашивает он.

— Слышала.

— Они злые и безмозглые. Они убивают детей. Матерей и отцов. Братьев и сестер….

— И вы хотите убить того, кто их создал?

— Да, — отвечаю я.

Взгляд Мосы обращается ко мне.

— Именно так, боевое дитя. Ты охотница, как и я. Ты жаждешь отведать крови своих врагов, услышать, как трещат их шеи между твоими челюстями.

Кай закашливается от ее красочного описания, но стоит признать, выразилась Кошка хоть и не совсем точно, но достаточно близко.

— Так вы поможете нам?

Она поджимает губы, изображая ужас.

— Это не так просто. Видите ли, есть еще один человек, претендующий на ту же вещь.

— Кто? — спрашивает Кай.

— Он пришел к Мосы вначале с угрозами. Но я сказала «нет», это мое по праву, оно мне подарено. Отдать добровольно то, что уже было получено как дар? Мать этого не допустит. Тогда он стал сулить мне огромные деньги, но что такое богатство для скромной кошки?

И это говорит кошка-букмекер? Я прикусываю губы, чтобы не хмыкнуть.

— И тогда я сказала ему то же самое, что скажу тебе.

— Что именно?

— Ты должна будешь за него сразиться. В моей яме.

— Всего-то? — спрашиваю я.

В общем-то, я и так собиралась это сделать, пока не появился со своими билетами Кай.

— Мэгги, подожди, — вмешивается Кай. — Мы еще не знаем…

— Я сражусь.

Кай встает, хватает меня за руку и тянет подальше от Кошки. Мосы одаривает меня хищной улыбкой.

— Мне кажется, это плохая идея, — тревожно шепчет Кай. — У меня плохое предчувствие.

— Ма'йи сказал, что только так мы сможем найти колдуна.

— А ты ему доверяешь?

— Нет, но какое это имеет значение?

— Просто я думаю, тебе не стоит идти на эту арену.

— Я сумею постоять за себя, Кай. Это не тот вопрос, о котором следует сейчас беспокоиться.

— Твой бой станет последним этой ночью, — говорит Мосы.

Какая разница, последний или нет. Мне все равно. В глубине души я стала мечтать попасть на арену, как только впервые ее увидела. Такое простое, знакомое насилие. То, в чем я неплохо разбираюсь. Я отхожу от Кая и возвращаюсь к

Мосы.

— Я сражусь.

— Ответ утвердительный, — мурлычет Мосы, глядя на меня блестящими глазами, затем повышает голос, чтобы ее расслышали охранники: — Он засвидетельствован! Боевое дитя Нейзгани дало зарок спуститься в яму. Это обещание она не сможет нарушить без того, чтобы не навлечь на себя неудовольствие *Дийин Дине!*

— Ответ засвидетельствован, — произносят в один голос охранники официальным тоном.

Мосы улыбается с таким самодовольством, что кажется, будто из ее рта сейчас полетят перья. Я не понимаю…

— Что я упустила? — спрашиваю я у Кая.

Не менее озадаченный, он качает головой.

— Мэгги! — раздается позади нас голос Клайва. Я оглядываюсь через плечо и смотрю на него, до сих пор стоящего возле входа. Почему-то он стал пепельным под веснушками, даже губы его побелели. — Я не успел сказать, но последний бой — не до первой крови. Он до смерти одного из бойцов.

Глава 30

— Что бы это ни было, оно не стоит того, чтобы из-за него умирать.

Кай встает и начинает расхаживать по помещению. Я никогда еще не видела его таким взволнованным. Он крутит и двигает взад-вперед кольца на пальцах правой руки — одно за другим. Каждый раз, когда он разворачивается на каблуках, из-под его кожаных сапог поднимаются маленькие клубы пыли. Глаза его вновь светятся серебром, словно живут своей собственной жизнью.

Я сижу на земле и наблюдаю за ним с некоторым удивлением. Мы находимся в длинной узкой камере с двумя дверными проемами. Дальняя дверь ведет в длинный коридор, огибающий бойцовскую яму. Ближний выход закрыт сетчатой, сдвигающейся вбок перегородкой, за которой расположена сама яма. Охранники Мосы вывели нас из ее злодейского кошачьего логова и привели прямо сюда после того, как я согласилась на бой. Кай настоял, чтобы ему разрешили пойти со мной, и Мосы без возражений склонила кошачью

голову, что только усилило мои подозрения. Но Клайва она вышвырнула обратно на его место в первом ряду, откуда открывался прекрасный вид на грядущую бойню.

— Спасибо, что веришь в мою победу, — сухо говорю я, наблюдая, как яростно теребит Кай большое кольцо с бирюзой на среднем пальце.

Наконец он прекращает свою нервную суету и смотрит на меня искоса.

— Я не это имел в виду. Просто хочу сказать, что оно не стоит того, чтобы из-за него кто-то умер.

— Ты не можешь этого знать наверняка.

Я сижу, скрестив ноги и прислонившись к стене, и чувствую себя невероятно спокойной. Из-за перегородки доносится шум. Мы слышим хриплые вопли толпы, выкрикивающей ставки и вообще — требующей побольше крови.

— Нет, могу! — не соглашается Кай. Затем крутит следующее кольцо. Делает несколько шагов, разворачивается и возвращается обратно ко мне. — Да, это может привести нас к разгадке того, кто этот колдун, но должен существовать и другой способ!

— Кай, успокойся. Все уже решено. Я справлюсь.

— Ты даже не знаешь *с чем*!

Я приподнимаю бровь:

— Серьезно? Ты сомневаешься в том, что я смогу победить? Как-то даже обидно.

— Ты можешь побыть серьезной хотя бы минуту?

— Клайв сказал, что Псы-Законники смотрят на бои сквозь пальцы, пока здесь все добровольно. К тому же им достается хороший жирный кусок от выигрышей.

— Я не о полицейских беспокоюсь.

— А о чем тогда?

Кай недоверчиво смотрит на меня:

— Как ты можешь оставаться такой спокойной, когда предстоит смертельная битва? Даже если ты выживешь, тебе придется кого-то убить самой!

— Не в первый раз…

— Не в первый?! — брызжет он слюной от возмущения.

— Не в первый раз даже на этой неделе.

— Это не шутки!

Я громко выдыхаю.

— А я думала, ты не против моей «убийственной натуры». Ты говорил мне, что Живая Стрела тебя не беспокоит. Что ты будешь рад стать напарником убийцы.

Он резко останавливается с обескураженным лицом.

— Значит, в этом моя вина, да? Я вынудил тебя стрелять в Длиннорукого. Господи, я заставил тебя его убить. Если бы я не был таким беспечным…

Он резко ссутуливается, словно утратив желание бороться. Затем подходит к стене, прислоняется и скользит по ней спиной вниз, пока не садится, скрестив ноги, рядом со мной. Потом качает головой, впервые ощутив на себе всю тяжесть убийства Пса-Законника. Наши плечи достаточно близко, чтобы можно было ими соприкоснуться, но мы этого не делаем.

— Убийство — сила моего клана. Точно так же, как исцеление — твоего. — Я развожу руками и слегка пожимаю плечами. — Я та, кто я есть. Мне казалось, ты это понял.

— Ага, чудовища… Убийство чудовищ. Охота на колдунов. Помощь невинным людям.

— Раньше я видела мир черно-белым, но теперь… Даже не знаю. Все стало по-другому, понимаешь? С тех пор как исчез Нейзгани. Такое чувство, что я больше не могу отличить монстров от хороших людей. Так что лучше я нажму на спусковой крючок, а с остальным пусть разбира-

ется кто-нибудь другой.

— Ты же не всерьез все это говоришь?

— Может быть, всерьез. Может, меня саму уже нельзя считать хорошим человеком. — Я вспоминаю Черное Плато. — Причем давным-давно…

— Нет, ты хорошая. Я видел тебя в Рок-Спрингс. Ты спасала людям жизни.

— Я чуть не убила Риссу.

— Ты спасла ей жизнь.

— Нет, никого я не спасла. Это сделал ты. Я давно пытаюсь объяснить тебе, Кай, что я не герой.

— Быть героем — не значит быть совершенным. Это значит поступать правильно и делать все возможное, чтобы люди, о которых ты заботишься, благополучно вернулись домой. Ты была готова пожертвовать собой ради них. Мне все равно… Говори что хочешь, отрицай как хочешь, но я был там. И все видел своими глазами.

Он замолкает, уставившись на дальнюю от нас стену. Я наклоняюсь к нему, и наши плечи наконец соприкасаются. Мне хочется как-то выразить благодарность, что, несмотря ни на что, он по-прежнему в меня верит. Я не заслуживаю этого, не знаю, что с этим делать, но все равно ценю.

Я жду, что он от меня отодвинется, но нет. Кай продолжает сидеть как сидел, просто кинув

взгляд на наши плечи.

Мы сидим молча какое-то время. Единственные звуки, доносящиеся до наших ушей, — это отдаленные крики толпы, подбадривающей двух противников, которые прямо сейчас пытаются пустить друг другу кровь.

Когда Кай наконец заговаривает, его голос звучит мягко и отстраненно:

— Кто накормил тебя этим дерьмом?

Я резко отстраняюсь.

— Что?

Он поворачивается ко мне. Его голос спокоен, но глаза подобны буре, бушующей над океаном. Я вздрагиваю, пытаясь сосредоточиться, но внезапная злость Кая совершенно сбивает меня с толку.

— Кто убедил тебя, что ты всего лишь убийца? — Теперь его голос звучит громче. — Быть Живой Стрелой — это что-то вроде проклятия? Твое прошлое обязательно делает тебя каким-то чудовищем?

— Я… я… — судорожно пытаюсь я оправдаться. — Зло похоже на болезнь! — нахожу я наконец правильные слова.

— Значит, тебе кажется, что ты зло?

— Нет, но если оно попадет в тебя…

— «Попадет в тебя»? Мэгги, послушай, что ты

несешь! Возможно, то, что с тобой делали, было злом, но ты — не зло! И из того злодеяния вышло благословение, а не проклятие.

— Я в это не верю.

— Но ведь когда-то верила, не так ли?

Я вспоминаю, как пасла овец бабушки, будучи в розовой пижамке с сердечками на спине. Как смотрела вестерны и смеялась… Но потом на меня накатывают другие воспоминания.

— Это было очень давно.

— А знаешь, Тах считал, что благодаря тебе на небе светит луна. Расхваливал тебя передо мной, пытался убедить, что ты спасешь наш народ. Он считал тебя героем.

— Тах всегда…

— Длиннорукий заставил тебя так думать? Я помню, как он это говорил. Ты что, проглотила отравленную газировку, которой пичкал тебя этот урод?

— Конечно же, нет.

— Тогда кто же? Нейзгани? Тот самый наставник, о котором ты предпочитаешь молчать всякий раз, когда всплывает его имя? Это он сказал, что ты отравлена ядом, который сделал из тебя прирожденную убийцу? Это он убедил, что у тебя не может быть друзей? И что ты не сможешь

любить?

— Кай, прекрати! Все совершенно не так. Ты не понимаешь…

Из ямы доносится оглушительный рев, свидетельствующий о том, что очередной поединок окончен. Мы оба поворачиваем головы и наклоняемся вперед в попытке разглядеть победителя. И проигравшего тоже.

— Тогда объясни мне, — шепчет он настойчиво, повернувшись ко мне лицом. — Я тебя послушаю. Объясни мне!

А что я должна ему сказать? О том, что совсем не знаю другой жизни? О том, что ничего больше не умею? О том, что способность убивать — это единственное, за что ценил меня Нейзгани? И что вообще, кроме Нейзгани, меня никто никогда не ценил…

— Я… я не могу, — отвечаю я, заикаясь. — Ты даже не представляешь, каково мне было. У тебя есть друзья. Ты нравишься людям. Но ты сам видел, как они реагируют на меня…

— Людям нравится бить меня по лицу, — отвечает он с иронией. — Уриосте, Псы-Законники… Ты это имела в виду?

Я невольно начинаю смеяться.

— Господи, а ведь правда!

Кай вздыхает. Затем он кивает, делает глубокий вдох и смотрит на меня с серьезным выражением лица.

— Один из первых уроков, который преподал мне дедушка, заключался в том, что силы кланов — это дар, а не проклятие. Мы можем не понимать, почему они даются только некоторым из нас и каков их полный потенциал. Но дедушка был уверен, что эти силы — орудие против темных времен, против прихода чудовищ. И как любое орудие, как любой инструмент, они могут быть использованы для добра или зла. Хороший человек берет молоток, чтобы построить дом. Плохой убивает им своего соседа. И в том и в другом случае молоток один и тот же.

— Я скорее пистолет, а не молоток. Я оружие, специально предназначенное для убийства.

— Хорошо, ты пистолет, Мэгги. Но даже его можно использовать как для защиты, так и для нападения. А можно не использовать никак. Расплавь пистолет до его глубинной сути, и он превратится в металл, из которого можно отлить все, что угодно. Ничто не указывает на то, что для тебя это невозможно.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, но ты меня не знаешь… Совсем не знаешь. Ты понятия не

имеешь, через что мне пришлось пройти. И что я при этом делала.

…Я провожу лезвием по горлу, и серые глаза тускнеют… Вытираю нож о куртку мертвеца… Лицо Длиннорукого превращается в кровавый фарш… Голова маленькой девочки скатывается вниз по склону горы…

Были и другие. Бесчисленное множество других.

— Мне не обязательно об этом знать, — говорит Кай. — Все, что ты сделала, все твое прошлое — это всего лишь истории, которые ты рассказываешь сама себе. Некоторые из них правдивы, некоторые — нет.

Он проводит по моей щеке тыльной стороной ладони.

Я хмурюсь и отстраняюсь.

— Думаешь, я вру?

Голос его остается невыносимо добрым:

— Только самой себе.

Примерно то же самое говорил Ма'йи, но у меня нет времени, чтобы размышлять о совпадении. Дальние ворота распахиваются, и мы оба поворачиваемся в ту сторону. Это один из охранников из Медвежьего клана. Мы встаем, когда он входит, и наблюдаем за тем, как он проходит через камеру

и начинает открывать решетчатую перегородку ключом. Кай хватает меня за руку и крепко сжимает. Я не пытаюсь отстраниться. Возможно, даже жму немного в ответ.

— Две минуты! — рычит охранник и протягивает мне нож.

Я мгновенно опознаю в нем свой Böker — семь дюймов остро заточенной стали, слегка изогнутой и расширенной сверху для утяжеления рубящего удара. Получается, они вскрыли мой сейф.

Охранник ухмыляется:

— Радуйся, что ты вообще его получила. Мосы решила, что своим оружием ты будешь драться лучше. Она хочет увидеть зрелищный бой.

Я засовываю нож в пустые ножны на поясе.

— Сначала выкрикнут твое имя. Потом выходи. Немного театральности никогда не вредит. Это подстегивает лавину ставок. Поскольку ты девушка, все уже ставят против тебя, так что… — Он тихо и злобно хихикает.

— В смысле — «так что»?

— А кто рискнет поставить против него?

— Хмм… Против кого — «него»?

Он зло ухмыляется, растягивая тонкие губы:

— Ты что, до сих пор не догадалась?

— Нет.

— Все с нетерпением ждут начала этого боя.

Я озадаченно хмурюсь:

— Я совсем недавно согласилась участвовать. Как кто-то мог знать, что я вообще буду драться?

Он смеется:

— Мосы знала, что ты придешь. Она распространяла слухи об этом бое с тех пор, как Койот принес ей то, из-за чего вы оба будете драться.

— Что?!

Огненное сверло к Мосы принес Ма'йи?

— Хотя насчет твоего противника она сомневалась, — продолжает охранник, — Койот обещал, что тот появится, но мы не могли в это поверить. В конечном итоге Койот оказался прав.

— Ма'йи. Ты говоришь о Ма'йи.

— С чего бы это Ма'йи приносить огненное сверло Мосы, вместо того чтобы просто отдать его нам? — спрашивает Кай.

Я бросаю на него обеспокоенный взгляд. Вид у Кая такой же озадаченный, как у меня. Что задумал этот пройдоха?

— Он сказал, что ты обязательно придешь, — говорит парень из Медвежьего клана. — Что не сможешь оставаться в стороне. Он слил тебя, девочка.

Я игнорирую последнее замечание.

— Значит, Ма’йи все это подстроил?

Охранник из Медвежьего клана пожимает огромными плечами:

— Понятия не имею об их с Мосы делишках. Я знаю только, что бой будет охрененным. Или… — он скептически осматривает меня, без сомнения, пытаясь понять, правильно ли поставил, — превратится в кровавую баню, если жуткие слухи о тебе окажутся чушью.

— В кровавую баню? — Я чувствую, как твердеет мой желудок. — С кем, черт возьми, я буду драться?

Но он не успевает ответить. Я слышу, как выкрикивают мое имя.

Глава 31

Я выхожу на арену.

Крики зрителей бьют по чувствам. Кровь бежит по венам и стучит в ушах, превращая любой шум в глухой рев. Я оглядываю забитые до отказа, беснующиеся трибуны, но ничего не вижу из-за яркого света фонарей, бьющего мне в глаза. Мосы в стеклянной будке похожа на тень. То же самое касается Клайва. Кай затерялся где-то во мраке камеры, из которой я только что вышла. Он остался там наготове вместе со своими молитвами и аптечками — на случай, если все это мне понадобится.

И вдруг что-то яркое бросается мне в глаза: Ма'йи. На нем по-прежнему костюм лазурно-апельсинового цвета. В когтистых пальцах он вертит короткую, почерневшую от сажи палочку и ухмыляется. Мне требуется всего мгновение, чтобы понять, что это.

Ма'йи касается сверлом вершины своего цилиндра, приветствуя меня. Или провожая в последний путь.

Я уже знаю. Я понимаю, кто ждет меня на той

стороне ринга, за секунду до того, как произносят его имя:

— Наайее Нейзгани!

Он выходит из противоположного от меня туннеля, и толпа замирает в благоговейном страхе. Он все такой же великолепный, каким я его помню. Красивый, но и вместе с тем дикий и совершенно потусторонний. Абсолютно черные волосы свободно ниспадают по спине до талии. Глаза темные, как предрассветный час. Лицо словно высечено рукой мастера: острые скулы, орлиный нос, густые брови. Сегодня на нем нет кремниевых доспехов. Мощная грудь обнажена, и над сердцем видна татуировка в виде стилизованной молнии. Широкие ноги, обтянутые штанами из мягкой кожи, обуты в традиционные охотничьи мокасины. Он легендарный герой до самых кончиков волос, и сегодня сошел в лучах своей славы в эту яму, чтобы сразиться со мной.

Он выходит на арену — грациозный и смертоносный, — и в зале воцаряется тишина. Я знаю его, поскольку тренировалась с ним в течение нескольких лет, но даже я застываю с открытым ртом, ошеломленная его присутствием — несмотря на то что поклялась попытаться его убить. Он поднимает руку с зажатым в ней молниеносным

кинжалом — уменьшенной версией его же культового меча. И он улыбается.

Толпа вновь взрывается безумными криками, все скандируют его имя.

Он смотрит на меня. Эти ужасные глаза сверлят меня взглядом, и улыбка превращается в усмешку — теплую, как восход солнца.

– *Я'ат'ээх*, Чинибаа. — Его голос перекрывает шум толпы, перекатываясь через меня подобно грому. — Не ожидал увидеть тебя сегодня.

Я пытаюсь собраться с мыслями. Но выдавливаю из себя одно-единственное слово:

— Почему?

Мой голос напряжен, как барабан. Я дрожу, по спине струится пот. Руки стали такие скользкие, что трудно держать нож. Мосы говорит что-то о бое, объявляет шансы на победу, объясняет правила или еще что-то столь же несущественное. Единственное, что сейчас занимает мои мысли, — это человек передо мной. В голове проносится миллион вопросов. Я хочу подбежать к нему, обнять и никогда не отпускать. Я хочу вонзить нож в его сердце и заставить страдать так, как страдала я. Но больше всего я хочу знать почему. Почему он бросил меня? Почему не вернулся? Почему сейчас? Почему именно здесь?

Просто… почему?

Он смеется гулким смехом.

— А где мне еще быть? Я пришел забрать то, что принадлежит мне и моей семье. Даже через кровь, если придется. Важнее вопрос, почему здесь ты? Смерть приходит ко всем пятипалым вовремя, — говорит он. — Ты уверена, что это твое время?

Я пытаюсь ответить, но голос меня подводит. Сердце колотится в груди как отбойный молоток.

Он поднимает руки, заставляя толпу умолкнуть. На кончике кинжала вспыхивает свет.

— Пусть никто не скажет, что Нейзгани лишен милосердия! — кричит он, затем поворачивается ко мне. — А теперь уходи, Чинибаа.

— Нет! — раздается крик из стеклянной будки. — Вы дали обет перед рингом. Вы не можете отказаться от боя, не разозлив *Дийин Дине!*

Нейзгани поднимает подбородок и кричит на Кошку в ответ:

— Что такое гнев богов для меня? Неужели мать отвернется от меня? Или мой отец станет меня убивать? Я не боюсь гнева! — Он смотрит на меня, но играет перед толпой. — А ты, Чинибаа, — говорит он с понимающей улыбкой, — боишься?

Я сглатываю. Облизываю пересохшие губы и только после этого вспоминаю, зачем я здесь.

— Ма’йи обхитрил нас обоих. Огненное сверло у него.

Нейзгани смотрит на меня с удивлением:

— Конечно, сверло Черного Бога у него. Он выкрал его из Западного Дома моей матери. И обещал вернуть мне, как только завершится бой.

— Но… — Я заикаюсь. Разум отчаянно пытается разобраться в этих новых для меня сведениях.

Нейзгани знает? Неужели я была права и он — часть происходящего? Или это означает, что сверло не имеет отношения к чудовищам? Но тогда как…

Толпа слишком шумная. Она требует нашей крови и мешает мне думать.

Нейзгани смотрит на меня сверху вниз, и в выражении его лица появляется нечто похожее на жалость.

— Откажись от боя, Чинибаа. Иди домой.

— Нет.

Я понимаю, что это неразумно. Что мне вообще не нужно драться с Нейзгани. То немногое, о чем я знаю, подсказывает мне, что за всем этим стоит Ма'йи. Его обещание огненного сверла было лишь уловкой, чтобы заманить меня сюда

и столкнуть лицом к лицу с Нейзгани. Меня подставили, и единственный способ выйти из игры пройдохи — отказаться от участия в ней. Но я не могу. Гордость, страх и слишком сильный гнев не оставляют мне выбора.

Охранник из Медвежьего клана был прав. Ма'йи меня слил.

Я выпрямляюсь. Мой взгляд блуждает по трибунам. Я вспоминаю, что говорил охранник о театральных эффектах. Я зарываюсь в глубины своей души, преодолевая страх и шок, и в конце концов мне удается с собой справиться. Я вытягиваю бедро, поднимаю Böker и с легкой непринужденностью, какой мог бы гордиться даже Кай, принимаюсь чистить себе ногти. Медленно и беззаботно. Семью дюймами острейшей стали.

— Возможно, это тебе следует сдаться, — говорю я и повышаю голос: — Пусть никто не скажет, что я, Чинибаа, лишена милосердия!

Это самая нелепейшая из бравад, но она работает. Толпа взрывается ревом. Теперь зрители скандируют мое имя: «Чинибаа! Чинибаа!» Не так громко, как хотелось бы, но все же лучше, чем раньше.

Нейзгани хмурится еще сильнее:

— Что ты задумала?

Теперь голос его звучит тихо, поскольку слова предназначены только для моих ушей.

— Ты бросил меня! — злобно шиплю я. — Я думала, что ты больше никогда не вернешься. — Внезапно в голову приходит мысль. — А ты собирался вообще возвращаться? Хоть когда-нибудь?

У него не хватает такта хотя бы изобразить вину. Он просто смотрит на меня сверху вниз. Вот сукин сын. Я понимаю, что больше его не боюсь. Теперь я в бешенстве.

— Мы будем сражаться! — кричу я и вскидываю руки.

Толпа подхватывает мой крик. Скандирование моего имени доходит до остервенелости.

Нейзгани с отвращением качает головой.

— Какая ты упрямая! — бормочет он.

Теперь он не выглядит радостным.

— А то ты не знаешь! — огрызаюсь я в ответ. Это ребячество, но мне все равно.

— Просто помни, что ты сама приняла решение. — Он гулко хлопает ладонями. — Тогда никакой пощады! Мы будем драться!

И тут раздается звон колокола.

Я бросаюсь в атаку.

Он блокирует мой удар и отталкивает назад. Нейзгани движется стремительно, но и я легка на подъем.

Мы кружим вокруг друг друга, проверяя слабые места. Удар, парирование, еще удар. Он такой знакомый — этот неистовый танец. Мы проделывали такое тысячи раз.

Он достает меня дважды. Лениво полосует по обнаженной руке. Лед клинка обжигает кожу, затем заливает жаром, и по бицепсу начинает струиться кровь. Он пролил первую кровь. Легко так. Как нечего делать…

Но я не собираюсь ждать. Я прибегаю к помощи сил кланов. В венах вспыхивает жидкий огонь, тело ускоряется, и время становится плотным. Мышцы вздуваются и теперь выпирают под кожей. Сила поддерживает меня, заставляя парить. Теперь мы почти на равных. Но силы кланов не бесконечны, а он продожает нападать.

Он бросается на меня, пытаясь повалить на землю. Я остаюсь неподвижной до последнего момента, затем смещаюсь вбок и выставляю ногу. Он бьется о нее своими ногами, уносится вперед силой инерции и падает на землю с удивленным ворчанием. Я делаю выпад ножом, целясь в почку, но он быстро перекатывается, и я попадаю

в воздух.

Он вскакивает на ноги, недоуменно раскрыв глаза:

— Ты что, действительно пытаешься меня убить?

— А ты догадливый.

Я знаю, что такой быстрой он не видел меня с того первого раза, когда я была еще маленькой отчаянной девчонкой. Что ж, он сам позаботился о том, чтобы я изменилась.

Только что он стоял на месте и в следующий миг — уже на мне. В этот раз Нейзгани сумел предугадать мою скорость. Он обхватывает меня огромными руками и толкает на землю. Я сопротивляюсь изо всех сил, вгрызаюсь и отталкиваюсь. Он рычит, напрягая мышцы. Потом поднимает меня и швыряет на арену. У меня перехватывает дыхание, я хватаю ртом воздух.

Толпа взрывается криками, а он смеется, театрально размахивая руками. Затем поворачивается ко мне с улыбкой. Он даже не выглядит уставшим.

— Как я скучал по всему этому! — говорит он. — Как скучал по тебе. Возвращайся, Чинибаа.

Я лежу и тяжело дышу, пытаясь понять его мотивы и угадать следующий шаг.

— Но ведь ты же меня бросил.

Его лицо выражает добродетель, но голос остается насмешливым:

— Мне нужно было время подумать.

— Целый год?

— Разве это много? Кажется, хуже ты от этого не стала. — Его глаза блуждают по моей груди, едва прикрытой топом. — На самом деле, я думаю, тебе это пошло только на пользу. — Он широко улыбается и откидывает волосы назад через плечо. — Возможно, тебе следует поблагодарить меня.

— Да пошел ты! — рычу я, перекатываюсь и с размаху вонзаю нож в его ногу.

Веселое настроение мгновенно слетает с его лица, и он стискивает зубы, сдерживая крик боли. Он хватает меня за предплечье и отрывает от земли. Мгновение я болтаюсь на конце его руки, как рыба на леске, затем он отшвыривает меня прочь.

Я падаю, шаря вокруг себя руками, и в этот раз мне удается удержаться на локтях вместо того, чтобы лечь на спину. Голова мучительно откидывается назад, но оружие по-прежнему со мной.

Рукоять его кинжала резко опускается, и я чувствую, как что-то ломается в моем запястье.

Вскрикнув, я судорожно разжимаю пальцы. Один удар ноги, и мой Böker отлетает в противоположную сторону ямы — за пределы досягаемости. Я прижимаю ставшую бесполезной руку к груди и пытаюсь откатиться. Но он садится мне на живот, и я оказываюсь прижатой спиной к арене.

Я поднимаю бедра и закидываю ноги ему на грудь, блокируя руки. Он пытается вырваться, но я держу крепко. Я давлю бедрами, опрокидываю его на спину и перекатываюсь вместе с ним. Мгновение мы сидим, сплетясь, лицом к лицу.

У меня преимущество, но одна рука бездействует. И я делаю единственное, что приходит мне в голову. Я бью лбом ему в нос. Тут же начинает хлестать кровь, он рычит и вырывает руки. Он хватает меня так, будто я ничего не вешу, и бросает через всю арену.

Я падаю в грязь, больно ударяясь плечом, голова бьется и отскакивает от земли. Оглушенная, я остаюсь лежать на месте. Он играет со мной. Конечно же, он такой. Даже со всеми силами кланов я ему не ровня. Для него это не более чем забава. Но теперь я по-настоящему его разозлила и чувствую, что игра окончена.

Надо вставать.

Но я не могу. Что-то серьезное сломалось в моем

теле, я не могу заставить его двигаться.

Сердце мое громко стучит, и это единственный звук, который я слышу. Шум толпы растворился в туманном гуле далекой бури. Я моргаю, но медленно. Очень медленно. Силы кланов истощились в напряженной битве, и теперь я не могу даже пошевелиться. Оглушенная, искалеченная и беспомощная, я просто смотрю, как он идет ко мне.

Мне приходится прилагать огромные усилия, чтобы хотя бы остаться в сознании. Тем не менее на краю поля зрения постепенно смыкается темнота.

Мне кажется, я вижу Кая, борющегося с охранниками из Медвежьего клана. Он что-то кричит, но я его не слышу. Что-то с ним не так. Он далеко от меня, но он светится. Он превратился в невозможную серебристую фигуру, окруженную темным ореолом из теней. Это не может быть правдой.

Рука Нейзгани хватает меня за здоровое плечо и переворачивает на спину. Я кричу, когда боль пронзает мой позвоночник. Он возвышается надо мной, с подбородка и груди его капает кровь. Это кровь из разбитого мною носа.

Опустившись на колени, Нейзгани снова

садится на меня. Но в этот раз у меня нет сил сопротивляться. Он тяжелый, и всем своим весом он давит на мой таз. Меня охватывает паника, я слабо пытаюсь вырваться, но он сжимает бедра и удерживает меня на месте.

Меня начинает трясти. Это последствие огромной дозы адреналина, необходимой для действия сил кланов. Или шок. Ослепительной волной на меня накатывает страх.

Нейзгани наклоняется надо мной, и его длинные шелковистые волосы ласкают мою кожу. Большая рука тянется вниз, хватает меня за шею и притягивает к его лицу. Я жду, что он раздавит мне горло, но вместо этого он нежно проводит большим пальцем по моей коже. Я смотрю в его глаза, в эти бездонные ночные озера.

— Я мог бы сломать тебе шею одним движением руки, — совершенно спокойно говорит он. — Ты этого хочешь?

Его лицо темнеет, рука сильнее сжимает мне горло. Я не могу говорить, не могу ответить ему, даже если бы захотела. Я захлебываюсь собственной кровью и слезами.

Наконец глаза Нейзгани смягчаются при виде того, как я борюсь.

— Ах, Чинибаа, — выдыхает он с удивлением в

голосе, — какая же ты свирепая, какая красивая! Но ты не знаешь, когда следует останавливаться. И никогда не знала.

А потом его окровавленные губы прижимаются к моим. Он целует меня, проникая в мой рот языком. Он делает это грубо и жестоко, как будто я его собственность. Я чувствую вкус железа и соли. Держа меня за горло одной рукой, не отрывая губ от моего рта, он опускает вторую руку, обхватывает пальцами рукоять своего оружия и вонзает молниеносный клинок мне под ребра.

До самого сердца.

Глава 32

Я вся в огне. Пылающее инферно. Кожа слезает с костей, кровь кипит в венах и испаряется. Я вспыхиваю и кричу.

А потом вода. Стремительные, мощные и прохладные потоки, как весенние реки, растекаются по мне и смывают обжигающую огненную бурю.

Вслед за тем обрушивается звуковое цунами. Звуков много, они громкие до боли. Какофония. Ужасающий визг. Двести человек орут одновременно.

И боль. Очень много боли. Агония кричащих нервов, растянутых мышц и раздробленных костей. Господи, как мне больно! Я пытаюсь свернуться калачиком внутри себя.

Эхо звука, чей-то настойчивый крик тянет меня назад.

«Что бы ты ни делал, поторопись! Он возвращается!»

Но это далеко. Слишком далеко.

«Нет, Мэгз, не уходи! Я могу тебя спасти, но ты должна бороться! Мне нужно, чтобы ты боролась!»

Это тот же голос. Я его знаю. Он добрый. И когда он говорит, я хочу бороться. Действительно хочу.

Но я не могу делать так, как он велит. Я была такой упрямой. Я уже боролась. И проиграла.

И теперь мое сердце не будет работать.

Потому что оно сломалось.

Глава 33

Я просыпаюсь в темноте. И боли. Но боли уже меньше, чем раньше. Это ноющая боль от травмы, но не жгучая от открытой раны, не агония сломанных костей. Я осторожно поворачиваю запястье, которое он так небрежно сломал. Дотянувшись до места под ребрами, через которое он вонзил свой нож в мое сердце, я нащупываю простыни и одеяла. Я лежу не в своей постели. В комнате, которую я не узнаю.

Я начинаю паниковать, но затем чую запах табака и кедра на своей коже и в волосах. Вспоминаю эхо молитвенных песен, донесшихся до моих ушей. *Кай?* Я всматриваюсь в темноту, но ничего не вижу.

Измученная и растерянная, я вновь проваливаюсь в сон.

В следующий раз я просыпаюсь от его мягких, но настойчивых прикосновений. Он принес еду и уговаривает меня поесть. Я сажусь, накинув одеяло на плечи, и ем. Но потом вспоминаю, что мое сердце было разорвано молнией, и плачу. Он откладывает еду в сторону, забирается ко мне в

постель, обнимает и держит, пока я не засыпаю снова.

Солнце стоит высоко в небе, когда я просыпаюсь в третий раз. Шторы в комнате плотно задернуты, но я вижу сквозь них ярко-желтый круг в углу окна. Я испытываю искушение остаться в постели, пока руки Кая крепко обнимают меня, но я знаю, что должна вставать. Я должна выяснить, что случилось и почему я до сих пор жива. Есть и другие вопросы, которые требуют ответа.

Я выскальзываю из теплой постели, стараясь его не разбудить. Случайно спотыкаюсь о какой-то мягкий пушистый сверток, который немедленно издает раздраженный вопль и выскакивает из комнаты сквозь щелку не до конца прикрытой двери. Это же кошка Грейс. Я в ее доме. Просто в незнакомой комнате. Я оглядываюсь и начинаю понимать, где я. Это то же помещение, в котором лежала Рисса, когда чудовище порвало ее на части. Должно быть, больничная палата. Когда глаза привыкают к полумраку, я убеждаюсь, что это так. Здесь имеется стол, а на нем разложены мисочки с бинтами, веер из перьев, катушка зубной нити, различные микстуры и мази.

Я ищу в тусклом свете свою одежду, но потом понимаю, что она, скорее всего, была слишком

испорчена или окровавлена, чтобы ее оставлять. Я не переживаю за потерю нелепого топа Клайва, но надеюсь, что удалось сохранить хотя бы мокасины. И мое оружие. Оно мне нужно. Если бы я знала, где оно сейчас, то немедленно надела бы на себя все ножи и стволы, которые у меня есть. И никогда бы их больше не снимала — даже во сне.

Наконец я нахожу халат в ногах кровати. Он густой, пушистый, отвратительного лавандового цвета, но это лучше, чем ничего. Я надеваю его на себя и осторожно перевязываю поясом, стараясь не беспокоить рану на боку. Затем открываю дверь и слышу из коридора приглушенный гул голосов. Прежде чем выйти из спальни, я оглядываюсь и смотрю на Кая.

Его лицо побледнело и осунулось, на глаза легли глубокие тени. Волосы слиплись и торчат во все стороны мокрыми прядями, кожа приобрела тусклый потный блеск, словно у него началась лихорадка. Тело будто втянулось само в себя, как бывает, когда быстро теряешь вес и нет времени его возместить. Я понимаю, что он не только использовал молитвы, которым научил его Тах, но и черпал силу клана для моего спасения и теперь расплачивается за это своим организмом.

— Великий Целитель, — шепчу я.

И осторожно закрываю за собой дверь.

Первым меня замечает Клайв. Он встает с широкой улыбкой:

— Убийца Чудовищ!

Я вздрагиваю.

— Не называй меня так. Хотя бы сегодня.

Он мгновенно приходит в себя.

— Хорошо, Мэгги.

Я оглядываю комнату и вижу незнакомые лица. Делаю шаг назад и натыкаюсь на стену.

— Что происходит? — спрашиваю я напряженным голосом.

— Это я их вызвала, — говорит Грейс. — Они в долгу передо мной. А значит, теперь в долгу и перед тобой.

Она сидит на диване рядом с Клайвом. Рисса заняла место на стуле. На кухне что-то ворчит и гремит кастрюлями «мистер Веснушка». Но больше всего я хочу знать о других людях в этой комнате.

— Хоски, — растягивая звуки, произносит Хастиин.

Я киваю главарю Жаждущих. За эти несколько дней он нисколько не изменился. Те же коротко остриженные волосы, такая же неаккуратная

бородка. Синяя военная форма и бандана с черепом. Он стоит у дальней стены, прислонившись к косяку двери. Еще трое Жаждущих в униформе и коже глядят на меня с напольных лавандовых подушек. Если бы я не была так потрясена тем, что они здесь, то рассмеялась бы от их нелепого вида.

На кухне что-то с грохотом валится на пол, и мы все подпрыгиваем от неожиданности, как кошки, находящиеся в одной комнате с напряженными убийцами.

Грейс вздыхает и поднимается с дивана.

— Пойду помогу. А то он сейчас весь кофе испоганит.

— У тебя есть кофе?

Грейс одаривает меня улыбкой.

— Мне черный, пожалуйста, — говорю я, и она спешит на кухню помочь младшему управиться с домашним хозяйством.

— Что ты здесь делаешь, Хастиин? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

— Ты слышала, что сказала леди. Жаждущие перед ней в долгу. И она передала этот долг тебе. К тому же я не хочу, чтобы ты сбежала, убила всех монстров в одиночку и присвоила себе всю

славу.

Мои брови приподнимаются.

— Так ты здесь, чтобы помогать мне?

— Похоже на то.

— Но ты же меня ненавидишь.

Его челюсть дергается от нервного тика.

— Ты должна мне деньги. Это не то же самое.

Я бы поспорила, но какой в этом смысл? Он здесь, и это главное. Честно говоря, я так рада, что у меня появилась поддержка, что готова даже обнять ублюдка, если бы не знала, что его это напугает.

— Спасибо, — говорю я.

Он смотрит на меня с минуту, затем хмыкает.

— Только не думай, что ты больше не должна мне денег, — ворчит он.

— Ты как себя чувствуешь? — спрашивает Клайв.

— Отвратительно, — признаюсь я. Затем закрываю глаза и прислоняюсь к стене. — Что там произошло?

— А ты не помнишь?

Кое-что помню: арену, брутальный поцелуй, нож в своем сердце…

— В конце начался хаос, — мягко рассказывает Клайв. — В стеклянный домик Мосы ударила мол-

ния. Загорелись трибуны. Толпа запаниковала, и все тут же бросились на выход. Кай делал все что мог прямо на месте, но надо было выбираться, чтобы тебя спасти. Мне удалось кое-что для тебя прихватить.

Он протягивает руку к другому концу дивана и достает оттуда металлический ящик — помятый и слегка обгоревший, но в остальном неповрежденный.

У меня перехватывает дыхание.

— Это то, о чем я думаю?

— Я решил, что ты захочешь его вернуть.

— Спасибо! — выдыхаю я.

Каким-то невероятным образом он спас мое оружие.

— Но я не смог найти твой Böker. Только ящик.

— Все в порядке, — успокаиваю я его. — Этого более чем достаточно.

Грейс возвращается с кофе и чаем, пахнущим мятой, и мы все получаем по чашке своего любимого яда. По кругу пускается мед, и один из Жаждущих мальчиков даже бормочет что-то от восторга, опуская полную ложечку в чай.

— Ну и что теперь? — спрашивает Рисса.

В комнате воцаряется тишина, и все поворачиваются ко мне.

Я держу чашку в руках, ее тепло понемногу успокаивает.

— Как сказал Хастиин, чудовища до сих пор обнаруживаются в разных местах. А значит, до сих пор действует колдун, которого необходимо убить. Я понимаю, что чуть не умерла, но я жива. Со мной все в порядке.

— Думаю, мы все знаем, что надо делать, — раздается усталый голос из коридора.

Все оборачиваются и смотрят на Кая, входящего в комнату. Он проскальзывает на место рядом со мной и уверенно берет мою руку в свою. Я краснею, смущенная его проявлением нежности, и первый мой инстинктивный порыв — отстраниться. Но мне нравится чувствовать его кожу и ощущать комфорт от того, что он так близко. Видимо, я привыкла к его объятиям за то время, пока мы спали в «больничной палате». Поэтому я оставляю руку там, где она сейчас.

— Кай прав. — Я делаю глубокий вдох. — Мы должны идти за Нейзгани.

Среди собравшихся пробегает шепот. Самый громкий — от Риссы и рядовых Жаждущих. Хастиин, к счастью, молчит. Кай успокаивающе сжимает мою руку.

— Ты уверена, Хоски? — спрашивает меня Ха-

стиин.

Я понимаю, на что он намекает. Нейзгани — герой. Мы не станем охотиться на хороших, если только сами не превратились в плохих.

— Нет, — признаюсь я, — но есть лишь один способ это выяснить.

— Кажется, есть способы получше, — говорит Рисса.

— Он пытался ее убить, — сердито перебивает Кай. — Зачем еще ему это делать, если не пытаться остановить нас?

Рисса усмехается:

— Между ними двумя есть много общего…

— Он знал о монстрах. И об огненном сверле, — говорит Кай. — Если он так невинен, то почему позволил умереть стольким людям?

— Это не значит… — пытается возразить Хастиин.

— Но зачем? — спрашивает Клайв, наклонившись вперед. — Если это он — и судя по всему, так и есть, — зачем ему это?

— Он бессмертный, — вмешивается Грейс. — Кто знает, зачем и почему они что-то делают? Такова воля богов, и более ничего. Сейчас не время пытаться понять его мотивы. Посмотрите на факты. Отталкивайтесь от того, что мы знаем.

Я киваю ей с благодарностью.

— Я знаю, где его искать. — Присутствующие умолкают и выжидающе смотрят на меня. — На Черном Плато.

Спустя один удар сердца Хастиин спрашивает:

— Ты предлагаешь отправиться на Черное Плато?

— Это последнее место, где мы с ним были. У старой шахты. Там он и будет ждать.

Хастиин беспокойно переминается с ноги на ногу.

— Надеюсь, тобой движет не чувство мести, Хоски? Потому что я готов решать проблему с монстрами, но не стану рисковать своей жизнью и жизнями пацанов из-за какой-то старой ссоры любовников.

— Я тоже это слышал, — говорит Кай. — Слышал, что он сказал Мэгги. О чудовищах, о Черном Плато… обо всем. Он будет ждать там, и там же мы найдем монстров.

Он лжет. Кай не мог слышать, что Нейзгани говорил мне на арене. Тем более что о Черном Плато речи не было.

Но Кай смотрит не на меня. Его спокойный взгляд устремлен на Хастиина, как будто он рассчитывает убедить его одним усилием воли.

Хастиин замирает, и на мгновение мне кажется, что он собирается отказаться. Но он только шумно выдыхает и хлопает себя ладонью по ноге.

— Что ж, ладно, — говорит он. — Полагаю, небольшое путешествие на Черное Плато мы совершим вместе?

Мы строим наши планы за кастрюлей с тушеной лосятиной и толстыми пышными лепешками, которые на скорую руку слепили Грейс и «мистер Веснушка». Затем Рисса с Клайвом осматривают арсенал Грейс, прикидывая огневую мощь, которая может нам понадобиться. По ходу дела у них завязывается спор с Жаждущими на предмет того, можно ли переделать винтовки в огнеметы. Это довольно бурное обсуждение — наполовину возбужденное, наполовину испуганное. Я остаюсь на месте как можно дольше, прокручивая в голове все, что помню о топографии Черного Плато и излюбленной боевой тактике Нейзгани. Я знаю, что он не может не ждать нас там. Но меня беспокоит не это. Он оставил меня в живых, и я не понимаю почему. Почему он пощадил меня, когда я была полностью в его власти? Почему целовал меня? Почему насмехался надо мной и уговаривал к нему вернуться?

Сославшись на усталость, я ухожу в одну из

свободных комнат в домике Грейс, поскольку не хочу сейчас слушать разговоры о войне. Дальняя стена целиком состоит из встроенных книжных полок, и я принимаюсь листать книги в мягких обложках, пытаясь отвлечься.

— Ищешь что-нибудь интересное? — раздается за спиной голос Кая.

Я оборачиваюсь и вижу улыбающегося Кая, остановившегося в дверях. На нем прежние мешковатые брюки-карго и футболка «AC/DC». Кай уже не так плох, как раньше, но морщины вокруг рта и синяки под глазами остались, отчего он кажется строже и старше своего возраста. Он больше не выглядит царственным и неприкосновенным, как в Шалимаре. Теперь Кай похож скорее на принца в изгнании или как минимум пережившего осаду.

— Ага, хочу найти руководство «Как сокрушить армию плотоядных монстров и убить бессмертного воина, который только что надрал тебе задницу», но его почему-то нет. — Я постукиваю пальцем по пустому месту на полке. — Наверное, Грейс куда-то переставила.

— О, — говорит Кай и входит в комнату. — Оно очень популярно. Я уверен, что кто-то одолжил и забыл вернуть.

— Вот негодяи!

Он смеется и подходит ближе. Затем берет с полки случайную книгу.

— А как насчет этого?

На обложке изображен голый по пояс мускулистый индеец с длинными развевающимися локонами, страстно целующий белую рыжеволосую женщину. На заднем плане — стереотипная прерия с обозами и буйволами.

— Ммм… про любовь? Не думала, что ты такой романтик.

Он ставит книгу обратно на полку.

— Значит, ты плохо меня знаешь.

— Да нет. Я тебя знаю довольно хорошо, — говорю я, думая о последних днях и ночах. Я вспоминаю его руки, обнимающие меня, и тело, прижимающееся ко мне.

Он наклоняет голову и прищуривается одним глазом, будто оценивая, действительно ли я флиртую. Или хотя бы пытаюсь флиртовать. По правде говоря, я понятия не имею, что делаю. Наконец Кай сжаливается надо мной, и уголки его рта приподнимаются в улыбке.

— Это было исключительно ради здоровья, — говорит он.

— Неужели? — спрашиваю я. — Что-то я не

помню, чтобы Тах когда-нибудь прижимался ко мне в процессе лечения.

— Кстати, о лечении… ты как себя чувствуешь?

Я вздыхаю и прислоняюсь плечом к книжному шкафу. Вся легкость момента куда-то исчезает.

— Укатали сивку крутые горки.

Он тупо на меня смотрит:

— И что это значит?

— Городской мальчик…

— Согласен, каюсь.

Я колеблюсь, полная сомнений, стоит ли ему признаваться. Но после того, что Кай сделал для меня, он заслуживает честного ответа.

— Мне больно, — говорю я, — и внутри, и снаружи. Я знаю, что тело мое исцелится, но душа… — Я пожимаю плечами. — Я любила его, Кай.

Он молчит несколько секунд, опустив голову.

— Ты была на волосок от смерти, — говорит он. — Я могу исцелить твое запястье и спину. Но дух… Он долго не хотел возвращаться.

Он хочет сказать, что я уже была мертва? Я вздрагиваю. Не хочу даже думать об этом. Если бы я умерла, я бы поняла это, не так ли? Даже Каю не под силу воскрешать мертвых.

— Знаешь, люди, которые любят тебя, не станут причинять боль, — говорит он, не сводя с

меня глаз. — Любовь не подразумевает желания убить.

Даже не знаю, что на это ответить. Конечно же, он прав. Что бы ни было между мной и Нейзгани, но этого больше нет… если оно вообще когда-то было. Но чувства не умирают в одночасье. Я не могу просто так взять и обо всем забыть.

Но я могу отпустить часть того, что чувствую. Начать освобождать место для чего-то нового…

— В общем, мы квиты, — говорю я вымученно бодрым голосом, пытаясь вернуть то светлое настроение, которое царило между нами всего несколько минут назад.

Он хмурится, не понимая, к чему я клоню:

— Что ты имеешь в виду?

Я делаю шаг вперед, сокращая расстояние между нами.

— Я спасла твою жизнь, ты спас мою. Верно?

Теперь мы стоим лицом к лицу — так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже и запах кедра от его растрепанных волос.

Он расплывается в дерзкой улыбке.

— Ну с формальной точки зрения я спас тебя дважды. Ты забыла про Рок-Спрингс?

— В Рок-Спрингс я бы справилась сама, — шепчу я, касаясь губами изгиба его уха. — Я просто

оставила тебе возможность повыпендриваться.

Его руки обхватывают мою талию, и он шепчет в ответ:

— А вот мне запомнилось другое.

Он замирает над моими губами, не решаясь сделать это первым. Его лицо наполнено той же добротой, той же непонятной, но нежной силой, которая спасла мне жизнь, той же преданностью, с какой он вступился за меня перед Хастиином. И хотя инстинкты кричат, что я стою лицом к лицу с самым ужасным монстром, с каким мне доводилось иметь дело, я наклоняюсь вперед и прижимаюсь губами к его губам. Они удивительно мягкие. Его руки проскальзывают вверх по спине, пальцы запутываются в моих волосах, и он притягивает меня еще ближе.

Поцелуй максимально далек от садистского огня Нейзгани, но это все-таки поцелуй. Если Нейзгани — обжигающее пламя, то Кай — это мягкая прохлада чистейшего горного источника, струящаяся по моему телу, успокаивающая тревогу, избавляющая от чувства одиночества и горя одним простым прикосновением.

«*Клан Великих Целителей*», — мелькает в голове мысль. Кай способен лечить даже поцелуем.

А затем его бедро прижимается ко мне. Нога

проскальзывает между моих колен. Я позволяю себе расслабиться.

Он набрасывается на меня со страстью и стонет низким голосом. Через все мое тело пробегает дрожь желания. Я крепче прижимаю его к себе, царапаю ногтями обнаженную кожу рук, целую сильнее. Его рука проскальзывает вниз вдоль спины и обхватывает выпуклость моих ягодиц.

А потом я вновь оказываюсь на холме в доме *нали*, где лежу в луже собственной блевотины… Возвращаюсь на Черное Плато и дрожу в тени угольной шахты, пока кровь мертвецов стынет под моими ногтями… Вижу себя на горе у Лукачикая, где отрезаю голову ребенку…

Когда все, что я хочу сейчас, — это быть в своем теле рядом с Каем.

Возбуждение резко исчезает, будто кто-то повернул чертов рубильник.

Кай это чувствует. Он отстраняется и смотрит на меня встревоженными глазами.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, прерывисто дыша, низким, хриплым от желания голосом.

Это настолько лестно для меня, что я не выдерживаю и смеюсь.

— Да, все в порядке, — лгу я, — просто… не так

быстро.

Он облегченно улыбается, после чего наклоняется и прижимается своим лбом к моему.

— Мы можем и помедленнее, Мэгз. Как тебе больше нравится.

Он проводит руками по моим бокам и задевает рану под ребрами. Я невольно вздрагиваю и осторожно приподнимаю рубашку, чтобы взглянуть на то место, куда Нейзгани ударил меня ножом. Шрам около четырех дюймов длиной. Рана, должно быть, оказалась чистой и скорее глубокой, чем широкой. Выскользнув из моего бока, молниеносное лезвие прижгло плоть наподобие клейма. Остался шрам в форме молнии, который никогда теперь не исчезнет. Мягко прижимая, Кай проводит по нему пальцем. Что-то перекатывается под кожей. Рубцовая ткань? Это уже неважно. Внезапно я осознаю, что это значит: Нейзгани заклеймил меня как свою собственность.

Я вздрагиваю и начинаю вдруг задыхаться. Комната вокруг меня принимается вращаться, стены постепенно смыкаются. Но Кай обнимает меня и успокаивающе бормочет. Что-то ломается внутри. Я хочу быть сексуальной, хочу быть желанной для этого великолепного доброго мужчины. Но вместо этого чувствую себя гребаной

психопаткой.

Я отстраняюсь от него, делая шаг назад. Выравниваю дыхание, положив руки на бедра. Все, теперь я могу говорить.

— Почему ты про меня соврал?

Мой голос звучит мягко, это вопрос, а не обвинение, но он все равно удивленно поднимает глаза:

— Что?

— Хастиину. Почему ты сказал ему, что слышал слова Нейзгани?

Он опускает глаза и колеблется, прежде чем снова встретиться со мною взглядом.

— Ты же знаешь, что я на твоей стороне, верно? Что бы ни случилось, я тебя прикрою.

— Но что, если я ошибаюсь, Кай?

— Какое это имеет значение? В любом случае ты должна встретиться с ним лицом к лицу, Мэгги.

— А разве я не встретилась? Получилось не очень хорошо.

— Да, перед орущей толпой. И когда это стало полной неожиданностью, — напоминает он. — Я имею в виду, что теперь ты сама можешь ставить условия. В тот момент, когда будешь готова. Когда у тебя появится план.

— А что, если я не смогу его убить?

— Тебе придется. Только так ты сможешь от

него освободиться. — Кай проводит рукой по моему шраму, и я понимаю, что он прав. — Кстати! Оказалось, что у Грейс имеются батарейки, и пока ты спала, я послушал записи на дисках.

Я как-то совсем позабыла про найденные нами CD.

— Что узнал нового?

— Помнишь кольца Ма'йи?

— Кольца сторон света?

— Кажется, я понял, для чего они нужны. И, кажется, знаю, как убить Нейзгани.

Я закрываю глаза, ощутив внезапно навалившуюся усталость. Часть меня слишком напугана, чтобы всерьез надеяться на то, что я смогу когда-либо покончить с Нейзгани. Но другая часть боится, что у меня все-таки получится. Ведь кто я без него? Но, в конце концов, я прожила без него несколько месяцев, и ничего плохого со мной не случилось. Так чего же я боюсь?

— Эй! — говорит Кай и притягивает меня к себе. — Не волнуйся. Я буду с тобой. Тебе не придется сражаться в одиночку. И в этот раз мы его одолеем.

Я хочу ему поверить. Его ложь так сладка, что я не решаюсь ее разрушить. Нам нужно немного мира перед грядущей бурей.

— Расскажи мне про эти кольца.

Глава 34

Мы покидаем «Всеамериканский бар» Грейс за несколько часов до рассвета. Я возглавляю нашу маленькую армию. Клайв и Рисса, оседлавшие быстрые малошумные мотоциклы, взяли на себя роль разведчиков. Они прибудут первыми, осмотрятся на местности и свяжутся с нами по рации, которую предоставила Грейс. Мы с Каем едем в моем грузовике, а Хастиин и его тридцать Жаждущих следуют за нами.

Небо на западе чернильно-черное, а под ним — открытая пустыня. Нам везет: свет от звезд прикрыла легкая облачность, и убывающая луна сегодня тоньше щепки. Самый короткий путь проходит через Тсэ-Бонито, но мы все согласились с тем, что лучше объехать город с юга, даже если на это уйдет какое-то время.

— Придется проскочить вдоль южной Стены, — предложил Хастиин. — Вряд ли Псы-Законники станут искать вас так далеко на юге. У них не хватит на это сил.

— В этом есть и хорошая сторона, — говорит Клайв.

— Какая? — спрашиваю я.

— Вы увидите южную Стену.

Хастиин кивает:

— Это да. Двести с лишним миль[84] сплошной бирюзы высотой в пятьдесят футов[85]. Чертово чудо Шестого Мира.

Стена оказалась именно такой, какой описал ее Хастиин. Вначале показалось синее мерцание в предрассветных сумерках, больше похожее на далекий океан. Но когда мы подъехали поближе, я увидела, что такое настоящие результаты работы *Дийин Дине*.

Хастиин поднимает руку, и мы все останавливаемся в единодушном изумлении. Глушим двигатели и тянемся вперед.

— По ту сторону этой самой Стены бушевал чертов кошмар Большой Воды, — говорит один из Жаждущих своему приятелю — так громко, что его слышно через открытые окна грузовика.

— Ее вид заставляет чувствовать себя счастливым от того, что ты *дине*, не так ли?

— Нет, — говорит Кай так тихо, что слышу его я одна. — Ее вид заставляет чувствовать себя

---

[84] Примечания: 84
Больше 320 км.

[85] Примечания: 85
15,2 метра.

ничтожным.

Я ничего не отвечаю, но Кай близок к истине. Стена — лишнее напоминание о силе, с которой мы столкнемся через несколько часов. Потому что если только *Дийин Дине* смогли сотворить нечто подобное, то каковы наши шансы против самого Нейзгани?

— Поехали, — говорю я.

Затем включаю передачу и трогаюсь первой. Гудэйкры и Жаждущие присоединяются к нам, и мы едем на запад еще пятьдесят миль[86], держась справа от Стены, пока Хастиин не подает сигнал поворачивать на север.

Время летит быстро. Волнение от близкого вида Стены и общая нервозность заставляют нас оставаться настороже, не теряя боевой готовности. Поначалу из рации доносится множество шуток. Близнецы, вновь выехавшие вперед, предупреждают о каждом мелком арройо, на который может напороться колесами грузовик, но потом успокаиваются. В открытое окно задувает ветер, и тихая предрассветная прохлада понемногу заполняет кабину. Мы с Каем молчим, поскольку каждый погружен в свои мысли. Тишина между

---

[86] Примечания: 86
Примерно 80 км.

нами становится густой и удивительно напряженной.

— Ты хорошо выспался? — спрашиваю его озабоченно.

Я знаю, что он истратил большой объем энергии, исцеляя меня, но сегодня я собираюсь попросить у него еще больше.

На мгновение он замирает и смотрит на меня с обескураженным видом, но потом, кажется, встряхивается.

— Да, но опять снились плохие сны. Никак не могу от них избавиться.

Я киваю. Уверена, что сегодня нас всех мучили кошмары.

Два часа спустя мы сворачиваем у Раф Рок, оставляя позади все дороги и любые признаки цивилизации. Я мельком бросаю взгляд через плечо, но городок быстро исчезает в темноте.

— Уже недалеко, — говорю я Каю. — Гнездо Плохих Людей, которое мы уничтожили, находилось в шахте. Она давно заброшена, но оттуда до сих пор таскают и продают старое оборудование. Кроме того, Плохие Люди используют для своих церемоний угольные пласты…

Я осознаю, что болтаю много лишнего. Это нервы. Да и Кай меня практически не слушает.

Через лобовое стекло он смотрит куда-то в небо. Я бросаю взгляд в том же направлении.

— Посмотри на небо, — говорит он. — Тебе не кажется, что это ненормально?

В это время небо уже должно было налиться яркой синевой, как положено осенним утром, но вместо этого оно выглядит слегка позеленевшим. Откуда-то издалека доносится гром.

— Как в моем сне, — шепчу я.

Кай резко оборачивается и обеспокоенно смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Мне приснился сон. Когда мы только познакомились. Какая-то странная фигня. Нейзгани был одет как колдун, а у тебя были крылья. Во всяком случае, небо там было точно такое же, как сейчас над Черным Плато.

— Я верю в сны, — хрипло отвечает Кай. — Думаешь, тот сон что-то предвещал?

Я хмурюсь:

— Надеюсь, нет. Потому что он закончился плохо. Эй, с тобой все в порядке? Ты выглядишь…

В рации раздается треск.

— Кролик, это Рисса. Как слышно? Прием.

Кай берет рацию в руки.

— Это Кролик. Что видите? Прием.

— Ты до сих пор позволяешь ей называть тебя

Кроликом? — спрашиваю я.

— Ей невозможно ничего объяснить, — вздыхает он.

Снова раздается голос Риссы:

— Ничего не видим.

— Ты не могла бы уточнить? Прием.

— Я имею в виду, у входа в шахту, там, где велела искать Мэгги, ничего нет. Прием.

— Ты уверена? — спрашиваю я, схватив рацию. Затем запоздало добавляю: — Прием.

— Да, уверена. Ты же сказала ехать к шахте, верно? Так вот, мы на месте, только здесь…

Передача растворяется в статическом шуме. Что-то гулко бумкает в динамике, разносясь эхом вокруг нас. В башню старого шахтного шламохранилища бьет молния.

— Вот наша подсказка, — говорю я Каю высоким нервным голосом, после чего останавливаю грузовик, ощущая всем телом пульсирующую тревогу.

Я открываю дверь и выскальзываю наружу. Кай перебирается на мое место.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спрашивает он.

— Просто придерживайся плана, ладно?

Он кивает.

— Мэгги…

Я поднимаю глаза. Мои нервы уже на пределе, адреналин зашкаливает. В этот момент я уже думаю о том, что произойдет дальше.

— Помни, что мы друзья, хорошо? — говорит он. — И что я… на твоей стороне.

Я улыбаюсь:

— Больше, чем друзья. Мы напарники. Теперь езжай. Не заставляй остальных ждать.

Я захлопываю дверь, затем провожаю взглядом свой грохочущий грузовичок, исчезающий во тьме, и нервно встряхиваю руки. Меня тревожит этот безумный план. Тревожит, что, несмотря на заверения Кая, в этот раз я не выживу.

Я жду, пока пыльный след грузовика не исчезнет окончательно, потом быстро пробегаюсь ладонью по оружию. Дробовик на спине, патроны в патронташе. Böker отсутствует, зато у меня остались метательные ножи и «глок», а также новый кожаный мешочек, пристегнутый к поясу, в котором хранятся *наайее атс'ос* Койота. Кольца слегка греют мне бедро, словно живые существа. Я расправляю плечи и делаю несколько глубоких вдохов.

Затем начинаю бежать неторопливой трусцой по сухой растрескавшейся почве. Земля здесь

бесплодна — ее даже сравнить нельзя с относительной пышностью гор или моей маленькой долиной. Болезненная печаль Черного Плато действует на меня угнетающе. В усиливающемся свете, под этим зеленым небом, она вдруг становится настолько похожей на мой жуткий сон, что по рукам пробегают холодные мурашки.

Через полмили я сбиваюсь с ритма. Ускоряюсь до более-менее равномерного бега. Башня шламохранилища постепенно вырастает передо мной и теперь почти перекрывает небо блевотного цвета. Я двигаюсь как можно скорее и тише, стараясь не высовываться. Добравшись до первой пристройки, я ступаю на узкую металлическую лестницу, поднимающуюся по спирали вдоль всей башни. Первые несколько этажей пробегаются быстро, но примерно на полпути металл под моими руками становится холодным. Он дребезжит и трясется, словно намереваясь отделиться от поверхности здания и свалить меня вниз. Я укоряю себя за шум, умом понимая, что он в любом случае не мог не заметить моего приближения. Я останавливаюсь, чтобы подышать на руки, и оглядываюсь с высоты по сторонам. По плато уже мчатся мотоциклы, но монстров по-прежнему нигде не видно. Я снова

прикасаюсь руками к кольцам и напоминаю себе о плане Кая.

«Ты справишься, Мэгги», — говорю я мысленно.

Ведь как только я окажусь на крыше, я получу прекрасный обзор всего окружающего ландшафта. Эта башня — идеальный наблюдательный пункт. Произошедший удар молнии подтвердил, что того же мнения придерживается и Нейзгани.

Но когда я достигаю крыши, я вижу там не Нейзгани.

– *Я'ат'ээх*, Магдалена, — приветствует меня Койот. — Как мило. Ты взобралась сюда, чтобы посмотреть на бойню?

Глава 35

— Ма’йи!

— Да, *так* меня зовут.

— Почему-то я нисколько не удивлена, что ты здесь, — говорю я и иду вперед.

Сегодня он надел другой костюм, но в том же западном стиле — в этот раз выдержанный в черных и серых тонах. На шее кремовый бант, на лацкане пиджака — одинокая красная роза. Черная ковбойская шляпа покрывает голову.

— А где в Динете я еще могу сегодня быть?

— Куда он делся? — Я оглядываю крышу в поисках Нейзгани. Но здесь только мы — пройдоха и я. — Я знаю, что вы с ним заодно.

Ма’йи хмурится:

— Ты думаешь, я бы стал сотрудничать с этим болваном? Серьезно?

— Тебе пора уходить.

— Нет, Магдалена, — отвечает он с раздражением. — Мне так не кажется. Я остаюсь.

Теперь раздраженно ругаюсь я. Почему-то я была уверена, что Нейзгани окажется именно здесь. Он и раньше присматривался к этому наблюда-

тельному пункту, однажды сказал мне, что это отличное место, откуда можно контролировать все, что происходит внизу. А еще ударила молния… Но, возможно, я неправильно его поняла. Возможно, он сейчас еще в поле. Я чувствую на себе пристальный взгляд Койота.

— Слушай, мне плевать, какова твоя роль в этом деле. Разберемся с этим позже, но сейчас я…

Мы вместе слышим эти звуки — визг дюжины мотоциклов, разгоняющихся одновременно, и вой сотни кровожадных тварей. Ма'йи наклоняет голову, прислушиваясь.

— Ага… вот и оно. Труба зовет, пора в поход!

Я спешу присоединиться к нему у края крыши. Масса бледных тел переваливается через край каньона и мчится на восток. Они как сотни взбесившихся личинок. Несколько дюжин, насколько я могу судить, уже добежали до линии зарослей чамисы.

Я вижу Жаждущих, выезжающих им навстречу на своих мотоциклах. За их спинами заряженные огнеметы. В отдалении припаркован мой грузовик, а в его кузове — одинокая фигура, которая может быть только Каем. Он стоит, развернувшись лицом к приближающимся монстрам.

Жаждущие разворачиваются в широкую ли-

нию, чтобы охватить чудовищ с флангов. Их оружие одновременно изрыгает огонь, и все скопление *тсэ наайее* накрывается пылающим «одеялом». Вопли горящих монстров разносятся эхом по всему плато.

— Умно, — замечает Ма'йи.

— Погоди. Они еще не закончили.

Кай встает на крышу кабины грузовика. Он расставляет ноги и протягивает вперед руки. Я почти слышу его пение и вижу, как Клайв, стоящий поблизости, пускает огненную струю в небо.

И приходит ветер. Огонь взлетает — точно так же, как в Рок-Спрингс. Превратившись в изгибающееся инферно, он прореживает ряды тварей, как голодный зверь.

— Изумительно, — говорит Ма'йи, не спуская глаз с Кая, и в его голосе слышится завистливое уважение. — И неожиданно быстро.

Он достает карманные часы из кармашка жилета и смотрит на меня.

Со своего наблюдательного пункта я вижу, что мы уничтожили почти всех. Осталось всего с десяток чудовищ. Клайв с Риссой присоединяются к Жаждущим, и они вместе добивают оставшихся, снося головы с плеч или обливая огнем. Я улыбаюсь и облегченно вздыхаю. Наш план сработал.

Но в тот же момент я замечаю шевеление на юге. Что-то движется из-за поворота и спускается с холма.

— Ой! — восклицает Койот, явно развлекаясь. — А вот и подкрепление.

Я с ужасом наблюдаю, как все новые и новые монстры высыпают на плато и быстро приближаются к грузовику. Кай поворачивается к ним и поднимает руки. Я перестаю дышать, когда он вдруг оступается. Я понимаю, что он вымотан до предела. Сначала его истощило мое лечение, а теперь, не успев восстановиться, он вынужден тратить остатки сил на войну. Я тщетно кричу, чтобы Хастиин, Клайв или кто-нибудь другой вернулся и помог Каю, но никто меня не слышит, а чудовища между тем приближаются. Теперь ему точно никто не сумеет помочь.

Молния бьет прямо в поле.

Она ослепительно-яркая, и к тому времени, когда я вновь обретаю возможность видеть, он уже там — стоит в пятнадцати футах от Кая, между ним и монстрами. Он, как всегда, великолепен — каскад черных волос струится по спине подобно темной занавесе. Доспехи сияют. В руке он держит молниеносный меч.

И туда, куда он им указывает, приходит раз-

рушение.

— Завидная пунктуальность! — Койот захлопывает карманные часы. — Теперь начнется самое веселье.

Я разеваю от удивления рот, глядя на то, как Нейзгани расчищает поле битвы. Монстры падают повсюду. Они вспыхивают пламенем, словно по команде, или просто разлетаются на куски. Он взмахивает рукой, и от одного удара слетает сразу несколько голов. Вращаясь и уворачиваясь от голодных ртов, он становится воплощением самого насилия. Он прекрасен.

— Я должна к ним спуститься, — говорю я, наблюдая за тем, как он борется с армией монстров.

Койот проводит когтистой рукой по белоснежным оборкам рубашки.

— Подожди минутку, Магдалена. Сначала я расскажу тебе одну историю.

— Что? — переспрашиваю я, отвлекшись, когда Нейзгани пробежал сквозь огромного *тсэ наайее.* Он — воплощение сил самой природы, но их так много, а он один. И они продолжают прибывать. Сотнями.

— Это история об одиноком, несправедливо обвиненном Койоте и юной девушке, которая

поможет ему отомстить.

Это странное начало привлекает мое внимание.

— О чем ты говоришь, Ма'йи?

— Неужели ты меня не заметила? Там, на горе, когда ты убила первого в жизни монстра.

Дикий крик отвлекает меня. Я оборачиваюсь к полю битвы и вижу, как под роем белых тел падает один из Жаждущих. Парни Хастиина умирают, даже несмотря на помощь Нейзгани.

— Останови это, Ма'йи. Я уже поняла, что эти *тсэ наайее* — твоих рук дело. Зачем тебе это нужно?

Койот вскидывает голову. Недоуменно моргает:

— Эти *тсэ наайее*?

— Не отрицай. Я знаю, что у тебя есть огненное сверло. Ты создал этих чудовищ.

— О, я и не собирался отрицать. Ты неправильно меня поняла. Я не только создал *этих тсэ наайее.* Я создал их всех. Все чудовища мои, Магдалена. С самого начала.

— Да, я знаю. Лукачикай, Краун-Пойнт, Рок…

Он резко и неодобрительно цыкает.

— Нет, нет, нет. Покрытый соснами хребет, — напевает он, проводя когтями по оборкам рубаш-

ки, — рядом с фортом Дефайанс…

Кровь стынет в моих жилах.

— Все же так просто на самом деле, — говорит он тихо. — Я знал, что Нейзгани уже охотится на того колдуна и его созданий. Все, что было нужно, — просто обеспечить случайную встречу. Отчаявшаяся девочка. Неизбежное спасение. Обливающееся кровью сердце героя. Кто сумел бы устоять? — Он театрально вскидывает руки. — Однако с твоей *нали* случилась неприятность. Каннибалы. Весь этот ужас…

Я перестаю дышать. Я не слышу этого. Я не могу этого слышать. Это не может быть правдой.

— Мне очень жаль. Правда. Но родитель не всегда способен контролировать поступки своих детей. Взгляни же на мое последнее творение. — Он обводит рукой поле битвы. — Я знал, что должен придумать нечто по-настоящему чудовищное, чтобы отвлечь тебя от твоей маленькой обиды. А что может быть лучше, чем привлечь Нейзгани к месту ваших встреч? Маленькая девочка, окруженная плотоядными монстрами. Хотя… — добавляет он задумчиво, — если быть честным, а я всегда честен, эти существа немного разочаровали меня. По сути, они такие одинокие. И такие беспомощные собеседники. Ты знала, что

они не умеют разговаривать? Только мычат. И стонут. Они не в силах произнести ни одной остроумной фразы. Предполагаю, именно поэтому они пытаются сожрать человеческие голосовые связки, но кто может сказать определенно? К сожалению, точно не они. — Он хихикает над собственной шуткой, потом издает меланхолический вздох. — Оказывается, огненное сверло может вдохнуть искру жизни, но не в состоянии наделить душой.

Наконец мне удается обрести дар речи:

— Что ты наделал?

Ма'йи радостно улыбается:

— Всего лишь сделал тебя великой, без сомнения!

— Что? — Мой хриплый голос дрожит от негодования.

— Я не жду от тебя благодарности прямо сейчас, но, может быть, со временем…

Он щелкает языком по зубам.

Я смотрю на него с ужасом.

— Я говорю о силах кланов, — раздраженно поясняет он, словно негодуя оттого, что я не разделила с ним радость. — Ты бы знала, как их трудно разбудить! А еще тебя обучил величайший воин, которого когда-либо знали *дине*. — Он

наклоняется вперед и смотрит на меня блестящими от возбуждения глазами. — Я хотел, чтобы тебя ранили, Магдалена. Чтобы ты разозлилась как следует и весь этот гнев сосредоточился на одном человеке.

— Значит, вся моя жизнь — это игра, в которую ты играешь с Нейзгани?

— Уверяю тебя, это не игра. А если и игра, то самая восхитительная из всех. Трудно сказать с уверенностью. — Он поправляет и без того идеальные манжеты. — Ты великолепна, Магдалена. Ты — лучшее в мире оружие, хотя этого не ценишь. А он, — Ма'йи бросает взгляд на кипящее внизу сражение, — ценит даже больше, чем хочет признать. Всегда существовал риск, что он убьет тебя, как только осознает твой потенциал. Как только поймет, что ты гораздо его сильнее. Но я был уверен, что этого не произойдет. Вот здесь и сокрыто самое интересное, Магдалена. Он любит тебя. Ну насколько человек вроде него вообще способен любить, — поспешно добавляет он.

Мои колени начинают дрожать.

— Но ты же говорил…

— …то, во что я хотел, чтобы ты поверила. Мне нужна была твоя ненависть, а не милосердие. А еще я посодействовал, чтобы ты пустила Кая

Арвизо к себе в постель. — Он шмыгает носом. — Ведь тебе нужен тот, кто утешит тебя после смерти Нейзгани. Поверь, я никогда не хотел, чтобы ты страдала. В конце концов, я же не чудовище.

С моих губ срывается сдавленный всхлип.

— Ты ведь планируешь его убить, не так ли? — нетерпеливо спрашивает он. — А что еще остается? После того как он тебя так унизил, смерть — это самое малое, что он заслуживает.

— Тебе не следовало этого делать, Ма'йи, — отвечаю я медленно и тихо. Затем достаю пистолет из кобуры на бедре. — Тебе не следовало так поступать со мной. И с моей *нали*. — Мой голос срывается. — И с Тахом.

Теперь я точно знаю, что огонь, спаливший его хоган, был вызван ударом молнии Ма'йи. Не знаю, для чего он это сделал. То ли для того, чтобы настроить меня против Нейзгани еще сильнее, то ли для того, чтобы свести меня с Каем, или по какой-то другой извращенной причине. Но теперь это не имеет значения.

Ма'йи вздыхает.

— Не слишком ли ты мелодраматична?

— Ты не должен так обманывать людей. Не должен был обманывать меня!

Я поднимаю пистолет. Наставляю его на голову Ма'йи.

— Вижу, ты не ценишь мою гениальность, — бормочет он. Его глаза следят за мной и моим пистолетом, но он не двигается. — Но я уверен, что сегодня Нейзгани умрет от рук своей ученицы. Ты ведь хочешь этого. И Кай Арвизо тоже. Это холодная месть, о которой я жалеть не буду.

Я ничего не отвечаю. Просто держу пистолет ровно.

Раздается щелчок курка, когда его иллюзия начинает разрушаться.

— Ну в самом деле, Магдалена! Всегда ли насилие является отв…

Один выстрел прямо в лоб.

Он отшатывается назад и падает в грязь. Я подхожу к его телу. Пару секунд вглядываюсь в неподвижные глаза, в разинутый рот. Затем наклоняюсь и провожу лезвием ножа по горлу. На бледной коже распахивается красная полоса. Я работаю ножом, пока голова не отделяется от туловища целиком и не оказывается в моей руке. Я швыряю ее за край крыши. *К'ааханаании* внутри воет — дико и злобно.

Какое-то время я смотрю на кровь, стекающую ручейками в трещины рассохшейся крыши. По-

том трещины заполняются, и кровь начинает скапливаться в лужицах вокруг его расчлененного тела и просачиваться сквозь рукава его прекрасного западного костюма.

Глава 36

Я мчусь через плато, быстро работая ногами. Никакие силы кланов не помогают мне, только ужас, горе и паника от того, что я могу опоздать. В голове продолжают прокручиваться жестокие признания Ма'йи, но у меня нет времени размышлять над тем, что он мне сказал. И что-то по этому поводу чувствовать. Какая-то часть меня осознает, что я, должно быть, в шоке, и я использую этот обрывок разума, чтобы запереть внутри вопящий ужас от того, что Ма'йи сделал со мной. Сейчас я должна помочь Каю.

— Придерживайся плана, — шепчу я сама себе. — Ничего не изменилось. Придерживайся плана.

Наайее атс'ос — это лучик надежды в том, что кажется дурным сном.

Я сломя голову вбегаю в кошмар.

Земля усеяна телами. Обгоревшие до черноты и покрытые пеплом трупы чудовищ до сих пор выглядят слишком по-человечески. А ведь есть еще и мертвые люди в синей униформе, выделяющиеся на фоне обугленных останков тварей.

Жаждущие. Я бегу дальше, к краю каньона, возле которого стоит грузовик. Теперь я их вижу: горстка моих союзников еще держится на ногах. Сначала я испытываю облегчение оттого, что они живы. А потом ужас.

Клайв стоит на коленях перед Нейзгани, и острие молниеносного меча нацелено в его горло. Гудэйкр пьяно шатается, из огромной раны на его голове свободно вытекает кровь. Рисса отчаянно пытается оттащить своего брата от Нейзгани. Рядом с близнецами стоит Кай. Из радужки его глаз полностью вымылся карий цвет, и теперь они сверкают чистой ртутью. Он вытянул руки перед собой и растопырил пальцы, словно пытаясь удержать невидимую стену. Воздух вокруг него гудит тяжело и мощно, излучая опасность.

Одно неверное слово, одно неосторожное движение, и мы все умрем.

— Нейзгани!

Его глаза вспыхивают на меня подобно озерам чернейшей ночи. Жаждущие вокруг нас сжимают пистолеты и сдвигают пальцы ближе к спусковым крючкам.

Я поднимаю руки и иду ближе.

— Поговори со мной!

Я чувствую напряжение от того, что оказы-

ваюсь на линии огня, ощущаю нарастающую стихийную мощь Кая, но смотрю только на Нейзгани.

— Рыжий напал на меня, — отвечает он. — Я бы не причинил ему вреда. Я пришел сюда только потому, что учуял монстров.

— Тогда уходи. Все монстры мертвы. Оставь этих людей в покое.

Он улыбается, и даже сейчас его улыбка похожа на первые лучи солнца в морозное зимнее утро.

— Теперь не могу.

Кто-то из Жаждущих кашляет, и мы все подпрыгиваем от неожиданности, ожидая последующего града выстрелов, но они, к счастью, так и не раздаются.

Я выдыхаю, пытаясь взять под контроль *К'ааханаании*, которая кричит внутри, что я в опасности и что пора убивать. Кого-то. Или кого-нибудь. Или вообще всех.

Я изо всех сил стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты знал, что всех чудовищ создавал Ма'йи? — спрашиваю я как можно громче, чтобы слышали все. — Теперь я поняла, что ты тут ни при чем.

Его хмурый взгляд подобен облаку, затмевающему солнце.

— Конечно, я тут ни при чем.

— Я не знала. Ма'йи запутывал нас. Он оставлял следы молний. Сделал так, чтобы все было похоже на дело твоих рук.

Он еще сильнее морщит лоб.

— Пройдоха причинил много страданий своими глупостями, — соглашается он. — Я с ним разберусь.

— Я уже разобралась.

Он смотрит с удивлением, затем расплывается в улыбке.

— Чинибаа…

— Теперь ты знаешь, что эти люди не враги тебе, Нейзгани. Отпусти их.

Нейзгани делает паузу, словно размышляя.

— Только не его.

И он направляет свой меч на Кая. Земля уходит из-под моих ног, грозя опрокинуть. Я должна была знать, должна была предвидеть, что Нейзгани сочтет Кая угрозой. Соперником. Но я ни за что не отдам его на милость Убийцы Чудовищ.

— Ты его не получишь, — говорю я.

Нейзгани смеется, и его смех мелодичен, как весенний гром.

— А кто мне сможет помешать?

— Я.

Его взгляд проходится вверх и вниз по моему телу, останавливается на левом боку.

— Как тебе мой подарок?

Я непроизвольно поднимаю руку под ребра, к оставленному им клейму в виде молнии, но тут же одергиваю себя, заметив его понимающую улыбку.

— Это чтобы ты про меня не забывала, — говорит он. — И чтобы я всегда мог тебя найти.

Он делает два шага вперед и оказывается прямо передо мной. Поборов желание отступить, я остаюсь на месте. Он так близко, что если я выдохну, наши тела соприкоснутся. Поэтому я задерживаю дыхание. Он заговорщицки наклоняется ко мне, и вместе с ним качаются вперед и касаются моей кожи его волосы.

— Вижу, он уже развратил тебя.

Я отшатываюсь назад. Его слова словно удар плетью. Неужели он знает о тех ночах, которые мы провели вместе в постели Грейс? И о том первом поцелуе, который случился только вчера?

Он поджимает губы, наблюдая за моим лицом, но я не понимаю, о чем он думает.

— Он очень умен, Чинибаа, и я не стану упрекать тебя за твою доверчивость. Но ты должна знать, что он…

Я трясу головой. Отступаю еще дальше. Я не смогу принять еще одно откровение, еще одно предательство. Оно окончательно меня сломает.

— Не надо…

Он замолкает, наблюдая за мной.

— Тогда спроси его. Спроси сама. Спроси, зачем он здесь. Почему настаивал на том, чтобы стать твоим напарником.

Последнее слово Нейзгани выплевывает с презрением.

— Я не…

— Спроси его!

Я поворачиваюсь к Каю. Он уже высвободил всю энергию, которую удерживал, но воздух вокруг него по-прежнему тяжелый и заряженный, а радужки глаз все еще с серебристыми краями. Он бледен и вспотел. Идеальные волосы убраны назад с идеального лица.

— Все не так, Мэгги.

Я сглатываю, внезапно испугавшись. Эта дрожь в его голосе, панический взгляд…

Нейзгани говорит правду.

— Что не так, Кай? — Я едва узнаю свой голос, настолько он слаб и напуган.

Нейзгани смеется:

— Расскажи ей. Кошка узнала тебя сразу, как

только увидела и услышала, как ты произносишь слова. Расскажи ей о силе своего клана.

— О чем он говорит, Кай? О клане Великих Целителей?

Но затем я осознаю, что он никогда не рассказывал мне о силе своего второго клана. Я сама решила, что это как-то связано с погодой. Но теперь не знаю, что и думать. Просто не знаю.

— С самого начала мои намерения, возможно, и были эгоистичными, — осторожно говорит Кай — точно так же, как говорил, когда я столкнулась лицом к лицу с Длинноруким у дома Таха. Говорит так, будто я опасна. — Но то время, которое мы провели вместе, — это было по-настоящему, Мэгз. Мы же друзья. Настоящие друзья. Ради тебя я готов на все. Я не намеревался….

— Не намеревался? Не намеревался сделать что?

Он медлит.

— Скажи мне, — приказываю я, повышая голос. — Скажи мне!

— Мэгз…

— Не называй меня так!

Я дрожу, чувствуя, как проникает в кости холодный страх, угрожающий разорвать меня изнутри. Кажется, теперь я поняла. Это лицо… Это

обаяние… И такая неестественность под светом Шалимара, со снадобьем на глазах. Ответ все время был передо мной, а я не смогла его разглядеть. Но теперь мне нужно услышать это от него. Мне нужно, чтобы он признался.

— Какая у тебя другая сила клана, Кай? Это не Великие Целители. И не люди Погодного Пути. Для кого ты был рожден?

Он не пытается лгать.

– *Бит'аа'ниий*. Беседующие в Одеялах.

— И что это значит?

— Я умею уговаривать людей не причинять мне зла. Как с ребятами Уриосте, помнишь?

Он говорит об избиении в Бурке за то, что переспал с владетельной испанской принцессой.

— Помню.

Он выдыхает. И на мгновение закрывает глаза, будто пытается устоять перед бурей.

— А еще я могу уговорить людей… помогать мне.

Я борюсь с внезапным приступом тошноты, от которой вдруг резко захотелось согнуться. Теперь все становится понятным. И то, как ему удалось уговорить Длиннорукого отпустить нас в первый день. И то, как он проделал то же самое с Хастиином. И с Грейс.

И со мной…

— Серебряный язык, — шепчу я, повторяя слова Грейс.

— Путь слов, — мягко поправляет он, — всего-навсего.

Я оглядываюсь на плато, на мир за его пределами. И понимаю, что мне некуда идти. От правды нельзя убежать.

— Ты применил свою силу ко мне? — тихо спрашиваю я.

— Мэгги, — говорит он таким печальным голосом, что у меня замирает сердце, — ты должна понять. Это всё мои сны. Вначале я не мог в них разобраться. За мной охотился Убийца Чудовищ. И я хотел понять, что ему от меня нужно. — Он бросает взгляд на Нейзгани, все еще стоящего рядом со мной. — Поскольку сны никогда не лгут, я знал, что рано или поздно он за мной придет.

Я ждала, что он признается в том, что манипулировал мной ради поцелуя. Чтобы я позволила ему со мной остаться. Но это… А потом я вспоминаю о снах Кая. О том, как он волновался и просил разбудить, если вдруг заговорит, будучи спящим. О том, как не раз пытался напиться перед сном. А еще я вспоминаю выражение его лица сегодня, когда я спросила, как ему спалось.

— Ты что такое говоришь? — спрашиваю я.

— Просто я не знал еще, будет ли Убийца Чудовищ, который придет за мной, Нейзгани, или он будет… тобой. А потом ты объявляешься в хогане моего *аччея*, и я понимаю — это же не может быть простым совпадением, верно? Я должен был убедиться, что нравлюсь тебе.

Я вспоминаю о той ночи в моем трейлере. И о его якобы случайном предложении заняться сексом.

— Значит, ты…

— Твой друг. Напарник.

Меня медленно охватывает ужас.

— Это была идея Таха?

— Нет! — отвечает он. — Он ничего не знал. Я и о снах ничего ему не рассказывал. Он бы просто стал волноваться. Более того — я даже не понимал, кто такой Убийца Чудовищ, пока однажды Тах не заговорил о тебе, после чего ты появилась с отрезанной головой. Ну я и сложил два плюс два. Потом стало ясно, что делать дальше.

— Иногда ты побеждаешь врагов, делая их своими друзьями…

Это те самые слова, которые он сказал мне в первую ночь, когда объяснял мне, почему хорошо отнесся к Койоту. Но он имел в виду не только

Койота. Он говорил и обо мне. Он сидел и честно рассказывал мне, что собирается делать, а я поняла это только сейчас. Смешно. Я предупреждала его о Койоте, о том, какой он обманщик, а Кай в то же время признавался, что *он* ничем не лучше и такой же манипулятор. Но я оказалась слишком слепа, чтобы это увидеть.

— Мне нужно кое-что узнать, Кай. Мне нужно, чтобы ты сказал мне правду.

— Я знаю. Я скажу… я попытаюсь.

— В ту первую ночь в моем трейлере ты пытался уговорить меня переспать с тобой. Это было средство для достижения цели? Ты говорил одинокой измученной девушке то, что, как считал, она хочет услышать? Точно так же, как с Длинноруким? Значит, ты хотел, чтобы, когда придет Нейзгани, я уже была твоей любовницей? Чтобы была готова сражаться с Нейзгани вместо тебя?

Он морщится, будто его ранят мои слова.

— Нет, Мэгз, все было не так. — Он колеблется. — Ну разве что в самом начале. Но не потом. После того как ты спасла меня от Длиннорукого; после того как я увидел, какая ты смелая и как сильно любила моего дедушку, увидел, как сильно разрывает твою душу уверенность в том, что ты не больше чем машина для убийств, я понял,

насколько тебя недооценивал. У тебя огромная душа. Ты настоящий лидер. И герой.

Нейзгани за моей спиной неодобрительно хмыкает, но я не обращаю на это внимания.

— А тот поцелуй, Кай? Что это было?

Он вспыхивает и встречается взглядом со мной.

— Он был настоящий.

Я моргаю, пытаясь смахнуть непрошеные слезы. Живот начинает сильно сводить, и я обхватываю себя руками.

— Было бы лучше, если бы это была ложь.

— Мэгги, нет. Не надо.

Его голос добрый и нежный. Таким же голосом он звал меня, когда я умирала на арене. Я цепляюсь за эту мысль. Кай боролся за меня. Он спас меня. Это было реально. Это было *по-настоящему*. Наш поцелуй был настоящим.

Но настоящим был и его обман.

— Ты лечил меня, чтобы спасти? Или для того, чтобы я сражалась потом за тебя с Нейзгани?

— Я лечил, потому что… не хотел тебя потерять.

Я неуверенно отворачиваюсь от него. Наклоняюсь, уперевшись руками в колени, и пытаюсь отдышаться. Уговариваю себя, что если меня об-

манули, то в этом только моя вина. Разве я не то же самое думала о Ма'йи? Кай, по крайней мере, не поступил со мной так гнусно.

Я делаю глубокий вдох и снова поворачиваюсь к Каю лицом. Господи, как это больно… Все, что мне хочется сейчас, — это отмотать время назад и снова оказаться в библиотеке Грейс. Но тот момент ушел и никогда больше не вернется.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Почему бы не использовать силу *Бит'аа'нии* сейчас, когда это важнее всего? Разве ты не можешь просто уговорить меня сразиться за тебя с Нейзгани?

Он медленно и осторожно кивает:

— Могу. Но я не хочу тебе лгать. Не хочу больше тебя обманывать.

За спиной раздается низкий гул смеха.

— Единожды солгавший — лжец навсегда. Чинибаа, он сам признал, что ему нельзя доверять. Он использовал тебя и сделал все возможное, чтобы настроить тебя против меня. Убей его за предательство, и покончим с этим.

— Уходи.

— Не чувствуй себя ущербной за то, что тебя использовали. Ты всего лишь пятипалая, и твой вид…

— Я сказала, уходи! — Я чувствую, как Нейзгани

напрягается, поэтому спешу добавить: — Пожалуйста. — Я оборачиваюсь к нему, и Убийца Чудовищ смотрит на меня вопросительно. — Просто… мне нужно время, чтобы подумать.

Сначала мне кажется, что он не уступит, но через мгновение Нейзгани разворачивается и отходит в сторону.

Я опускаюсь на корточки и касаюсь руками земли, чтобы не упасть. Мне нужен план. Самый лучший. Мой собственный план — ни Ма'йи, ни Нейзгани, ни даже Кая… И идея рождается. Она ужасна, уродлива… но это шанс.

Я встаю. Кай выпрямляется передо мной, как приговоренный перед расстрелом.

— Что происходит в твоих снах, Кай? — спрашиваю я. — Что происходит, когда Убийца Чудовищ тебя находит?

Он вздрагивает.

— Я умираю.

— А потом?

Он качает головой, не в силах понять, к чему я клоню.

— Что потом? — повторяю я нетерпеливым голосом.

Потому что такова моя идея. Дурацкая, болезненная идея. Но если она сработает…

Я смотрю, как на его лице появляется понимание.

А потом ужас.

Он сглатывает, напрягая сухожилия на шее. Глаза лихорадочно мечутся в поисках другого выхода. Любого выхода.

Затем он закрывает глаза, придя к тому же выводу, что и я. Когда он их открывает и снова на меня смотрит, в них уже нет ни малейших признаков серебра. Они вновь стали карими, как я и предвидела.

Я вынимаю «глок» из кобуры и оглядываюсь на Нейзгани. Он смотрит на меня с любопытством. Но не вмешивается и держится довольно далеко. Так далеко, что если я наклонюсь к Каю и скажу ему что-нибудь, то Нейзгани меня не услышит.

— Ты был прав насчет меня, Кай, — шепчу я тихо и настойчиво, — я больше чем убийца. Мне кажется… Я думаю, это стоит попробовать. — Мой взгляд падает на шрам возле моего сердца. — Иначе он меня не отпустит. И не отпустит тебя.

— Если я выживу, а ты нет, то я все равно умру.

Я стучу по сумке с кольцами, чтобы напомнить ему о нашем плане.

— Тебе кажется, что я не справлюсь? Я ведь могу и обидеться.

Я улыбаюсь, но на самом деле мне не до шуток.

— Обрети же хоть немного веры.

Лицо Кая становится призрачным и лихорадочным. Он смотрит на меня целую вечность. Его тело сотрясает дрожь. Наконец он вытягивает руки в стороны, показывая, что сдается.

— Теперь у меня есть вера.

Я отступаю на три шага назад. Поднимаю пистолет. *К'ааханаании* молчит, не предлагая ничего, что могло бы облегчить ситуацию. Впрочем, облегчить ее невозможно ничем. Но рука моя тверда, а цель верна.

— Пришло время умирать, Кролик, — шепчу я.

И немедленно всаживаю в его сердце пулю.

Глава 37

Кай оседает и падает на землю с отвратительным стуком.

Издав мучительный крик, Клайв вырывается вперед и бросается на меня. В его руке охотничий нож, который я раньше не замечала. Я отступаю назад, и он промахивается. Нейзгани уже рядом, он обрушивает рукоять меча на уже раненную голову Клайва. Рыжий обмякает и растягивается рядом с телом Кая.

Тишина. Абсолютная тишина окружает нас. Земля содрогается. Где-то вдалеке гремит гром.

Хастиин и остальные смотрят на нас во все глаза. Я не знаю, насколько много им удалось услышать. И поняли ли они хоть что-нибудь.

А потом Нейзгани начинает смеяться. Это громкий, радостный звук, способный пробудить душу самого Бога Солнца.

— Ты не перестаешь меня удивлять, Чинибаа, — задумчиво говорит он, толкая тело Кая носком своего мокасина. — Я и забыл, насколько сильна твоя тяга к кровопролитию. Но его смерть только к лучшему. То, что Кошка рассказывала

мне о его силе, предвещало невероятный хаос.

— Да, наверное… — Я стараюсь говорить так, словно мое сердце не разбито; словно мне не хочется выблевать свои кишки, глядя на Кая, лежащего в грязи с дырой в области сердца и сочащейся из тела кровью.

Точно так же, как в моих кошмарах.

Я больше не могу здесь оставаться. Мне нужно двигаться. Я иду вперед, не имея понятия куда. Просто… прочь отсюда. Нейзгани следует за мной. Он касается моей руки, и я наконец останавливаюсь. Меня колотит дежавю, как долбаный молоток. Мы снова на Черном Плато. Снова там же, где были раньше, — с другими телами у моих ног. С другой человеческой кровью на руках.

— Ты думала, почему я поцеловал тебя, Чинибаа? — спрашивает он. — Там, в бойцовской яме. Ты ведь даже не спросила.

Я поворачиваюсь. Он слишком близко. Его глаза хранят все тайны мира. Губы почти касаются моих. Я сглатываю внезапную влагу во рту, борясь с головокружением. Руки трясутся. От желания или ужаса — даже не знаю.

— Я… я… — жалко заикаюсь я.

Он пахнет молнией — теплом и озоном. Силой. Я цепляюсь за память о Кае. За прохладные

горные воды и целебное спокойствие. Но теперь эта память треснула. И щель стала достаточно широкой, чтобы впустить в нее Нейзгани.

Он яростно шепчет:

— Потому что в тот момент ты была великолепна. Я увидел тебя. Я *разглядел* тебя. И я этого никогда не забуду, Чинибаа — «Девушка, которая выходит на бой».

Его ладонь касается моей щеки, чуть ли не обжигая.

Я помню поцелуй на арене: жесткое прикосновение его губ к моим, острый медный привкус от крови и железный — от оружия.

— Ты вкусил смерть, — шепчу я.

Он усмехается — дико, но до боли красиво.

— Как и ты, Чинибаа. Мы разделили его оба, этот вкус смерти. И я больше не буду в этом сомневаться. — Он касается того места под моим сердцем, где осталось его клеймо. — Отныне ты принадлежишь мне.

Он делает шаг назад и протягивает мне руку.

Я понимаю, что еще не все потеряно. Я могу взять его за руку и присоединиться к бойне. Могу забыть о Кае и своем безумном плане. Могу снова надежно укрыться под крылышком Нейзгани и остаться его любимицей. Снова почувствовать

его губы. Обещание совместного будущего такое дразнящее. Эта мысль так заманчива, что у меня кружится голова.

Но есть кое-что еще, чего я хочу больше, чем Нейзгани. Даже больше, чем Кая.

Я не беру его за руку. Вместо этого жестом приглашаю идти вперед.

Когда он поворачивается ко мне спиной, я снимаю с пояса сумку, в которой хранятся *наайее атс'ос.* Разрываю шнурки и вытаскиваю кольца. Они точно такие, какими я их помню. Не тяжелые и не легкие, покрытые перьями и слегка теплые на ощупь. Увидев их, я начинаю думать, что моя идея еще более безумная, чем мне казалось, но другого шанса у меня нет. Я растягиваю радужно-пернатое кольцо так, чтобы оно стало подходящего размера.

Нейзгани все еще стоит ко мне спиной. Я начинаю двигаться прежде, чем успеваю передумать. Протягиваю руку, помещаю кольцо над его головой и отпускаю. Оно тут же закручивается вокруг его шеи. Я зачарованно смотрю, как кольцо быстро сжимается вокруг его горла.

Затем делаю шаг назад, держа «глок» наготове. Смотрю, не отнимая пальца от спускового крючка. Я знаю, что даже с такого близкого расстояния

мой пистолет не убьет его, но хотя бы замедлит. И это просто смешно. Даже если он станет двигаться медленнее, это просто отсрочит мою неминуемую смерть, потому что он наверняка захочет убить меня за такое предательство. Нет, это должно сработать. Так или иначе.

Он оступается и поворачивается ко мне. Он тянется руками к обручу, сжимающему ему горло, и меч со звоном падает на землю. Его ноги подкашиваются, ему приходится балансировать одной рукой, чтобы не упасть. Он хмурится, в замешательстве подняв брови.

Я быстро обхожу его по широкой дуге, расставляя кольца на правильных местах. Восток, север, запад и юг. Дрожь сотрясает его тело, когда я кладу последнее кольцо, и он падает на колени, будто его тянут вниз невидимые веревки. Он пытается схватить меня судорожно сжимающимися пальцами, но я легко выхожу из зоны его досягаемости. Его голова никнет, словно он более не в силах ее поднять.

— Что это такое? — хрипит он и кашляет, когда длинные волосы цвета воронова крыла рассыпаются по земле.

— Мне очень жаль… — с трудом произношу я.

— Что ты со мною сделала?

Он беспомощно обвисает, а я тем временем оттаскиваю его молниеносный меч подальше. Клинок легкий, как свобода, и тяжелый, как горе, но рукоять ложится в мою ладонь вполне удобно, словно его выковали специально для меня. Я убираю пистолет в кобуру и покрепче обхватываю меч на тот случай, если Кай ошибся и мне придется рубить голову.

— Чинибаа, — бормочет он, запинаясь. Взгляд ониксовых глаз мечется между мной и мечом. — Ты предаешь меня? — В его голосе слышится недоверие. — Но ты же убила его ради меня. Что ты теперь творишь?

— Я не уверена, — шепчу я, — но, кажется, ты был прав. В твоем поцелуе я почувствовала только смерть. А я хочу бóльшего, Нейзгани. Я хочу жить. И любить. Такой любовью, которая не подразумевает желания убивать.

Его брови хмурятся, словно я несу какую-то чушь. Что ж, может, и так.

— Ты не сможешь удерживать меня вечно. Когда я освобожусь, тебе придется ответить за то, что ты сделала. — Он начинает вырываться, все сильнее сопротивляясь сдерживающей его силе, но тщетно. *Наайее атс'ос* постепенно вытягивают из него силу. — Вспомни, сколько я сделал для те-

бя, — шипит он, и его голос становится злобным от отчаяния. — Я сотворил тебя такой, какая ты теперь есть.

— Я знаю. К лучшему это или к худшему, но я знаю. — Слова Ма'йи теперь доходят до меня. — Но теперь мне нужно спасти маленькую девочку.

— Какую еще девочку? — выплевывает он. — Ты предпочла мне пятипалую девочку?

Я дотрагиваюсь до клейма и вспоминаю ту девочку на хребте у форта Дефайанс, которая потеряла свою *нали* и с тех пор потерялась навсегда.

— Да, наверное, так и есть.

Его крики обрушиваются на меня, как последние усилия умирающего урагана, когда он начинает погружаться в землю. Я гляжу, как почва расступается вокруг него и засасывает его вниз. До лодыжек, до колен, по грудь. Она обтекает его, как зыбучий песок.

Я отворачиваюсь. Я больше не могу на это смотреть.

Я жду, пока не стихают все звуки, и остается единственный — ветер, дующий над плато. Я говорю себе, что так будет лучше, но сейчас мне не стало лучше. Мне по-прежнему очень плохо.

Щелчок предохранителя привлекает мое внимание. Я оборачиваюсь.

Передо мной стоит Рисса и целится в меня из «AR-15».

— Тебе лучше уйти, — говорит она глухим голосом.

— Что?

Ее лицо мрачно, одежда окровавлена и оборвана, а глаза красны. Она бросает взгляд вбок — на бесчувственное тело брата, лежащее рядом с Каем.

— Тебе здесь больше не рады, Убийца Чудовищ.

Я недоверчиво смотрю на нее:

— Но я же его остановила. Он собирался всех вас убить.

— Я не знаю, что собирался делать Нейзгани. Я вижу только, что сделала ты.

— И что я сделала? Я ведь…

Внезапно до меня доходит. Она думает, что я хладнокровно застрелила Кая. *К'ааханаании* начинает напевать о смерти Риссы. Но я не хочу убивать дочь Грейс. Она просто не понимает.

— Кай спас тебе жизнь, — говорит Рисса твердым от отвращения голосом. — Я была там, когда тебя привезли с арены. Видела, что он сделал. То,

чем пожертвовал. И вот этим, черт возьми, ты ему отплатила!

— Но я не… — Я проглатываю свое негодование, напоминая себе, что это временно, что я должна верить в то, что Кай проснется и найдет меня.

И тогда Рисса будет должна мне чертовски много извинений.

— Уходи! — кричит она. Ее палец дрожит на спусковом крючке, по лицу стекает пот. Я понимаю, что она, должно быть, чувствует *К'ааханаании*, даже если не знает точно, что это такое. — Я отпущу тебя за то, что ты для нас сделала. Но если увижу еще хоть раз, ты умрешь.

— Можно подумать, ты сможешь меня убить. — Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю подумать.

Она мрачно кивает:

— Ты права. Может, и не смогу. Как раз будет повод проверить.

Я замечаю Хастиина, наблюдающего за нами со стороны. Но он не предлагает помощи. Он тоже думает, что я убийца.

Я кладу молниеносный меч Нейзгани на плечо и иду к грузовику. Рисса не пытается меня останавливать. Просто следует за мной на расстоянии прицельного выстрела. Мои силы кланов нашеп-

тывают различные способы ее убийства, но я их подавляю. Сажусь на водительское сиденье. Кладу меч на оружейную полочку.

Рисса стоит снаружи. Я закрываю дверь, чувствуя ее пристальный взгляд. Поворачиваю ключ в замке зажигания.

— Только не зарывай его в землю, хорошо? — говорю я ей. — Ты не знаешь всего. Просто дай ему шанс.

Рисса не подает виду, но я точно знаю, что она меня услышала.

Я бросаю последний взгляд назад — туда, где стоял Нейзгани. Теперь на этом месте нет ничего, что выделяло бы его как особенное. Поднявшийся ветер поднимает пыль с земли.

Я трогаюсь с места.

Глава 38

Прошло четыре дня.

Я сижу на краю скалы, откуда открывается вид на мой трейлер. Закат пятого дня окрашивается в яркие красные, оранжевые и алые оттенки. Осиновая роща неплохо прикрывает меня от любопытных глаз. А еще здесь прохладно. После того как я покинула Черное Плато, мне пришлось немного побыть вдали от людей. Я жила в горах, питаясь только теми остатками еды и воды, которые возила с собой. В конце концов жажда погнала меня вниз, в Хрустальную Долину, и вот я торчу уже несколько часов на этом выступе и до сих пор не решаюсь спуститься с холма к своему трейлеру.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что с тех пор, как я покинула свой дом, в нем кто-то побывал. Потом мне показалось, что я уловила отблеск жемчужной пуговицы и разглядела узловатую коричневую руку, отодвигающую занавеску. Но если я ошиблась и в трейлере нет Таха, то горе, скорее всего, поглотит меня целиком. А если я права, то как мне рассказать ему о

Кае? Так что я остаюсь сидеть на месте, на этом чертовом гребне. Вне поля зрения.

Мои собаки живы-здоровы. Самая маленькая — единственная выжившая из своего помета — лежит, свернувшись калачиком, у моих ног. Остальные разбежались кто куда. Охотятся, патрулируют округу или заняты каким-нибудь другим собачьим делом. Но эта единственная остается со мной.

Я поправляю молниеносный меч на спине. Я скучаю по своему дробовику, но не могу носить и то и другое одновременно. Наверное, я неравнодушна к оружию, способному вызвать огонь с небес. Кроме того, у меня такое чувство, что очень скоро мне понадобится помощь сверхъестественных сил. Список мною убитых длинен, но список живых врагов еще длиннее. Я не сомневаюсь, что Нейзгани сбежит из своей тюрьмы на Черном Плато и когда-нибудь придет за мной. И в тот день воссоединение обязательно закончится смертью одного из нас. А еще есть Псы-Законники, которые рано или поздно узнают всю правду о том, что случилось с Длинноруким, и наконец меня выследят. Или, быть может, это будет Рисса, верная своему слову.

Снова поднимается ветер, и деревья вокруг

меня начинают шуметь. Приближаются тяжелые грозовые тучи, которые, как мне кажется, вырастают с каждым часом. Тучи темно-серые, почти черные с серебряными прожилками — под цвет глаз одного знакомого мне знахаря. Без сомнения, эти тучи принесут с собой целый потоп.

Что-то внизу привлекает мое внимание. Я вижу, как распахивается входная дверь. Из нее показывается старик с кружкой в руке. Я смотрю на белый пар, поднимающийся из кружки, и почти чувствую этот насыщенный землистый аромат. Желудок начинает возмущенно урчать.

Тах смотрит прямо на меня.

Я бормочу проклятие. Но не очень сильное. Конечно же, старик меня увидел.

Делать нечего. Я начинаю спускаться с холма, и моя дворняжка тащится за мною следом. Наступает вечер, и я слышу, как оживает лес: медленное жужжание насекомых, шуршание барсуков в зарослях, крики ночных птиц. Впервые за много дней я чувствую, как с меня спадает часть сердечной боли, оставшейся после Черного Плато.

Тах протягивает мне кружку, и я ее беру. Делаю глоток темного горького кофе, обжигающего рот. Улыбаюсь.

— Идем домой, дочь моя, — говорит он, при-

держивая передо мной дверь. — Подождем его вместе.

Я не спрашиваю, откуда он знает и ненавидит ли меня за то, что я сделала. Я просто принимаю предложенную им доброту. И мы вместе начинаем ждать шторм, подобного которому Динета еще не видела.